

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

№7
Часть IV

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ПО МАТЕРИАЛАМ VII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
31 ОКТЯБРЯ 2015 Г.

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам
VII Международной научно-практической конференции

г. Белгород, 31 октября 2015 г.

В десяти частях
Часть IV

Белгород
2015

УДК 001
ББК 72
С 56

Современные тенденции развития науки и технологий :
С 56 сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции 31 октября 2015 г.: в 10 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород : ИП Ткачева Е.П., 2015. – № 7, часть IV. – 148 с.

В сборнике рассматриваются актуальные научные проблемы по материалам VII Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 октября 2015 г.).

Представлены научные достижения ведущих ученых, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов по филологии, истории, искусствоведению и культурологии.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: www.issledo.ru

УДК 001
ББК 72

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам VII Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 октября 2015 г.

В десяти частях
Часть IV

Подписано в печать 11.11.2015. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,60. Тираж 100 экз. Заказ 203.
ООО «ЭПИЦЕНТР». 308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

ISSN 2413-0869

© Коллектив авторов, 2015
© ИП Ткачева Е.П. (АПНИ), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Каленова А. Zh.</i> REFLECTIVE TEACHING IS ONE OF THE BEST WAYS OF LESSON PLANNING	5
<i>Антонова А. Б.</i> АССОЦИАТИВНЫЕ И РЕЦЕПТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА DRINKING	8
<i>Бабаева А. В.</i> ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ВОЗРАСТ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ	12
<i>Бахаева Л. М.</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ В ТЕКСТАХ ЧЕЧЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)	15
<i>Васильев В. П., Васильева Э. В.</i> ИЗ ОПЫТА ДЕФИНИРОВАНИЯ В ОБЛАСТНОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ	18
<i>Веденяпина Э. А.</i> ДРАМАТИЧНО ИЛИ ТРАГИЧНО СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ПУШКИНА «ВОСПОМИНАНИЕ»?	25
<i>Воробьева А. Е.</i> РЕЧЕВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ	29
<i>Говенько А. М.</i> МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОД РЕАЛЬНОСТИ	32
<i>Десятская С. В.</i> КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ	37
<i>Жабина Л. В.</i> О ЗАДАЧАХ ПЕРЕВОДЧИКА В СФЕРЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР	39
<i>Жаркова М. А.</i> КОНЦЕПТЫ «СОБЛАЗН» И «ИСКУШЕНИЕ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ	42
<i>Исабаева Т. Д.</i> О ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ НА БАЗЕ ОСВОЕНИЯ КОГНИТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА	45
<i>Козырева М. К.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «MUSLIM WORLD» НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ГАЗЕТЫ EVENING STANDART	48
<i>Ненарокова М. Р.</i> ЛИТЕРАТУРНЫЕ АЛЛЮЗИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ Н. П. АНЦИФЕРОВА («НОРГЕ»)	50
<i>Николушкин К. В.</i> КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ	58
<i>Рыбина С. Ю.</i> ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ДОСТИЖЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА З. СМИТ «БЕЛЫЕ ЗУБЫ»	63
<i>Сатцаев Э. Б.</i> АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ (ОСЕТИНСКИЙ И ПЕРСИДСКИЙ)	66
<i>Соловьева Н. В.</i> ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПОНЯТИЕ	70
<i>Ярмухаметова Л. Ф.</i> ОБ ОДНОМ ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ РЕПЛИК-НАКЛЕЕК В ТРАНСПОРТЕ г. УФЫ)	76
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»	79
<i>Багаев А. Б.</i> К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННОМ ТИПЕ ВОЙСКА У ОСЕТИН	79

<i>Григорьев В.С.</i> ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА Н.Я. БИЧУРИНА (О. ИАКИНФА)	83
<i>Григорьев В.С.</i> УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ОСВОЕНИИ, ЗАЩИТЕ И РАЗВИТИИ КРЫМА В XIX-XXI ВВ.	86
<i>Григорьев В.С.</i> ЭВОЛЮЦИЯ СТЕПНЫХ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ОТ ВЕЛИКОЙ БОЛГАРИИ ДО КАЗАНСКОГО ХАНСТВА	95
<i>Исмаилова А.М.</i> РОЛЬ БАТУМИ В РАЗВИТИИ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ЗАКАВКАЗСКОГО КРАЯ (НА РУБЕЖЕ XIX- XX ВВ).....	98
<i>Кокарев М.С.</i> СЪЕЗДЫ ДУХОВЕНСТВА В СИСТЕМЕ ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ)	101
<i>Малиева З.Н.</i> ВАЖНЕЙШИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОСЕТИНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ	105
<i>Маркова С.М.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РЕФОРМИРОВАНИЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	110
<i>Мутиева О.С.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ЖЕНСКОЙ ВОИНСТВЕННОСТИ У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА	112
<i>Орнацкая Т.А.</i> ПОДГОТОВКА ЮРИСТОВ В ХАРБИНЕ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1920-х гг.).....	114
<i>Торопицын И.В.</i> ВЛИЯНИЕ ВОССТАНИЯ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА НА ЖИЗНЬ АСТРАХАНСКИХ ЮРТОВСКИХ ТАТАР	117
СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ».....	121
<i>Дашкова Е.В., Ивушкина Е.Б.</i> ЭКОМУЗЕОЛОГИЯ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	121
<i>Довганич М.Н., Сенченко Л.И., Ковалёва Л.А.</i> ДИРИЖЕРСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА МАЛЬКО (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)	127
<i>Ермишина Н.Д.</i> МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	131
<i>Зимица О.А.</i> АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМИОТИКИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО КОСТЮМА	134
<i>Кучеренко А.Л.</i> СУЩНОСТЬ ФЕНОМЕНА «ДУЭНДЕ» В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСПАНСКОГО ТАНЦА ФЛАМЕНКО	141
<i>Старикова В.И., Платонова С.М., Шамсутдинова Р.Р.</i> ЖАНР БАЛЛАДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ НАРИМАНА САБИТОВА	143
<i>Шахов В.А.</i> ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОСОБАЛТОВ ЮГО- ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ.....	146

**REFLECTIVE TEACHING IS ONE OF THE BEST
WAYS OF LESSON PLANNING**

Kalenova A.Zh.

EFL teacher,

Nazarbayev Intellectual School in Physics and Mathematics in Uralsk,
Kazakhstan, Uralsk

If you prepared the dish and it didn't work first time, you wouldn't use the same recipe for the second time, would you? You would either change the ingredients of the dish or find a new better one, right? In this way in teaching area, one of the learning aspects may not be working effectively, and then we should think to make it better. No matter at home or at work, we have to think about what we did, was it good or bad, we always reflect or ask someone about our actions. We learn to make everything better through reflecting our actions. Consider John Dewey's¹ famous quote "We don't learn from experience. We learn from reflecting on experience." (Clements, 2007) Reformers like Mr. Dewey have been talking about the importance of reflection in the learning process since the 1930's. Therefore, as a teacher I can say that thinking about what you taught or what students learned in the classroom, what went bad or good during the lesson would help you to improve your planning. The fruitful lesson depends on its effective planning. And effective planning refers to teacher's reflection. Reflection is a branch of lesson planning; hence, it is an important part of the lesson. Reflective teaching means analyzing and evaluating yourself.

Almost all the teachers make a conclusion of the lesson results saying to colleagues "My students enjoyed the lesson" or "I did not have enough time to explain" and so on. However, not all teachers pay much attention to discussion of teaching strengths or weaknesses, the problems of teaching and learning process and they do not tend to thorough analyzing i.e. they make the next lesson plan not having sufficient data from the previous one. It can lead to an ineffective lesson plan.

There exist different types of collecting information of the lesson to reflect it efficiently.

- **Teacher's diary** – teacher writes notes describing each lesson after teaching or students behavior in the lesson.

- **Peer observation** – teachers visit each other's lessons to share the experience, give feedback in a written or oral form

- **Taking photographs** – pictures help teachers to remind the teaching process.

¹ **John Dewey** was an American educator and philosopher who believed that children should learn by doing and not by rote memorization. He thought that kids learn best in a free-play environment with lots of freedom and activities geared to their own interests.

- **Recordings:** audio or video – audio recordings might be helpful to know the teacher’s talking time, instructions or explanations were **clear or not clear for students as well as video recordings display** teacher’s and student’s behavior.

- **Students’ feedback** – to know students’ opinion about the lesson could help teachers to move forward.

Some of these steps are used in my practice as the most effective ways of reflection:

- Peer observation;
- Students’ feedback.

Peer observation – special observation sheet is used by teachers for note taking and helps each other giving comment on teaching or evaluating the progress of the lesson. Each teacher should be a critical friend to other colleagues. Main observation points are given in the Appendix A.

After the lesson, an observer tries to give feedback to the observed teacher according his\her notes. Usually observer can notice the fact that teaching person cannot see, for example, some students can be bored, some errors with interaction patterns: the same students or pairs work together the whole lesson, some issues with time management, some learning activities can be bored or not suitable to the topic and so on. Some teachers may find hard to receive comments about the lesson, however positive criticism can have an emotional impact on self-esteem and getting feedback execution. This post observation meeting should be a discussion between partners, not the conveyance of judgment.

Student’s feedback – is the best way of getting information from your learners, as they always tell the truth. I usually give out them stickers to write their opinions about the lesson according to some reflective questions: 1. what did you find the most interesting from the lesson? Why?

2. What did you find more challenging for you? Why?

3. What exactly did you misunderstand from the text?

4. What possible suggestions could you give for better learning?

5. What did you find more boring? Why?

These examples are given from the students’ replies:

- *I found the brainstorming activity the most interesting, because, we shared our ideas about the types of global problems.*

- *I had some difficulties in understanding the meaning of new words.*

- *Reading was so boring for me, can you make it more interesting.*

Students’ answers may help teachers to carry on, as ‘reflection is a key ingredient to move knowledge from short-term to long-term memory’.

As a teacher of Nazarbayev Intellectual School, a reflection is an essential part of every lesson. The system of education in the school goes in a cycling way:

Therefore, it is necessary to think about what changes can be implemented to make the lesson more enjoyable and useful instead of just “to cover” the material. When a teacher hurries with the giving as much material that is given in the course plan, some students may have gaps in acquiring the knowledge. As a consequence, they may fail the exam or test not understanding the reasons of failure. Hence, students’ learning is tightly related to teaching. As Dr. Darnell describes the learning process as “Input-Process-Output-Reflect” and notes that ‘without reflection, it is very difficult to have genuine learning’

To sum up, although reflective teaching was introduced into the practice in the 30s of the last century, however, sufficient attention to this essential part of the lesson has been given in innovative schools. The results of reflective teaching are improvement of educational activities, rise students' knowledge quality and increase of pupils' interest in learning English.

Appendix A

Observation sheet

<p>Rapport</p> <ul style="list-style-type: none"> • Conveys warmth through facial expression, manner, eye contact • Involves the whole group • Uses students’ names • Conveys enthusiasm about their lessons 	
<p>Encouragement</p> <ul style="list-style-type: none"> • Listens to the students and is interested in what they say 	
<p>Teacher talk</p> <ul style="list-style-type: none"> • Projects their voice and uses appropriate volume • Avoids ‘baby talk’ and speaks at appropriate speed. • Gives clear instructions • Allows time for student talk (try and record the balance between tt and st) 	
<p>Class management</p> <ul style="list-style-type: none"> • Organizes the students well • Help the students if they are having problems 	
<p>Student activities What are students doing? e.g. reading, writing, listening, speaking, group/pair/individual work. (try and record all activities and how long they are involved in each one)</p>	

This observation form is taken from UCL

References

1. Hanson J., Taylor J., Hughes J. (2013). Peer observation of teaching at UCL. Self-help handbook, University College London
2. Julie Tice. (2011). Reflective teaching: Exploring our own classroom practice, British Council Lisbon

3. Mark Clements. (2012). The Importance of Reflection in Education Retrieved from <http://www.edunators.com/>
4. The Open University (2015) Self-reflection. Retrieved from <http://www.open.ac.uk/>

АССОЦИАТИВНЫЕ И РЕЦЕПТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА DRINKING

Антонова А.Б.

доцент кафедры русского языка как иностранного, канд. филол. наук,
Евразийский лингвистический институт – филиал МГЛУ в г. Иркутске,
Россия, г. Иркутск

В данной статье приводятся результаты ассоциативного и рецептивного экспериментов концепта DRINKING. Данные эксперименты позволили провести дальнейший анализ содержания концепта DRINKING, выявить его многочисленные когнитивные признаки, объективированные ассоциатами, и понять специфику осмысления исследуемого концепта в английском языковом сознании.

Ключевые слова: концепт DRINKING, ассоциативный, рецептивный, информант, ассоциат.

Для выявления ассоциативных и рецептивных характеристик концепта DRINKING мы воспользовались методикой свободного ассоциативного эксперимента, а также методикой рецептивного эксперимента. «Обработка результатов свободного ассоциативного эксперимента позволяет интерпретировать полученные ассоциаты как отражение тех или иных концептуальных признаков исследуемого концепта» [1, с.115]. Высказывания говорящих в семантическом отношении более информативны, если они получены в строго контролируемом ситуационном контексте [2, р.9].

Для проведения свободного ассоциативного эксперимента информантам предлагалось 1. Записать 5 первых пришедших им в голову реакций (слов, словосочетаний, предложений) на слово-стимул *drinking*. 2. Записать цвет, ассоциируемый со словом *drinking*. 3. Записать животное, ассоциируемое со словом *drinking*. 4. Записать предметы, ассоциируемые со словом *drinking*. В эксперименте участвовали 40 испытуемых. Возраст информантов от 21 до 62 лет, родной язык – английский. Получено 365 ассоциативных реакций. Полученные данные мы распределили по семантическим группам:

- «Чувственные» ассоциаты: ассоциаты, связанные с физиологическими желаниями и потребностями: *thirst quenching* (8), *swallowing down* (1);

- «Цветовые» ассоциаты: *(light/dark) blue* (11), *red* (11), *green* (5), *transparent* (5), *none* (4), *yellowish brown/amber* (4), *white* (3), *black* (3), *clear* (2), *all colours* (1).

- Ассоциаты, связанные с физиологическими и психологическими последствиями употребления алкогольных напитков: *health problems* (4), *hangover* (3), *addiction* (2), *problems* (2), *barf bags* (1), *destruction* (1), *family scandals* (1), *obesity* (1), *toilet bowls* (1).

- Ассоциаты, связанные с эмоциями и оценкой: drunk (6), fun (5), over-indulgence (5), buzzin'(2), enjoyment (3), good time (2), relaxation (2), binge drinking (1), driving (1), drunkenness (1), enabler (1), epicure (1), excessive (1), friendly (1), good living (1), happy (1), imbibing (1), laughter (1), lit taverns with bad music (1), loose lips sink ships (1), nice (1), nice food (1), not fun the next day (1), not to enjoy (1), potentially dangerous (1), source of life (1), tears (1), tipsy (1), uncontrolled (1).

- Ассоциаты, имеющие отношение к местам и событиям, где употребляют алкоголь: party (9), bar (7), pub (4), club (2), college (2).

- Ассоциаты, имеющие отношение к предметам, связанным с употреблением алкоголя: ice (4), opener (4), corkscrews (3), beer mats (1), bottle-straw (1), cocktail shakers (1), cup-sized coaster/napkins (1).

- Ассоциаты, имеющие отношение к ёмкостям: glasses (27), bottles (26), cans (5), cups (5), mugs (3), carton (1), kegs (1), pitcher (1).

- Ассоциаты, характеризующие родовое и видовое понятие алкоголя: alcoholic beverages (16), beer (11), wine (9), champagne (1), gin (1), vodka (1), whisky (1).

- Ассоциаты, связанные с водой: water (10), taps (2), wells (1), brooks (1), faucet (2), hydration (1), liquid (1), trough (1).

- Ассоциаты, связанные с животным миром: fish (8), none (7), dog (4), camel (3), bear (2), elephant (2), human (2), moose (2), skunk (2), birds (1), bull (1), deer (1), horse (1), hummingbirds (1), monkeys (1), newt (1), sloth (1), tiger (1).

- Символические ассоциаты: friends (6), social interaction (5), food (4), sex (3), celebration (2), dancing (2), women (1), work is over (2), cigarets (1), entertainment (1), football (1), games (1), home (1), marketing (1), money (1), movies (1), one night stands (1), tips (1), weekend (1).

Результаты ассоциативного эксперимента позволили нам уточнить, а, в некоторых случаях, подтвердить те данные, которые были получены на предыдущих этапах исследования.

Интересно отметить, что при предъявлении слова-стимула *drinking* испытуемым не пояснялось, в каком из значений оно употребляется (применимо к алкоголю или потреблению жидкости), однако по количеству ассоциаций можно заметить, что первично его понимают в терминах алкогольных напитков и только вторично как принятие любых жидкостей (безалкогольных).

Выбрав из числа ассоциатов те, которые выражают оценку, мы посчитали, что в количественном отношении принятие алкогольных напитков ассоциируется в равной степени как с положительными (36 ассоциаций), так и с отрицательными эмоциями (41 ассоциация). При этом среди оценочных ассоциаций, связанных с негативным отношением к алкоголю, самый высокий рейтинг (60%) имеет признак «чрезмерное употребление алкоголя» (в английском языке выражающийся лексемами *drunk/plastered/overindulgence/drunkenness/fucked-up/binge-drinking/excessive*). То есть наибольшему осужде-

нию подвергается не принятие алкоголя вообще, а злоупотребление спиртными напитками.

Самыми популярными видовыми названиями алкогольных напитков являются вино (9 ассоциаций) и пиво (11 ассоциаций). А среди мест принятия алкоголя наибольшей популярностью пользуются бары (7 ассоциаций) и вечеринки (9 ассоциаций). Оттенки красного и голубого цветов в наибольшей степени ассоциируются с питием (по 11 ассоциаций). «Излюбленные» ёмкости для жидкостей (алкогольных и безалкогольных) – все ёмкости из стекла (glasses) и бутылки (bottles) (27 и 26 ассоциаций соответственно).

«Под рецептивным экспериментом понимается экспериментальное исследование знания (понимания) значения языковой единицы носителями языка» [1, с.115].

В ходе рецептивного эксперимента информантам предлагалось продолжить фразу: *drinking is...*; назвать слово, близкое по значению; назвать слово, противоположное по значению; объяснить значение предьявленного слова *drinking* человеку, который его в первый раз слышит; описать зрительный образ, который вызывает слово *drinking*.

В результате анализа субъективных дефиниций были получены следующие компоненты значения слова *drinking*: consuming a liquid (26); consuming alcohol (21); addictive and destructive behavior of consuming alcohol (2); quenching thirst (2); constant consumption of alcohol (2); activity, generally shared by two or more individuals, in which alcohol and socializing take place (1); alcoholism (1); consumption of alcohol for pleasure (1).

Можно отметить, что лексема *drinking* понимается в равной степени как употребление любых жидкостей (28 объяснений) и как употребление алкогольных напитков (28 объяснений).

В ходе эксперимента были названы следующие близкие по значению слова: swallowing, consuming liquid, hydrating, water, absorbing, quenching one's thirst/thirst-quenching, consuming alcohol, boozing, gulping, imbibing, ingesting, partying, slamming, indulging, loosening up, going on a bender, get fucked up, getting drunk/crunk/buzzed/stinko/smashed/shitfaced/pissed, overserved, throwing-back, (letting) loose, soak-up, intoxicant/inebriant /beverage/drink, potable, drinkable, quaffing, tippling, relaxing, poisoning, quaffing, drowning sorrows и т.д.

Противоположных по значению слов было названо гораздо меньше: non-drinking/non-drinker/not drinking, teetotaler/teetotalism/teetotal/t-total, blue cross, temperance, controlled, eating, food, working, abstaining/abstemious/abstinence/abstention/abstinent/abstain, thirsty/thirsting, dehydration/dehydrating, (being)sober/ sobriety/sobering, straight edge, dry/drying out, dying of thirst, dd (designated driver), spitting. Что еще раз подтверждает истину о том, что для общества проблема злоупотребления алкоголем более актуальна.

Анализ синонимов ключевого слова, вербализующего исследуемый концепт, даёт возможность выявить его концептуальные признаки и лучше понять содержание концепта DRINKING. Среди близких по значению слов

популярны эвфемизмы (21), характеризующие степень опьянения (как правило, сильную): *get fucked up, getting stinko/crunk, overserved* и т.д.

Рецептивный эксперимент позволил нам выявить эмпирическую базу концепта – зрительно воспринимаемые образы, связанные с этим концептом:

- *расплывчатость/нечеткость изображения* (*somber interior, discreet lightning, blurred vision of dancing, fata morgana, bad light*); *общение людей* (*good people, (good) friends, a group of friends together, entertaining social environment, people drinking together, having fun with friends, a couple freaks, loud conversation*);

- *питейное заведение* (*the interior of a bar, drunk bogan sitting in a pub, someone drinking in a bar, having a beer in a bar, last night bar scene*);

- *учебное заведение* (*college, high school friends acting ridiculously after a football game, party at a high school, college kids drinking alcohol at a party*);

- *отдых/игры/танцы/музыка* (*loud music, relaxing, listening to music, hard work is over, adult cocktail party, two champagne flutes, gambling, poker, dart board*);

- *розлив и распитие алкоголя* (*pouring liquor, a person drinking from a glass, beer bottles, a green bottle of beer, mug, take your hand and raise the glass to your lips and swallow the drink*);

- *неприятные последствия употребления алкоголя* (*car accidents, docket court*).

Как можно видеть, зрительно воспринимаемые образы в основном связаны с алкоголем. Ответы информантов демонстрируют совсем незначительное количество образов, связанных с водой (*sun, beach, thirst, desert*).

Итак, проведенные ассоциативный и рецептивный эксперименты позволили нам провести дальнейший анализ содержания концепта DRINKING, выявить многочисленные когнитивные признаки, объективированные ассоциатами, и понять специфику осмысления исследуемого концепта в английском языковом сознании.

Список литературы

1. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2001. – 191 с.

2. Cruise, D.A. Lexical Semantics [Text] / D.A. Cruise. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 311 p.

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ВОЗРАСТ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Бабаева А.В.

магистрант 3 года обучения института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»), Россия, г. Белгород

В статье рассматривается концепт «возраст» и его категории в русском и английском фольклоре, в частности в пословицах и поговорках.

Ключевые слова: концепт, возраст, человек, молодость, старость, знание.

*Пословицы – это свет народного ума, самобытной стати,
это житейская народная правда, своего роде судебник, никем не судимый.*
В.И. Даль

*Народные пословицы и поговорки ... служат отражением народного ум
характера, верований, воззрений на природу.*
Н.А. Добролюбов

Очевидно, что язык и культура тесно связаны между собой и находятся в постоянном взаимодействии. Язык есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие существования культуры, поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. Однако язык не статичен. Это динамичный, непрерывно изменяющийся механизм, способный к постоянному развитию. С изменениями образа жизни и менталитета общества изменяется и язык. Процесс глобализации, интернационализации, развития техники и наук приводит к появлению новых слов и словосочетаний. Язык, как зеркало, отражает все социальные и культурные изменения. Под влиянием национального языка, традиций, народной мудрости формируется ментальность. Соответственно отражением менталитета народа страны являются шутки, анекдоты, классическая народная литература, устное народное творчество. Фольклорные произведения, передающиеся из поколения в поколение, представляют собой результат коллективного народного творчества и лишены субъективного взгляда автора, поэтому являются наиболее надежным источником описания народного характера.

Но наиболее статичным и глубоким в фольклоре любого народа являются пословицы и поговорки, в которых заключена народная мудрость и знания, отражается национальный характер и особенности языка, зачастую в его историческом развитии. Соответственно, если лексика – слова и словосочетания – несет основную культурную нагрузку, то вышеупомянутые категории вносят огромный вклад в языковую картину мира определенной нации. С помощью частотности употребления определенных категорий в пословицах и поговорках можно выявить характерные черты отдельной нации. Так, например, англичанам свойственна предусмотрительность («Safety first» – «Осторожность первым делом»), сдержанность речи, недосказанность («A world to

the wise» – «Слово – мудрым»), разнообразие и свобода взглядов («Variety is the spice of life» – «Разнообразие – прелесть жизни» или «It takes all sorts to make the world» – «Чтобы создать мир, необходимо разнообразие»). Русскому народу свойственны такие черты характера, как общительность, гостеприимство, справедливость, безалаберность, патриотизм и пренебрежительное отношение к законам и к богатству. Примерами тому служат следующие выражения: «Не красна изба углами, а красна пирогами», «Каждому – свое», «Первый блин – комом», «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет», «Где суд, там и неправда», «Где родился, там и пригодился», «У богатого черт детей качает», «Мужик богатый, что бык рогатый», «Лучше капля ума, чем вдоволь богатства».

А.Н. Афанасьев писал, что «пословицы по самой форме своей не подвержены искажению и потому являются памятником издавна сложившихся воззрений. Пословицы являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта» [2, с. 15].

В связи с тем, что пословицы и поговорки реагируют на все явления действительности, отражают жизнь и мировоззрение народа во всем многообразии, они передают бытовые, социальные, философские, религиозные, морально-этические, эстетические народные взгляды, и в них прослеживаются различные факторы, влияющие на развитие отдельного народа (исторические, климатические, экономические, географические). Главное назначение пословиц – давать народную оценку объективных явлений действительности, выражая тем самым мировоззрение. И с этой задачей пословицы справляются весьма успешно. Их тематика поистине безгранична. Они охватывают решительно все стороны жизни человека, самые различные взаимосвязи между разными явлениями действительности.

В русском и английском языках категория нравственных представлений о возрасте в пословицах и поговорках совпадает. Осознание возраста является универсальной и одной из важнейших характеристик человека. Характеристики внешности, опыта, знаний, особенностей характера и поведения являются значимыми для концептов возраста. Это видно из следующих примеров:

1. *Возраст – знание, опыт:*

- Что в молодости посеешь, то в старости пожнешь.
- И сед, да ума нет, и молод, да дела вершит.
- К старости зубы тупее, а язык острее.
- Кто учится смолоду, не знает на старости голоду.
- Ум бороды не ждет.
- Чему научился в молодости, то пригодится в старости.
- Age is more just than youth
- If you wish good advice, consult an old man
- The man of wisdom is a man of years
- The older, the wiser
- Age is more just than youth

2. *Возраст – время:*

- Молодость ушла – не простилась, старость пришла – не поздоровалась.
- Молодость не кошелек: потеряешь – не воротишь.
- Молодость – пташка, старость – черепашка.
- Птиц в гнезде до осени, а дети в дому до возраста.
- Time and tide wait for no man.
- No man is so old, but thinks he may yet live another year.

3. *Возраст – внешность:*

- Птичка-невеличка – всегда молодичка.
- Красота не равна, а молодость одинакова.

4. *Возраст – характер:*

- И стар – да весел, и молод – да угрюм.
- Голова седая, да душа молодая.
- Девичья краса до возрасту, молодичья до веку.
- Care killed the cat.

Подводя итог можно сделать вывод о том, что концепт времени и его лексико-фразеосемантическое поле имеют схожую структуру в русском и английском языках, а сам концепт является универсальным, характерным для большинства языков и, кроме того, можно говорить об универсальности его семантической структуры в разных языках.

Можно говорить также о том, что исследование концепта «время» и его реализации на фразеологическом уровне позволяет сделать следующий вывод: абстрактные представления о времени в данных культурах совпадают, тогда как конкретные представления, обусловленные влиянием повседневной практики использования языка и формированием соответствующих образов, являются национально-специфичными или уникальными.

Список литературы

1. 500 английских пословиц и поговорок / Под ред. И.С. Гварджаладзе, А.Л. Гильбертона, Т.Г. Кочинашвили. – М.: Издательство литературы на иностранном языке, 1960. – 32 с.
2. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. – М.: Высшая школа, 1996. – 150 с.
3. Блинова, И.С. Этимология номинантов концепта «Старость» в русском и немецком языках [Текст] // Проблемы современной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград: Колледж. – 2009. – Вып. 2. – С.28-35.
4. Глухих В.М. Пословицы как материал для лингвистического разбора // Русский язык в школе. – 2000. – № 1. – С. 90-92.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Издательство Эксмо, Изд-во ННН, 2003. – 616 с.
6. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии английского языка. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.
8. Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. / Под ред. Ю.Д. Апресяна, Э.М. Медникова, А. В. Петрова. – М.: Русский язык, 2000.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ В ТЕКСТАХ ЧЕЧЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Бахаева Л.М.

доцент кафедры русского языка и методики его преподавания,
канд. филолог. наук,
Чеченский государственный педагогический университет, Россия, г. Грозный

В статье рассматривается языковой аспект гендера как исследование особенностей художественного текста.

Изучение образа внешней красоты женщины показывает наличие гендерно значимых единиц. Сюда могут входить слова-символы, художественные приемы (сравнение, метафора, гиперболола, эпитеты). Языковая характеристика представлена качественными прилагательными: *синее небо, солнцеподобная, плечи округлые, тонкая талия, тонкая талия, гибкий стан, длинные черные косы и брови дугой.*

Ключевые слова: гендер, языковая личность, социокультурный процесс, фемининность, маскулинность.

Подчеркивая различие *пол* (биологический аспект) и *гендер* (социально-культурный феномен), Е.И. Трофимова отмечает, что «конструкты культуры, как «женственное» и «мужественное», могут описываться только с учетом использования понятия «гендер», поскольку появляется возможность выйти за пределы только биологического описания» [7, с. 3].

«Под гендером понимается сложный социокультурный процесс конструирования обществом различий мужских и женских ролей, поведения, ментальных и эмоциональных характеристик. При этом *мужское* и *женское* на онтологическом и гносеологическом уровнях существуют как элементы культурно-символического ряда, при котором маскулинное автоматически маркируется как приоритетное и доминирующее, а феминное – как вторичное и подчиненное» [3, с.104-105].

Гендерные исследования объединяют ученых различных областей гуманитарных наук (философии, социологии, психологии, лингвистики), также влияют на политическое, экономико-социальное управление, образование, социальные институты, сферу межличностных отношений и художественное творчество.

Художественный текст является носителем стереотипных гендерных речевых характеристик героев и позволяет рассматривать языковой аспект гендера во всем ее многообразии.

Человеческая красота отождествляется, прежде всего, с внешностью, так как внешняя привлекательность принадлежит к числу гендерно маркированных характеристик и отражена в художественных текстах. При портретизации героинь детали лица, волос и женских форм получают наибольшую степень внимания авторов.

Каждый компонент внешности описывается согласно определенным параметрам. Длинные волосы добавляют женственности образу и украшают внешность. Красивое лицо имеет тонкие черты.

Описания женской красоты в художественных текстах чеченской литературы относятся: глаза, брови, ресницы, губы, зубы, руки, плечи.

Языковой образ женщины наиболее выразителен в песнях.

«К признакам внешней женской красоты вайнахи относили средний рост, стройность, белую тонкую шею, среднюю грудь, тонкую талию (чтобы под лежащей на боку девушке можно было просунуть кулак), маленькие ножки, изящные руки, густые ресницы, большие черные ресницы, большие черные глаза (*хIуьрlаlаn мехкарийн бIаьргаш* – глаза гурии, райской девы), утиную плавную походку» [1, с.194].

Несомненно, красивым в образе девушки считается изображение эстетических качеств, свойств: «Той княгини красоту хваля, / Черкесские женщины, как мастерицу хваля, / Спереди как *утреннее солнце* красивая, / Сзади если посмотреть, как *вечернее солнце* красивая, / Девушка выросла, говорят, у этого калмыцкого Дади / Больше *луны радостная*, больше *солнца* улыбчивая, / Словно *калакоевское яблоко*, лицом сияя, / Гордись им, смотрела она на сына Вдовы / Эта молодая невеста [8, с. 57].

Идеальный образ женщины – *тонкая талия, гибкий стан, длинные черные косы и брови дугой*: «Солнцеподобная – близким на счастье, / *Стан ее гибкий* и облик милый, / Точно вытачивал лучший мастер, / *Выгнуты брови*, как ветви кизила, / Змеями косы сбегают черные, / Они, что ягоды горного терна, / *Плечи округлые, тонкая талия*, / Девушки краше в Чечне не видали, / Да и нигде на земле, может стать! / – Взрослая дочь почтенного старца. / Роемв круг дивной красавицы вьются / Храбрые юноши из Дады юрта [5, с. 181].

В представлении об идеальной девушке *нур догу юьхь* (сияющий облик) – формула красоты сочетается с вполне земными представлениями о красоте. В песнях лирических высказывается пожелание, чтобы возлюбленная была бы девушкой, у которой щеки «полны», как «аварский виноград», тело играло бы здоровьем, как «виноградный напиток» [2, с. 85].

В языковой характеристике женщин девичий образ ясен и светел. Трудная судьба вайнахской женщины сопровождается радостями. Лик девушки окружен орнаментом любимых цветов. Любовь к женщине и любовь женщины в песнях – живой родник наслаждения о возвышенном, прекрасным в жизни [6, с. 155].

Языковая характеристика представлена качественными прилагательными: *синее небо, солнцеподобная, плечи округлые, тонкая талия, тонкая талия, гибкий стан, длинные черные косы и брови дугой*.

В описании женской красоты присутствует художественный прием – сравнение (названия животного мира, названия растительного мира, явления природы, окружающий мир, предметы, части тела, пища). Символами женщины выступают имена существительные: *зезаг* (цветок), *седа* (звезда). Присутствует народная символика: солнце, луна (их сияние), горы, реки, небо, сокол, голуби; цветовые гаммы: синее небо, синие травы, синие горы, синий лес (*Сийначу бецо сендина дуьне* – Мир, который сделал синие горы).

Языковая характеристика внешней красоты в чеченской литературе представлена в ярком образе Кесирт: «...Кесирт была высокая, стройная,

длинноногая. Глаза, волосы, ресницы – смолянисто-черные. Кожа смуглая, а на щеках играл яркий румянец. Когда она смеялась, маленькие ямочки появлялись в уголках рта и обнажались ровные, маленькие, белоснежные зубы... И глаза ее не бегали по углам и по сторонам, а печально опускались вниз, прикрытые длинными густыми ресницами» [4, с. 36].

«Таинственно блеснули глаза, она огляделась вокруг и подошла к ручью. Девушка была обмотана в простыню, поверх которой свисали длинные, как шаль в ночи, смоляные волосы. У самой речки, в тени ивы, она слилась с мраком, и только по ее плавным движениям околдованный Цанка мог представить, что происходит. Вот она скинула небрежно простыню, обеими руками раскинула веером по всему голому телу прекрасные волосы и тихо, на цыпочках, как бы боясь кого разбудить, вошла в воду. Красивыми движениями она обливала свои лицо, шею, грудь, руки водой, в такт реки что-то напевала и наконец осторожно окунулась в мрак...

Наконец ее призрачный силуэт отделился от мрака реки. Она медленно, на цыпочках, вышла на берег, не сгибая спины, нагнулась, взяла простыню и, волоча ее по земле, поднялась на освещенную месяцем поляну. Многочисленные капельки влаги на ее теле, преломляя в себе лунный свет, излучали фосфорито-зеленые лучи по всему контуру рельефного тела. Она грациозно вскинула вверх голову, резким движением закинула за спину длинные, свисающие ниже выпуклых ягодиц, волосы и, пытаясь сбить капельки, плавными движениями обеих рук провела по лицу, длинной тонкой шее, девичьей груди и чуть выпуклому животику» [4, с.65-66].

Выявив особенности внешней красоты женских персонажей в текстах чеченской литературы, отметим, что гендерный речевой портрет – явление, которое присуще художественной литературе и находит в ней свое отражение.

Таким образом, по итогам проведенного нами исследования на примере небольшого материала можно утверждать:

- художественный текст является носителем стереотипных гендерных портретов;
- дает возможность для дальнейшего изучения портретных характеристик в текстах чеченской литературе на примере сравнительного анализа внешних характеристик персонажей фемининности и маскулинности;
- результаты исследования могут найти практическое применение при изучении курсов феминологии; в спецкурсах, посвященных гендерному аспекту в чеченском языкознании; на практических занятиях по аналитическому чтению.

Список литературы

1. Алироев И.Ю. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994. 207 с.
2. Бахаева Л.М. Гендерный фактор в чеченском языке: диссертация ... кандидата филологических наук. – Грозный, 2009. 193 с.
3. Воронина О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / под общ. ред. О.А. Ворониной / О.А. Воронина. – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. 416 с.
4. Ибрагимов К. Прошедшие войны. Москва, 1999. 752 с.

5. Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей, 1979, 181 с.
6. Танкиев А.Х. Свет народного сознания. – Грозный «Книга», 1990. 199 с.
7. Трофимова Е.И. Вопросы терминологии в гендерных исследованиях / Е.И. Трофимова // Гендер и проблемы коммуникативного поведения: сборник материалов Первой междунар. науч. конф. – Новополюцк: ПГУ, 2010.
8. Чеченский фольклор. Т.1. Составители 1-го тома З. Джамалханов, Эльмурзаев С. – Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1959.

ИЗ ОПЫТА ДЕФИНИРОВАНИЯ В ОБЛАСТНОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ¹

Васильев В.П.

доцент кафедры русского языка, канд. филол. наук, доцент,
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

Васильева Э.В.

доцент кафедры русского языка, канд. филол. наук, доцент,
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

В данной статье рассматривается словарное (дефиниционное) значение в метаязыковом и онтологическом аспектах. Обсуждаются возможности и способы получения полных и точных словарных определений диалектной лексики.

Ключевые слова: диалектная лексикография, системоцентризм и антропоцентризм лексикографии, толковый диалектный словарь, дефиниция.

*Истолкование истолкований – дело более важное,
нежели истолкование вещей.*

Монтень

Современная лингвистика, признавшая продуктивным сочетание разных направлений в изучении языка [13], реализует идеологию интегрального описания языка как в теоретических, так и в прикладных исследованиях. В равной мере это относится к теоретической [1; 14] и практической лексикографии [15]. Диалектная лексикография также стремится преодолеть в своём развитии классификационно-дефиниционный уклон, пытаясь насытить полноценной информацией все зоны словарной статьи толкового словаря [2; 3; 4].

В данной работе интерес авторов сосредоточивается на содержательном аспекте «Областного словаря Кузбасса» (ОСК) [16], являющегося своего рода моделью действительно наивного языкового сознания регионального человека. В ней обращается внимание на лингвистически релевантное свойство лексикографируемого слова – его словарное (дефиниционное) значение, которое вычленяется из совокупной семантической информации как целостности, манифестируемой той или иной лексемой и отстоявшейся в связи с её употреблением в разных типах синтаксических конструкций (контекстных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-14-42002 а(р)

выражениях). Для воссоздания значения лексемы важным представляется также учёт её значимости, устанавливаемой в соотношении с парадигматически смежными словами.

В плане совершенствования семантизирующей зоны словарной статьи в последующих выпусках ОСК требуется оценивающее осмысление некоторых моментов дефинирования в его первом выпуске.

Известно, что характер словарных определений зависит от типа словаря, его целей и задач, от типов лексических значений слова, от структуры семантических классов слов [17, с. 202]. Все названные статусные характеристики словаря должны быть востребованными и задействованными в разработке теории дефинирования и в практике истолкования областного слова.

Во избежание неполноты толкования как одной из регулярных погрешностей в современных диалектных словарях, обусловленной в том числе «недостаточной диагностичностью в полевых записях контекста» [10, с. 35] следует подтвердить «легитимность» провизорных (предварительных) толкований (1), найти обоснование для внедрения в арсенал дефинирования остенсивных, то есть наглядных, (2) и энциклопедических толкований (3), а также обсудить возможности для получения полных и точных семантических определений (4).

1. Потребность в провизорных определениях связана с тем, что лексикографы-областники в силу специфики фактологической материи обязаны при определении макроструктуры словаря одинаково «реагировать» как на массово представленные лексические факты, так и на единичные (единственные) словоупотребления, в том числе на так называемые индивидуально-авторские образования. Следовательно, претворяя принцип дифференциации способов толкования применительно к различным категориям единиц, необходимо признать целесообразность введения такого внешнего классификационного критерия, как достаточная / недостаточная контекстуальная обеспеченность словесной подборки.

Любопытно то, что этот классификационный параметр ОСК весьма корректно накладывается на основную систематизацию словарных единиц, предусматривающую разграничение единиц словника, имеющих литературное соответствие и безэквивалентных единиц. Первые из них получают эквивалентное толкование, вторые снабжаются содержательным определением [см. подробно: 6, с. 77 – 78; 7; 5, с. 13 – 18]. В провизорных толкованиях сохраняется этот принцип, а их разнообразие предreshается степенью контекстуальной неполноты и неопределённости. Они могут иметь форму общего предположения; вопроса, касающегося конкретизации установленного родового или видового понятия; альтернативных вопросов и т.д.:

армочка. Низкое увлажнённое место [?]. – *Зерно не будет хорошее, особенно плохо на гривах, кода засуха, на армочках лучше родится* (Кем. Крап. Тар.);

боженный. Крещёный [?]. – *«Да ты сбожил, как напился. Да ты чё, не боженный?» – горю. «Ой, – горю, – то ты дурак. Сам не знаешь». С тех пор болеть стал, и всё* (Кем. Крап. Бар.);

андарак. Вид крестьянской юбки [какой?]. – *Андарак, слышала, носили, но как-то други, я не носила* [о юбке] (Кем. Крап. Тар.);

барабанчик. Приспособление [или часть?] для изготовления веревок. – *Вот этот барабанчик, такая изделана. Колеско, ручка. Она крутит. И закручиват. Такая колеско, она кружит, верёвку делает всяку: и толсту, и тонку. И сучут. Ходют вот так делают* (Кем. Крап. Крап.);

балда. Соцветие [?], цветок [?], бутон [?] некоторых растений. – *Вот он [будыльник] такой-от высокий. Листики у его. От как у его. Угу. Только поболе. [Резные?]. Ага. А на верхушке вон как от это, вот такая же балда. Только это маленькая, а это вот такая длинная* (Кем. Крап. Крап.).

2. В целях полноты и точности дефинирования требуется особое выделение предметных диалектных слов, которые преобладают в словнике дифференциального областного словаря и составляют основу безэквивалентной лексики [8, с. 197]. Именно они нуждаются в расширении семантического описания путём внесения в толкование значения так называемой «предметной части». Это может быть выражено не только вербально, но и наглядно, поскольку идентифицирующая семантика несводима к понятию, а включает наглядно-чувственную форманту. Аргументом для внедрения наглядных материалов в словесно-текстовую стихию диалектного словаря служат два положения: а) «не всё то, что имеется в человеческом сознании, может выражаться в языке»; б) «словарь комплементарен к знаниям своих читателей: он дополняет, уточняет, систематизирует, то есть эксплицирует их интуитивные представления». Поскольку читателем областного словаря является отнюдь не носитель говора, а человек, владеющий литературным языком, лишённый релевантной для общения «культурной информации», очень часто даже самая тщательная фиксация слова с учетом всего словесного окружения не может дать четкого представления о его значении, так как исключаются знания реалии. Возьмем для примера некоторые извлечения из словесной подборки одного из ЛСВ лексемы *обутки*, которые выявляют отдельные элементы значения, указывающие на материал: *кололи скотину, выдывали кожу и делали обутки* (Кем. Крап. Тар.); способ изготовления: *обутки ведь на колодки натягали, и края загнули* (Кем. Крап. Бан.), *стелечки положут, вот и обутки* (Кем. Крап. Берёз.); время использования: *летом у нас были обутки* (Кем. Крап. Берёз.); назначение: *это женская обувь, обутки-то* (Кем. Крап. Бан.); определенные детали: *а без каблуков, и с оборочками, шнурочку затянешь* (Кем. Крап. Бор.), *завязки сделают* (Кем. Крап. Берёз.), *такие ушки приделывали* (Кем. Крап. Тар.) и т.п. Понятно, что фразовую интерпретацию данного слова можно бесконечно продолжать, но если не дополнить ее «демонстрацией семантики», апелляцией к действительности (опыту или фантазии адресата), чем служит изображение предмета, останется неясным, что представляют собой «оборочка», «ушки» и т.д. [6, с. 77-78].

Следовательно, весьма перспективно приведение вербально-остенсивных дефиниций, то есть использование графического изображения референта параллельно с его словесным описанием. Надо сказать, что

наглядная семантизация в Словаре позволяет минимизировать количество провизорных определений.

3. Редактор ОСК, говоря о содержательном способе семантизации безэквивалентной лексики, ратует за более полное семантическое описание слов, обозначающих предметы старинного быта, уходящие или ушедшие из жизни села орудия труда, промыслы, обряды и обычаи, достигаемые введением в дефиницию элементов энциклопедизма [5, с. 15], которые, как видим, по большей мере реализуются в богатом иллюстративном материале Словаря, а не в дефинициях. При этом, надо полагать, прежде всего обнаруживается опасение лексикографов привести в толкование те понятийный признаки, которые отсутствуют в языковом сознании селян. Хотя нельзя исключить проявление долговременной тенденции современной русской лексикографии, отчётливо разграничивающей задачи филологических и энциклопедических словарей. Тогда как в словарной продукции последнего времени заметно соединение содержательного потенциала двух типов лексикографических изданий – лингвистических и энциклопедических словарей [12, с. 11], что обеспечивает значительный информационный эффект в любом словаре, но прежде всего актуально и продуктивно для областной лексикографии, которая изначально тяготела к «этнографическому описанию» народного слова [11].

Принимая всё сказанное, видимо, надо помнить о том, что в областном словаре обогащение филологического толкования, заключающего в себе обиходные знания о реалии, энциклопедической информацией подразумевает отнюдь не дополнительные научные сведения, а «референтные подробности», не выходящие за рамки коллективного познавательного опыта говороносителей. На наш взгляд, особенно злободневен вопрос, касающийся оптимальных границ и целесообразного наполнения собственно семантических толкований в областном словаре, что требует серьёзных исследований.

4. При словарном определении лексической формы *анбар* в толковом диалектном словаре учитываются её свойства, проистекающие из семантической природы данной единицы (4.1.) и положения в системе диалекта (4.2), взятого, с одной стороны, в отношении к другим формам национального языка (4.2.2) и рассматриваемого, с другой стороны, как самодостаточного идиома (4.2.3.).

4.1. По характеру знакового значения, субстанциональное содержание которого устанавливается соотносённостью с обозначаемым объектом, лексема *анбар* относится к именам класса, вычлняющимся следующей конфигурацией категориальных признаков: «конкретность, неодушевлённость, исчисляемость, нелицо» [18, с. 122]. Такие имена обладают денотативно-сигнификативным типом значения: «они отсылают к конкретному референту в речевом высказывании, именуют конкретный предмет в его целостности как член класса и выражают содержание понятия, отображающего отличительные признаки данного класса» [18, с. 109]. Своим вещественным значением анализируемая номинация отсылает к объекту, связанному с производственной деятельностью человека, о чём также свидетельствует этимологическое значение слова в языке-источнике: ср. рус. *амбар* < татар. / тюрск. < перс. яз *anbār*

‘магазины’ < *nibr* ‘магазин (= хранилище, склад)’ [19, с. 26, 251]. Как уже установлено, социальный аспект номинации артефактов прежде всего требует указаний на функцию предмета [20, с. 9], хотя при этом не исключает моментов его устройства и свойств [9, с. 9].

4.2.1. Данная единица в системе диалекта, соположенного с литературным языком, расценивается как лексико-фонетический вариант общерусского слова *амбар* ‘неотапливаемое строение для хранения зерна, муки и т.п.’ и тем самым определяется как семантически эквивалентная ему единица. В связи с большей актуальностью в языковом освоении сельским обществом социально важного предмета-артефакта требуется осознать, соответствует ли постулируемая эквивалентность единиц их реальной бытийности в диалектной и литературной картинах мира. С учётом существующей вариативности определений вокабул *анбар* / *амбар* возрастает необходимость в их верификации по критерию «недостаточность – избыточность» толкования [10, с. 35]: ср. арх. *анбарушка* / *амбарушка* ‘деревянная постройка для хранения зерна, продуктов или вещей, амбар’ – том. *анбар* ‘холодное помещение для хранения зерна, муки, а также хозяйственного инвентаря’ – *амбар* / *анбар* ‘строение для складки зернового хлеба, муки, а иногда и других товаров’ (Даль) – лит. *амбар* ‘неотапливаемое строение для хранения зерна, муки и т.п.’ (БАС).

В говорах Кузбасса, как и в притомской группе говоров в целом, в процессе употребления интересующей нас единицы выявляется психологическая яркость следующих семантических компонентов её содержания: “строение” («вид созданного объекта в результате физического труда человека»), “большое по объёму строение”, “небольшое по объёму строение” (аспект «размер строения»), “из дерева” («материал строения»), “прямоугольной (вытянутой, продолговатой, удлинённой) формы” («форма строения»), “предназначенный для хранения” («сельскохозяйственное назначение строения»), “на два ската” («особенности крыши»), “не имеющий утепления” («температурный режим строения»), “зерно”, “мука”, “мясо” («объекты сбережения»), “принадлежащий отдельному хозяину, одному владельцу (используемый в индивидуальном хозяйстве)”, “принадлежащий коллективному хозяйству” («строение по отношению к пользователю»). Ср. *А зерно у нас в анбаре хранят. Он как по-долгому покрыт, только с двух сторон, из бревна, без моху* (Кем Юрг. Иск.). *Анбары были, хлеб там хранили. Смолотый хлеб, и в анбар везёшь* (Кем Юрг. Иск.). *На дворе анбары были... В анбаре зерна полно были. ... Только зерно в анбаре* (Кем. Крап. Шев.). *Мы раньше богато жыли. Анбар был... Раньше-то в анбаре всё хранили, овёс, рожь, ячмень в закромах хранили. А теперь летом стим в анбаре. Живём там, а зимой закроем* (Кем Юрг. Иск.). *А хранили зерно в амбарах, небольшие таки были* (Кем Юрг. Митр.). *Хлеб раньше выращивали, хранили в амбарах, вот такая анбарушка деревянная была, вот туда и ссыпали на сохранение* (Кем. Крап. Зелен.). *Анбар – это так называется большое помещение. А маленькие называются анбарушки* (Кем. Крап. Аж.). *Мясо не солили, повесят там в анбаре, или анбарушка кака* (Кем. Крап. Крап.). *Скотское мясо с весны солили. Его уветривали и весили в анбары* (Кем. Крап. Шев.). Ср. также: *Соломой крыты завозни, как больши*

амбары, можно заезжать на лошаде (Том. Том. Верш.). *Небольшой амбар – амбарушка* (Том. Том. Верш.). По данным контекстов со словом *анбар* устанавливается имеющееся в сознании сельского социума представление о номинированном объекте как неотопливаемом, холодном деревянном строении, с крышей на два ската и вытянутой формы, предназначенном прежде всего для хранения зерна, муки, а затем других продуктов питания (мяса) и, возможно, хозяйственного инвентаря.

4.2.2. В рамках кузбасских и сопредельных с ними говоров как самодостаточных лексико-семантических образований слово *анбар / амбар* вступает в различные системные (парадигматические, эпидигматические, синтагматические) связи с другими словами.

На парадигматическом уровне оно включается в лексическую группу “сооружение (строение)”, куда входят такие общерусские слова, диалектные варианты общерусских слов и собственно диалектные единицы, как *дом* ‘здание, строение для жилья и учреждений’, *завозня / завозня* ‘сарай для телег, саней, сбруи’, *сарай* ‘крытое строение для хранения имущества’, *гувно / гувно* ‘помещение, сарай для сжатого хлеба; гумно’, *овин* ‘строение для сушки снопов перед молотью’, устар. *мангазея* ‘склад для хранения общественного зерна’, *стайка* ‘хлев, помещение для скота’ и др. Так, в противопоставлении слов *дом – анбар – овин – стайка* подчёркивается функциональная специфика номинированных объектов, соответственно отображённая в их значении семами ‘жить’, ‘хранить’, ‘сушить’, ‘содержать’, которые, в свою очередь, имплицитно семы, обозначающие объекты размещения одушевлённых предметов (люди, скот) и неодушевлённых предметов (зерно, мука; сжатый хлеб). Ср. *На дворе амбары были, завозни были – там летом кошевы стояли, а зимой телеги стоят. В амбаре зерна полно были* (Кем. Крап. Шев.).

В рядах слов, обозначающих виды амбаров – *мангазей* ‘склад для хранения общественного зерна’, *анбарушка / анбарушка* ‘небольшая хозяйственная постройка во дворе или пристроенная к дому’, *амбар-морозило* ‘большой амбар для длительного хранения зерна’ – гипонимы специализируются по семам “принадлежащий коллективному хозяйству”, “небольшой по объёму”, “большой по объёму”, свидетельствуя тем самым о наличии в гиперониме *анбар / амбар* как этих, так и других потенциальных сем, к примеру “принадлежащий отдельному хозяину, одному владельцу (используемый в индивидуальном хозяйстве)”. Ср. *Раньше это, амбары были, а анбарушки, те поменьше* (Кем. Крап. Зелен.). *Небольшой амбар – амбарушка* (Том. Том. Верш.) *Здесь вот на горе мангазей был, назывался мангазей. Там тоже ссыпали. ... Хлеб в нём держали, но он был больше амбара* (Кем. Юрг. Митр.).

Для слова *анбар / амбар* на фоне центробежных однокоренных с ним единиц утверждается наличие в его семной структуре обязательных, но уже не отличительных признаков: Ср. *анбарный дом* ‘дом с двускатной крышей’, *амбаром* ‘с двускатной крышей’, *амбарная крыша* ‘двускатная продолговатая крыша’. Таким образом, системно-семантический анализ слова позволяет

усмотреть в совокупной семантике набор сем, который способствует более оптимальному определению словарного значения, узаконенного в границах его значимости в лексико-семантической системе диалекта.

Список условных сокращений

Арх. – говоры Архангельской области, том. – говоры Томской области, лит. – литературный язык; Кем. – Кем. обл.: Крап. – Крап. р-н. (Аж. – Ажандарово, Бан. – Банново, Берёз. – Берёзово, Зелен. – зеленка, Кп\рап. – Крапивино, Тар. – Тараданово, Шев. – Шевели), Юрг. – Юргинский р-н (Иск. – Искитим, Митр. – Митрофаново); Том. – Томская обл.: Том. – Томский р-н (Верш. – Вершинино).

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний / Ю. Д. Апресян // *Вопр. языкознания*. 1990. № 6. С. 123 – 139.
2. Васильев В. П. Лексикографическое описание диалектного слова с когнитивно-дискурсивных позиций / В.П. Васильев, Э. В. Васильева // *Исследование региональной лексики в историко-культурологическом аспекте*. Арзамас: Арзамас. гос. пед. ин-т, 2006. С. 38 – 45.
3. Васильев, В. П. О дискурсивных гранях словарного метеонима: (по материалам областного словаря Кузбасса) / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // *Современные тенденции развития науки и технологий*. 2015. № 5-3. С. 8-14.
4. Васильев, В. П. Семантическая информация слова и её дефиниционное представление в областном словаре Кузбасса / В.П. Васильев, Э.В. Васильева // *Слово: Фольклорно-диалектологический альманах*. Благовещенск: АмГУ, 2015. Вып. 12. С. 20 – 27.
5. Васильева, Э. В. Введение / Э. В. Васильева // *Областной словарь Кузбасса*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. Вып. 1. А – Б. С. 6 – 24.
6. Васильева, Э. В. Вопросы описания семантики диалектного слова: (Лексикографический аспект) / Э.В. Васильева // *Лексика и фразеология говоров территорий позднего заселения*. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1985. С. 72 – 81.
7. Васильева, Э.В. Опыт описания лексической семантики в областном словаре / Э. В. Васильева // *Актуальные проблемы диалектной лексикографии*. Кемерово, 1989. С. 97 – 104.
8. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
9. Гак, В. Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация / В. Г. Гак // *Вопр. языкознания*. 1987. № 2. С. 3 – 16.
10. Журавлёв, А. Ф. Наблюдения над нынешним состоянием русской диалектной лексикографии: словарные толкования / А. Ф. Журавлёв // *Славянская диалектная лексикография*. СПб.: Наука, 2011. С. 33 – 37.
11. История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб: Наука, 1998. 610 с.
12. Козырев, В. А. Современные ориентации отечественной лексикографии / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // *Вопр. лексикографии*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. № 1. С. 3 – 15.
13. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике / В. А. Маслова. М.: Академия, 2008. 272 с.
14. Морковкин, В.В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» / В.В. Морковкин // *Вопр. языкознания*. 1987. № 6. С. 33 – 41.
15. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.

16. Областной словарь Кузбасса / авт.-сост. В. П. Васильев, Э. В. Васильева, М. Ф. Вейкум, С. В. Журавлева и др.; под ред. Э. В. Васильевой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. Вып. 1. А – Б. 394 с.

17. Сороколетов, Ф.П. Семантическая структура диалектного слова и методы семантического описания в диалектных словарях / Ф.П. Сороколетов, О.Д. Кузнецова // Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987. С. 201 – 209.

18. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: (Принцип семиологического описания лексики) / А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1986. 240 с.

19. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

20. Янценецкая М. Н. Обобщённо-мотивационное значение в семантической структуре словообразовательного типа / М. Н. Янценецкая // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 3 – 30.

ДРАМАТИЧНО ИЛИ ТРАГИЧНО СТИХОТВОРЕНИЕ А.С. ПУШКИНА «ВОСПОМИНАНИЕ»?

Веденяпина Э.А.

канд. филолог. наук, Россия, г. Москва

Статья посвящена проблеме трактовки стихотворения А. Пушкина «Воспоминание», связанной с двояким прочтением его последнего стиха.

Ключевые слова. воспоминание, прошлое, покаяние.

Стихотворение «Воспоминание» – одно из самых пронзительных у Пушкина. Оно состоит из двух частей, одна из которых опубликована, а другая осталась в рукописи. Прочитаем первую часть.

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья,
Мечты кипят, в уме, подавленном тоской,
Томится тяжких дум избыток,
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

(19 мая 1828 г.)

Смысл стихотворения обычно воспринимается как покаяние. Однако не всеми. По поводу последней строки «Но строк печальных не смываю» знаменитые пушкинисты Д.Д. Благой и С. М. Бонди в лекциях на филологическом факультете МГУ в 60-е годы XX века разошлись во мнениях. Д.Д. Благой утверждал, что Пушкин и не хотел смывать печальные строки, так как, оплакивая свое прошлое, страдая от сознания своего недостойного поведения в те годы, он все же не желал расставаться с памятью о тех событиях, принимая жизнь такой, как она сложилась.

Бонди считал, что драматизм положения поэта был в том, что он хотел, но не мог смыть то, что ввергало его в печаль. В самом деле, это выражение: «не смываю» – дает основание и для той, и для другой интерпретации. Можно предположить, что трактовка Благого предполагает или какое-то особенное мужество, не позволяющее человеку отречься от своего прошлого, как бы оно его ни угнетало, или высшее самолюбование.

Бонди увидел проявление драмы совести. Он расценивал воспоминания поэта не как средство их увековечения, а как попытку расстаться с ними. Но попытка эта предстает как безнадежная. Почему? Бонди объяснял это тем, что прошлое является неотъемлемой частью жизни человека, от прошлого нельзя избавиться, оно всегда стоит за человеком, готовое сыграть в решающую минуту роковую роль. Так, например, он трактовал гибель Дон Гуана (в трагедии Пушкина «Каменный гость») как обусловленную именно его прошлым. Оно дает основание Командору предъявить Дон Гуану «свиток» его любовных приключений, дает ожившей Статуе право на суд и казнь нечестивца, хотя бы тот и действительно в данном случае был впервые искренне влюблен (как это убедительно доказывал Бонди). Такая перспектива не может не привести в отчаяние. Остается вопрос: хочет ли человек избавиться от тяготеющего прошлого? Есть ли в тексте стихотворения доказательства стремления освободиться от него?

Поэзия – временнОй, то есть развивающийся во времени вид искусства. В стихотворении большое значение имеет развитие сюжета и финал. Если финал кажется неопределенным, то каков сюжет? В опубликованной части стихотворения сюжет разворачивается так: герой противопоставлен спящим как бодрствующий поневоле. Первое значащее слово в первом стихе – «смертный». Так вводится тема вечности, на фоне которой ночной сон естественно являет собой временный аналог сна вечного. Из спящих исключен человек в силу гнетущих воспоминаний, которые днем приглушены шумом жизни. Этого шума нет в первой части стихотворения. Здесь совсем нет никаких звуков, подчеркнута их отсутствие: умолкнет (шумный день), немые (стогны), в тишине, (воспоминание) безмолвно (развивает). Все источники информации, скажем так, отключены. Информация, вызывающая душевное напряжение, гнездится в самом человеке, в далеких уголках его сознания. Прошлое человека гнетет его, исключая из всеобщего ритма жизни. Он бодрствует, но его бдение – «томительное», нетворческое, непроизводительное. Он вспоминает свое прошлое и, проклиная его, льет горькие слезы.

Вот и весь сюжет. Он не дает ответа на поставленную проблему: хочет или не хочет человек избавиться от прошлого. Обратимся к эпитетам, этим характеристикам состояния. Описание начинается со слова «томительное» (бденье). Словарь языка А.С. Пушкина дает такое толкование слову «томительный»: «причиняющий физические или нравственные мучения, гнетущий, тягостный», в качестве примера приводит как раз эти стихи – о томительном бдении. Слово «бденье», кстати, обозначает, в числе прочего, и вечернее богослужение, продолжительность которого зависит от праздника. Чем более значим праздник, тем торжественнее бдение, тем сильнее впечатления и ярче духовные переживания, и время летит незаметно. Здесь же часы этого «бдения» «влачатся». Слово «влачить» в Словаре языка Пушкина [под знаком Б] определяется так: «проводить время безрадостно, в печали, тоске (со словами: «дни», «часы», «век»))». Ночью «живей» горят «угрызенья». Значит, бденье для героя стихотворения – продолжение дневных ощущений, только в очищенном от бытовых мелочей виде и, как видим, мучительнее. «Тоска», «тяжкие думы» о событиях его жизни вызывают в нем отвращение.

Оглядываясь назад, он трепещет и проклинает. «Трепетать» здесь, видимо, означает: бояться наказания за содеянное. «Проклинать» – не значит ли отказ, отречение. Он «горько» жалуется, «горько» плачет. Если это всё для любования, то не слишком ли много горечи? Нет ни единого звука о том, что герой дорожит памятью о том, что так мучит его.

В опубликованном варианте стихотворение имеет очень обобщенный характер, можно сказать, вид алгебраического выражения. Каждый читатель может ощутить скорбь поэта и в то же время подставить в эти поэтические формулы свой личный опыт, свои арифметические значения. Вторая, неопубликованная часть стихотворения, – двадцать строк, имеющих глубоко личный характер. В них длинный перечень обид от друзей, общества и осознание своей вины.

Я вижу в праздности, в неистовых пирах
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, в бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.

Первые двенадцать строк естественно помещаются после стиха «Свой длинный развивает свиток», в них – «текст» этого свитка. Расшифровке легко поддается каждое слово. Если в первой части стихотворения звуков нет, то в неопубликованном продолжении много звуков: «слышу» (привет), слышу (жужжанье клеветы), шепот (зависти) – ангелы говорят (мертвым языком). Человек поневоле вступил в контакт с бессмертными. Самые интимные – последние восемь строк.

И нет отрады мне – и тихо предо мной
Встают два призрака молодые,
Две тени милые, – два данные судьбой
Мне ангела во дни былые:
Но оба с крыльями и с пламенным мечом.

И стерегут... – и мстят мне оба.
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.

«Нет отрады мне» – это момент наивысшего отчаяния. В этот момент герой обретает духовную поддержку: являются ангелы. Поэт осознает присутствие незримых («призраки», «тени») хранительных сил («милые», «ангелы», «стерегут»), появляющихся в самый необходимый миг. Такое ощущение может возникнуть только у христианина. Это свидетельствует о том, что речь идет не о безрелигиозном сознании, а о драме христианина.

Ангелы восприняты в контрастном состоянии. Этим объясняется употребление противительного союза «но» в середине описания ангелов: «Но оба с крыльями», то есть способные в любой миг улететь и оставить человека одного. Оба «с пламенным мечом», то есть и охраняющие, и угрожающие. Угроза от них исходит не только врагам поэта («стерегут»), но и ему самому: «мстят мне». Ангелы указывают на способ обретения душевной гармонии и в земной жизни («о тайнах счастья»), и после нее («О тайнах ... гроба»). Но «говорят мне мертвым языком». Слово «мертвый» можно понять как «немой» – беззвучная речь, без слов. Для поэта, чья жизнь – в словах, это мертвая речь. Но можно ведь это слово понять и так, что речи ангелов недоступны поэту по его душевному состоянию, поэт слышит их, но пока не может воспринять их предупреждение всей душой. Не потому ли, что загладить прошлое можно, лишь отказавшись от прежнего образа жизни? Иными словами, прошлое только тогда перестанет тяготить, когда в настоящем не останется следа от привычного поведения, ставшего второй натурой? Не может ли служить ответом на этот вопрос стихотворение 1836 года? Оно тоже о попытке раскаяния:

Напрасно я бегу к Сионским высотам.
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

Сюжет рукописной части «Воспоминания» – о стремлении небесных сил приложить все усилия для спасения человека, бесполезные, пока сам человек остается в бездействии. В 1828 году Пушкин был далек от той ясной формулы, которую видим в этом коротком стихотворении 1836 года, хотя уже в «Записке «О народном воспитании» (1826) он пишет о пагубной роли недостатка нравственности: «Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения».

Митрополит Антоний характеризует стихотворение «Воспоминание» как «беспощадную элегию»: «В годы своей возмужалости Пушкин надеялся освободиться от юношеских страстей...» [с. 19] – и ставит вопрос: «В чем же так горько, так беспощадно каялся наш поэт? Конечно, в грехах против 7-й заповеди... Покаяние Пушкина в своих юношеских грехах было не просто всплеском безответного чувства, но имело тесную связь с его общественными и даже государственными убеждениями» [с.20 [. Далее [на ст. 21] митро-

полит делает, казалось бы, неожиданный вывод о прямой связи нравственности членов общества и устоев семьи и государства: «Далек был Пушкин от общепринятого теперь парадокса о том, что нравственная жизнь каждого есть исключительно его частное дело, а общественная деятельность его совершенно не связана с первою». В свете этого суждения стихотворение «Воспоминание» приобретает новое звучание, неожиданно гражданское значение, отсылая к Заповедям, этой единственно устойчивой модели мира.

Христианин не может не знать, что есть средство «смыть печальные строки» – это исповедь, неназванный ключ к подобным страданиям. Облегчение души через церковное покаяние – это традиционный путь: «всякий верующий в Него (в Бога) получит прощение грехов именем Его» [Деяния, 10, 43]. Драматизм стихотворения, сосредоточенный в последней его строке, – в напряженной работе души, оставшейся наедине со своим раскаянием.

Стихотворение драматично, если герой, хотя и не может, но хочет освободиться от грехов молодости, и трагично, если он не пытается этого сделать. Если же такой трагизм овладеет поколением (а безнравственность ведет к разрушению семьи, что, в свою очередь, грозит разрушением государства), то трагизм обернется катастрофой. Однако катастрофическое мироощущение совершенно чуждо духу творчества Пушкина. Не случайно в последнее время выходят такие книги, как «Путь Пушкина к Православию» и подобные. Стихотворение «Воспоминание» – значительная веха на этом пути.

Список литературы

1. Благой Д.Д. Пушкин. В кн.: Соколов А.Н. История русской литературы XIX века. М.: МГУ, 1960.
2. Бонди С.М. Драматургия Пушкина и русская драматургия 19 в. В кн.: Пушкин – родоначальник новой русской литературы. М., Л., 1941.
3. Митрополит Антоний. О Пушкине. Москва: Российский архив, 1991
4. Новый Завет Иисуса Христа. Книга «Деяния святых апостолов».

РЕЧЕВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Воробьева А.Е.

доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации,
канд. филол. наук, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются некоторые общетеоретические аспекты речевого воздействия, а также его лингвистические и экстралингвистические маркеры, реализуемые адресантами в продуцируемых ими текстах электронной деловой корреспонденции.

Ключевые слова: речевое воздействие, речевое манипулирование, электронная деловая корреспонденция.

В сфере бизнеса стратегически важно умение превратить текст обращения в инструмент убеждения, но без откровенного навязывания идеи, про-

дукта или услуги. В этой связи искусство делового речевого общения требует овладения языком не только как средством общения, а прежде всего, как средством эффективного общения, служащего целям прагматического воздействия, с использованием имплицитного плана выражения [1, с. 15]. Сообщение должно быть подготовлено так, чтобы адресат, которым может являться изощенный потребитель или целевая аудитория, не заметил «внушения», а оставался уверенным в том, что самостоятельно принял решение.

Этим обусловлен тот факт, что проблема речевого воздействия приобретает все большую актуальность и активно изучается с позиций психолингвистики, прагматического лингвистического, стилистического, теории речевого общения и так далее. Для нас представляет интерес речевая коммуникация, обусловленная психическими структурами коммуникантов (мотивами, установками, ценностями и так далее), находящимися за пределами собственно речевой коммуникации. Нам важно определить момент речевого воздействия в текстах электронной деловой корреспонденции с помощью оценки смысловых структур автора и реципиентов текста.

Речевое воздействие есть влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических и паралингвистических средств в процессе речевого общения. Оно обусловлено особыми предметными целями говорящего, включающими изменение личностного смысла объекта и влияние на эмоциональный настрой.

Речевое воздействие часто отождествляют с речевой манипуляцией. Манипулятивное воздействие определяется как скрытое программирование личного отношения к изображаемым или описываемым фактам или событиям [4], «неявное побуждение» [3], «скрытая трансакция» [2].

Среди приемов речевого воздействия, описанных в психолингвистике, в электронной деловой корреспонденции могут быть использованы следующие тактики:

1) чрезмерная эмоциональность, сопровождающая высказывания, когда адресант пытается «давить на чувства адресата»;

2) использование управляемых ассоциаций – связей между психическими явлениями, образующихся, когда актуализация (представление) одного из них влечет за собой появление другого;

3) использование вставленных команд и программирующих вопросов, при этом вместо прямых команд с модусом обязательства НЛП рекомендует давать команды с модусом предложения или пожелания. Важно отметить, что эффективность таких высказываний основана на создании иллюзии свободы выбора, а также на большей приемлемости для реципиентов речевых актов предложения и пожелания, чем приказа;

4) использование перефразирования с помощью смены модальных операторов, обеспечивающее иное восприятие действительности;

5) использование ассертивов – избегание негативных частиц и их производных позволяет расположить к себе собеседников и благоприятствует воздействию на них;

6) повторение слов и высказываний, призванное оставить мнемонические следы в памяти реципиента, в результате чего мысль глубоко врезается в подсознание и может влиять на чувства, мысли и поведение человека;

7) использование эмоциональной, оценочной и экспрессивной лексики [5, с. 75-79].

С позиций речевого воздействия интересен следующий пример электронного делового письма.

Dear Mr. S,

Good afternoon!

I have received your fax and thank you.

I am preparing all the samples now. I will send them by express-mail next week.

Our factory has the unique techniques. For you it means better products with the same materials. You can check it after receiving the samples. VELLON-J A and VELLON-H A are all A grade. They have the same material but different techniques, you will see it.

We have many customers in Italy and Germany. The customer in Slovenija is our biggest one. We also provide fiber backings to Luga in Russia.

Be sure in quality.

You are welcome to ask any questions about our products.

Best regards,

Kathleen Xie

На первый взгляд может показаться, что письмо составлено не совсем грамотно, на самом деле оно является очень действенным по нескольким параметрам. Во-первых, несвойственное деловому письму приветствие *Good afternoon!* сразу же заставляет обратить на себя внимание реципиента, выводя его из автоматизма восприятия деловых посланий, которые он получает ежедневно в огромном количестве. Согласно рекомендациям НЛП, нельзя допустить, чтобы начало письма было встречено с равнодушием, важно завладеть вниманием реципиента с первых строк, тогда есть шанс, что письмо дочитают до конца. Во-вторых, приветствие *Good afternoon!* несет в себе мощный эмоциональный заряд, эти слова звучат вежливо, дружелюбно, от них веет участием. В-третьих, автор умело использует слова-трансляторы *For you it means ...*, которые переводят ключевые идеи на язык, понятный реципиенту. Кроме того, применение эпитетов *unique techniques, better products* также способствует реализации суггестивности: адресат рисует в воображении картины успеха, достигнутого благодаря товарам или услугам адресанта. Ключевая информация *Be sure in quality*, которая призвана заверить адресата в благонадежности адресанта, выделена в отдельный абзац. Это грамотный тактический прием, позволяющий донести до реципиента важное сообщение, выделяющееся на основном фоне текста. Таким образом, автор тщательно проработал свое письмо, уделяя особое внимание приемам эффективной подачи деловой информации.

Ввиду вышеизложенного логичным представляется вывод о том, что деловая коммуникация подразумевает четкое определение адресантом соб-

ственных целей и задач и последующую выработку стратегий и тактик общения с учетом характеристик и позиций адресата.

Список литературы

1. Безнаева, О. А. Когнитивно-прагматические особенности представления информации в деловом дискурсе: на материале англояз. деловой корреспонденции [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. А. Безнаева. – Архангельск, 2009. – 183 с.
2. Берн, Э. Игры, в которые играют люди [Текст]: психология человек. отношений / Э. Берн; пер. с англ. М. Будыгиной, Е. Перцевой, В. Никандровой. – М.: ЭКСМО, 2002. – 314 с. – (Психологическая коллекция).
3. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита [Текст] / Е. Л. Доценко. – М.: ЧеРо : Юрайт, 2000. – 342 с.
4. Ермаков, Ю. А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия [Текст] / Ю. А. Ермаков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 203 с.
5. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Шелестюк. – Челябинск, 2009. – 304 с.: ил.

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОД РЕАЛЬНОСТИ

Говенько А.М.

преподаватель,

Брянская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, г. Брянск

В данной статье метафора рассматривается как средство обозначения табуированных элементов в языке. Показаны главные отличия языковой метафоры от речевой в рамках системы лексических значений. Определена роль метафоры в процессе параметризации знаний о мире и кодировании смыслов социальной реальности.

Ключевые слова: табу, интерпретация, метафорический код, национальная метафора, социальная реальность, языковая метафора, речевая метафора.

Определяя роль метафоры в процессе параметризации знаний о мире и кодирование смыслов нельзя не признать, что статус этого явления до сих пор вызывает споры в связи с многогранностью данного феномена.

Лишь сравнительно недавно была осознана роль языка как основной формы фиксации наших знаний о мире, равно как и источника изучения этих знаний, признана тесная связь между семантикой слова и когнитивными процессами восприятия, что обусловлено закреплением в слове, служащим сигналом отражаемых в мышление элементов объективного мира, результатов познавательной деятельности человека. Признание языка средством представления знаний поставил вопрос о роли метафоры в процессе формирования, представления и математизации результатов познавательной деятельности человека [5]. Метафоричность употребления является одной из возможностей создания экспрессии, ибо она, как правило, связана с семантическими сдвигами, что и является причиной дополнительной экспрессивной насыщенности текста в целом.

Известно, что слово может менять свое значение и семантический сдвиг происходит тогда, когда слово попадает в необычный для него контекст.

«Приемы изменения основного значения слова именуются тропами... В тропах разрушается основное значение слова: обыкновенно за счет этого разрушения прямого значения в восприятии выступают вторичные его признаки. Тропы имеют свойство пробуждать эмоциональное отношение к теме, внушать те или иные чувства, имеют чувственно оценочный смысл» [Томашевский, 1937: 29-30].

Метафора считается самым главным тропом и настолько характерна для поэтического языка, что само слово это иногда употребляется как синоним образности речи; оно является указанием на то, что слова действуют здесь не в прямом, а переносном значении.

В метафоре какое – то одно или несколько свойств переносятся на предмет или явление с другого предмета или явления, но эти последние не выступают тропе непосредственно, а лишь подразумеваются. Метафора – скрытое сравнение. В отличие от простого сравнения, имеющего два члена..., метафора располагает только вторым [Абрамович, 1956: 167].

Лексическую сочетаемость слов нередко нарушают поэты и писатели в поисках неожиданных образов экспрессии, оригинальных метафор. Чаще всего нарушение закона лексической сочетаемости служит средством для создания тропов, употребленных в переносном значении. Метафора – оборот речи – употребление слов и выражений в переносном смысле на основе аналогии, сходства, сравнения [Ожегов, 1990:351].

Проводя анализ, как замечает Троицкий, следует помнить, что смысл любого слова, любого словесного образа может быть прояснён только тогда, когда оно, это слово (или словесный образ), является подключенным к энергетической сети художественного произведения в целом.

Тогда каждое слово – образ загорится ярким светом, ответит изнутри сокровища всего поэтического создания и произведение предстаёт перед читателем во всей художественной полноте [Троицкий. 1990: 9].

Естественное для себя место метафора находит в поэтической речи, в которой она апеллирует к воображению и через него к пониманию жизненной сущности вещей. Метафора основана на принципах функционирования поэтического слова, компенсирующих отказ от мотивировок в точном и единственном выборе значений слова. Метафора преобразуется на фоне поэзии, но она не составляет её вершины. Порожденная воображением, метафора всегда – прямо или косвенно – соотнесена с миром реальности. Это отличает её от символа, часто получающего трансцендентные смыслы. Метафора углубляет понимание чувственного восприятия реальности, но не уводит за её пределы.

Рассматривая язык как «набор фактов», позволяющих раскрыть основополагающие принципы восприятия действительности разумом («general principle of understanding»), основоположники когнитивной теории метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон констатируют: «Эти принципы часто являются метафорическими по своей природе и включают понимание результатов нашего опыта в терминах других данных, полученных опытным путём» [8: 116].

Дж. Лакофф, М. Джонсон и М. Тернер стремятся объяснить принципы, по которым может происходить установление метафорических отношений между отдельными понятиями. Они используют термин «метафорическая сеть» (*metaphorical network*) для определения целого комплекса концептов, связывающих ряды понятий в метафорические парадигмы. Данные парадигмы находятся в иерархических отношениях, закрепленных в сознании носителей языка. Эти существующие в нашем сознании матричные структуры, закрепленные в нашем онтологическом опыте, получили в когнитивной науке название «метафорический концепт» [9: 125-126].

Метафора часто служит для обозначения табуированных элементов в языке. Основное значение этих метафор скрыть подлинное имя, иными словами, метафорический язык плачей обслуживает табу. Подтверждением этому служит и тот факт, что метафора является основным механизмом порождения сленговых значений, а сленг – особый пласт эмоционально-экспрессивной лексики, значительная часть которого относится к табуированным областям; секс, наркотики, алкоголь и т.д.

Общеизвестно, что этнокультурные метафоры являются основным составляющими ментальности науки – освоенного и понятого ею круга понятий, символов и образов. Каждая культура должна выработать свой способ взаимодействия с жизненной средой чтобы обеспечить себе выживание, а так же установить рамки социальной реальности, в рамках которой люди играют роли, имеющие для них смысл и позволяющие им функционировать социально.

Народы территориально, исторически и культурно близкие друг другу имеют общий пласт устойчивых метафорических выражений. Например, в английском языке (как и в русском и немецком) носитель признака твердости-железо, отсюда идиомы – *a man of iron*, *iron – bound* (ср. в русском – железная воля, в немецком – *ein Mann aus Eisen*). И, наоборот, чем сильнее культурная дистанция, тем труднее восприятие метафор представителями другой культуры. В Индии слон и корова, а в Азии и Африке – верблюд (а так же попугай) являются символами красоты, и высший комплимент для арабской женщины – «верблюжьих глаза», прозвучал бы, возможно, как оскорбление для европейки.

Метафора указывает на то, какие вещи являются эквивалентными или просто сопоставимыми в данной культуре: например в русском, английском, немецком и других европейских языках хороший, добрый, отзывчивый человек сравнивается с золотом - *as good as gold*, эталоном абсолютно различного в русском языке служат небо и земля, а в немецком огонь и вода. К сожалению, онтология метафоры как приема создания новых смыслов менее исследована. Поэтому, здесь хотелось бы подробнее остановиться на приемах метафоризации.

Известно, что метафора имеет многовековую историю, но при всем этом онтология этого феномена и механизмы метафоризации, исследовались в языкознании преимущественно в семасиологическом аспекте – на основе сопоставления и анализа уже готовых значений языковой метафоры. Видимо,

такое одностороннее исследование феномена и является причиной того, что в лингвистике пока не существует единой теории метафоры, способной однозначно ответить на все вопросы о метафоре. Изучив историю метафоры можно было бы привести достаточно убедительные факты, которые свидетельствуют об этом.

Выйдя из тесного содружества, и теперь имея разные цели изучения, лингвистика и литературоведение преследуют в изучении и описании феномена метафоры разные задачи.

В основе языковой метафоры лежат объективированные ассоциативные связи, отражаемые в коннотативных признаках, несущих сведения либо об обиходно-практическом опыте данного языкового коллектива, либо о его культурно-историческом знании. Например: «море» – безмерное водное пространство, поэтому безмерное количество может быть названо морем. Мотивом для метафорического переноса могут служить отработанные в языке логико-синтаксические схемы структурирования классов событий или соположение в структуре мира вещных объектов – их предметно-логические связи, отражающие языковой опыт говорящих [Арутюнова Н.Д., 1988: 20].

Главное отличие языковой метафоры от речевой главным образом состоит в том, что первая создается на основе коннотаций, сопровождающих слово в его обычном употреблении. Кроме того, закрепленных за смысловым потенциалом данного слова языковым узусом, вбирающим в себя то, что составляет языковой опыт. Данный опыт остается за рамками системы лексических значений, образуемой их тождествами и различиями и правилами регулярной сочетаемости. Языковая метафора и потому так легко стирается и теряет живую образность, что она «обычна», а ее мотивировка прозрачна, хорошо знакома и без особых на то усилий запоминается, вследствие фонового знания говорящих. Она ограничено вписывается в рамки синтаксических структур за счет переосмысления свойств формальных субъектов или объектов и получает новые семантико-синтаксические признаки. При этом роль субъективного фактора (в случае языковой метафоры) уравнивается объективностью переосмысливаемых языковых значений и значений опорных наименований, смысловыми правилами, регулирующими сочетаемость слов, а отчасти и нормами употребления, их охранной функцией. Языковой характер метафоры проявляется в закреплении воспроизводимости переосмысленного значения языковой формы в речевой цепи [Jose Ortege-y-Gasset, 1966: 83].

Как правило, речевая метафора находит свое место в конкретном контексте и всегда связана с ним. Поскольку коннотативные признаки, служащие мотивом для переосмысления словесного значения, фокусируются только в рамках данного лексического набора (в пределах предложения или целого текста) метафора рождается и существует в пределах определенного контекста. Коннотации такого плана отражают обычно индивидуальное, а не коллективное видение мира, поэтому они субъективны и случайны относительно общего знания. Но и речевая метафора не совсем произвольна. Способность слова отображать новое содержание лежит в основе его семантиче-

ского наполнения: чем легче связуется мотив переосмысления со смысловым содержанием слова, тем прозрачнее метафора и тем ярче ее эффект.

Таким образом, метафору можно отнести не к сфере слов, а к сфере действия и мышления. Наша понятийная система возникла на основе образов и метафорична по своей сути. Исходя из того, что значительная часть социальной реальности осмысляется в метафорических терминах и поскольку наше представление о материальном мире часто является таким же метафоричным, само это явление играет очень существенную роль в установлении того, что является для нас реальным. Однако при этом вопрос об истинности и ложности лежит за пределами метафоры, так как она всего лишь открывает одни стороны и скрывает другие. Языковые метафоры строятся по определенным образцам: концептуальным метафорам или метафорическим моделям, действующим на бессознательном уровне. Лакофф и Джонсон утверждают, что мы мыслим по метафорическим схемам, которые не осознаем. Они ввели понятие концептуальной метафоры. Суть концептуальных метафор заключается не в словах, а в самом понимании объектов. Например, в основе метафорических выражений «высокие/низменные чувства» лежит концептуальная модель верх – это хорошо, низ – это плохо. Такие метафоры являются системными и предполагают целую сеть взаимосвязанных построений. В основе метафоры “time is money” – понимание времени как ресурса – такая концептуальная метафора содержит в себе и способ взаимодействия с объектом, то есть время можно тратить (to spend/waste time), беречь (to save time) и т.д. То есть в такой метафоре имеется закодированный способ обращения со временем. Она означает, что мы относимся ко времени как к очень ценному и ограниченному ресурсу. В нашей культуре обычно понятие труд обычно связывается со временными затратами на его выполнение, что выражается в почасовой, помесечной оплате труда. Другой пример отношения ко времени как к ценному ресурсу – различные виды временных тарифов – на телефонные разговоры, Интернет и т. д. Это существует далеко не во всех культурах.

Необходимость создания устойчивых метафор в языке диктуется потребностями коммуникации. Ведь пока описание какой-либо ситуации, представления, стереотипа и т.д. не превратилось в знак (а национальная метафора функционирует прежде всего как знак), оно не может быть понято однозначно всеми членами языкового коллектива. Поэтому национальные метафоры являются своеобразными формами, аксиомами. И несмотря на существование большого количества общих сюжетов в каждом языке имеется набор языковых средств для выражения представлений о мире, человеке и социальной реальности.

Список литературы

1. Абрамович Г.А. Введение в литературоведение. М.: Просвещение, 1994. 167 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.296-297.

4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 7000 слов/под редакцией Шведовой М.: Русский язык, 1990. 351 с.
5. Склярская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993. 246 с.
6. Томашевский Б.В. Теория литературы. ГИЗ., 1931. 148 с.
7. Троицкий И.В. Уроки словесности // Русская речь. 1990. С.6-10.
8. Lakoff, G. and Johnson, M. Metaphor We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 242p.
9. Turner, M. Reading Minds: The study of English in the age of cognitive Science. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. 298 p.
10. Jose Ortega-y-Gasset. Las dos grandes metáforas. – In: Ortega-y-Gasset J. Pbras Completas. Tomo 2., Madrid, 1966, p. 387-400.

КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Десятская С.В.

аспирант, Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова, Россия, г. Москва

В данной статье предметом рассмотрения является грамматическая категория количества в английском языке, а именно её сущность, выражение, нормативность. В настоящее время особый интерес и внимание представляет собой категория количества по причине того, что она пронизывает все ярусы языковой системы английского языка, затрагивая и лексику, и морфологию, и синтаксис. Особенности существования общества конкретной эпохи, образ жизни носителей языка, их восприятие мира, культуры, истории все это оставило след в языке и существенно повлияло на способы выражения категории количества.

Ключевые слова: грамматическая категория числа, категория множественности, категория единичности, система английского языка.

В современном обществе сложилась ситуация, которая делает проблему овладения иностранным языком в Высшем образовании более актуальной, повышает ее значимость, вызывает необходимость особого внимания к формированию общечеловеческих ценностей и культуры. Изучение иностранного языка необходимое условие для глубокого понимания международной коммуникации, мирового сотрудничества, общения, научных дискуссий. Глубокий анализ грамматических категорий языка, а именно категории количества, помогает выявить особенности языковой системы английского языка, проследить истоки возникновения исключительности в выражении категории количества.

Категория количества представляет собой одну из наиболее сложных языковых категорий и не удивительно, что привлекает внимание исследователей. Интересны взгляды ряда лингвистов, таких как В.Д. Аракина, В.В. Виноградова, И.Г. Кошевой, Г.А. Меновщикова, А.А. Потемни, А.А. Реформатского и других на проблему выражения категорий единичности и множественности в языке [3, с.134].

Согласно точке зрения профессора И. Г. Кошевой современный английский язык обладает развитой системой средств выражения количественных отношений, формирующихся вокруг трех константно-универсальных значений: 1) значения конкретного количества, объективного в своей основе, выражающегося: а) числительным, как словом ассоциативного типа, б) наименованием исчисляемого объекта или явления, представленного в виде конкретизированной единичности типа: «table» – «one» или двойственность – «twins»; 2) значения конкретизированного количества, субъективного в своей основе, которое обычно выражается с помощью квантификаторов типа: many, few, several; 3) значения абстрактного количества, объективного в своей основе, которое обычно выражается с помощью морфем, не содержащих в себе ошутимых лексических наслоений типа: английского -s, -a, -en и т.д. » [1, с.174].

Отметим также, что категория множественности, представленная значимым превышением единичности, определена и в ограниченном числе сохраняющимися формами древнеанглийского Minor Declension (tooth – teeth, woman – women и т.д.). Существует довольно значительная группа существительных, у которых представлена только сема множественности, получающая свое выражение в соответствующих морфемах числа и в формах согласования прилагательных, глаголов и местоимений. Это, прежде всего существительные, обозначающие парные или составные предметы: ножницы – scissors, брюки – trousers, весы – scales. В английском языке также есть ряд существительных, у которых сема множественности утратилась и осталась только сема единичности: barracks– казарма, news– новость, известие, works – завод.

Формы числа имеют различные значения. Для единственного числа выделяются 3 семантических типа: 1) единичность (основное значение), 2) общность («The crowd had grown outside.»), 3) внепарность по числу – singularia tantum, вещественные и абстрактные («oil», «heat» и т. п.).

Для множественного числа выделяются 4 семантических типа: 1) дискретное множественное число (основное значение); 2) собирательное множество («class», «jury», «army», «team»); 3) репрезентативное множество – означает группу лиц, представляющую родственный клан, объединенный определенным артиклем «the»: the Browns; 4) множественное число величия, вежливости («we» – в королевских и царских документах,).

Отражение языковой категории количества неоднозначно по своему значению и сочетает компоненты определенного и неопределенного множества. Английский язык обладает богатым набором лексических и грамматических средств, обозначающих дифференциальные количественные значения. Значение определенного множества двойственного, тройственного и более чем тройственного могут передавать: 1) существительные (couple, pair, dozen, twins, solo, duet, trio, quartet); 2) прилагательные (single, alone, double); 3) местоимения (both, each, every); 4) наречия (once, twice, thrice); 5) в определенной степени артикль, т.к. одним из компонентов значения неопределен-

ного артикля a/an всегда является значение единичности, обусловленное его этимологической связью с древнеанглийским числительным an.

Значение неопределенного множества может передаваться как лексическими, так и грамматическими средствами. При этом лексическим средствам передачи неопределенного множества характерна определенная степень конкретизации количества за счет привнесения субъективной оценки с помощью таких квантификаторов, как «many/much», «few/little», «some/any», либо элемент конкретизации представлен уже в самой семантической структуре слова как компонент ее значения (family, party, company, staff, crowd).

Итак, категория количества представляют одну из наиболее значимых категорий, объединяя в себе представления определенного и неопределенного множества, выражение единичности и множественности, исчисляемости и неисчисляемости, наличие и отсутствие количества, которые могут быть выражены как лексическими, так и грамматическими средствами.

Список литературы

1. Кошечкина И.Г. К проблеме знака и значения в языке. М.: Книжный дом «Либроком», 2012, стр. 174-176.
2. Кошечкина И.Г. Части речи и категории. Теоретический курс. М.: Книжный дом «Либроком», 2012, стр. 181 -184.
3. Филин Ф.П. Методология лингвистических исследований А. А. Потебни (К столетию со дня рождения 1835-1935), Язык и мышление, Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра. АН СССР, 1935, № III-IV, стр. 121-160.

О ЗАДАЧАХ ПЕРЕВОДЧИКА В СФЕРЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

Жабина Л.В.

доцент кафедры европейских языков, канд. пед. наук,
Институт международных отношений, Пятигорский государственный
лингвистический университет, Россия, г. Пятигорск.

В статье дается краткий анализ распространяющегося явления на рынке переводческих услуг – локализации компьютерных игр. В статье дано определение термина «локализация», приводится классификация локализаций в сфере компьютерных игр, а также перечислены задачи, которые должен выполнить переводчик в этом виде деятельности.

Ключевые слова: локализация, культурная адаптация, локализация компьютерных игр, бумажная локализация, поверхностная локализация, частичная локализация, глубокая локализация, полная локализация.

На сегодняшний день написано огромное количество работ касательно особенностей, трудностей и проблем перевода. Однако большинство из них применимо, в основном, к деловому общению или художественным текстам и фильмам. Но современный мир развивается огромными темпами, особенно после появления Интернет, и перед переводчиками встают новые и все более сложные задачи. Одна из таких задач – локализация игр.

Игровая индустрия неизбежно становится частью нашей жизни, наблюдается постоянный рост доли рынка интерактивных развлечений, и вместе с ним растёт потребность в переводе компьютерных игр. Что касается перевода компьютерных игр, то для переводчика это отнюдь не самый простой вид деятельности.

Что же такое локализация? По мнению С.Е. Мерляна, *локализация* – разновидность переводческой деятельности в виде культурной и лингвистической адаптации продукта в сфере информатики, кибернетики и смежных с ними наук [3]. *Локализация компьютерной игры* – это перевод оригинальной версии игры на другой язык и адаптация ее к культуре другой страны [4].

Можно выделить несколько видов локализации:

Бумажная локализация является, пожалуй, самым простым видом работы для переводчика, поскольку игра сохраняет язык оригинала, переводчик лишь будет работать над переводом рекламных материалов, обложкой игры, руководством пользователя или же на странице сайта игры в Интернет.

Поверхностная локализация – это в принципе, бумажная локализация в сочетании с информацией о разработчике игры, в этом случае издатель может захотеть добавить в игру свой логотип, заставку.

Текстовая (частичная) локализация – локализация текста игры (т.е. создание субтитров, дублирующих реплики персонажей, перевод надписей) без изменения звукового сопровождения.

Глубокая локализация – адаптация сценария игры для конкретной страны. Нужно обязательно учитывать культурологические особенности той или иной страны. Например, в Германии категорически запрещена пропаганда нацизма, в некоторых странах запрещено подробное описание эротических сцен. В таких случаях необходимо заменить запрещенные или нежелательные эпизоды.

Полная локализация – самый сложный и дорогостоящий вид локализации, требующий высокого уровня профессионализма от переводчика. Локализуется и графика, и интерфейс, и звуковое сопровождение игры (диалоги персонажей не просто переводятся, но и озвучиваются).

Нельзя не согласиться с тем, что «лексическое значение – это сложная система, состоящая из элементов различной степени сложности, которые выступают в неразрывном единстве» [2, с. 8]. Следовательно, «Любое восприятие высказывания связано с интерпретацией всех сигналов, несомых данным отрезком текста, то есть уяснением смысла, чему способствуют достаточность языковых или неязыковых факторов, включенных в конкретную ситуацию общения» [2, с. 54]. Это применимо и к ситуациям, происходящим в виртуальном мире игры.

Работа переводчика в сфере локализации игр важна и непроста, именно от качества его работы зависит коммерческий успех игры, если перевод выполнен некорректно и некачественно, процент продаж игры будет низким, если же это онлайн проект, то в итоге его будет посещать меньшее количество игроков.

Каковы же задачи переводчика в сфере локализации компьютерных игр и онлайн проектов?

Основными задачами переводчика являются:

- 1) знание и владение специфической терминологией компьютерных игр;
- 2) знание области, в которой проходят действия игры (военная история, древняя история, мифы, сказки и т. д.);
- 3) передача атмосферы игры;
- 4) культурная адаптация;
- 5) работа с графическими программами (Microsoft Word, Microsoft Excel, Trados и SDLX).

Зачастую переводчики сталкиваются с рядом трудностей в ходе локализации. Часто, если не всегда, переводчику нужно выполнить свою работу в сжатые сроки, что не может не влиять на качество перевода. А порой применяется машинный перевод, оставленный без редактирования (это бывает заметно в локализациях азиатских игр – китайских, японских, корейских). В качестве примера можно привести перевод из онлайн проекта «Demon Slayer», локализованного в 2013 году: фраза «Charm will capture all non-white astrals. EXP will be increased by 30» была переведена некорректно – «Харизма будет поглатить астралы белого качества. Опыт увеличится на 30 очков». Корректнее было бы перевести эту фразу следующим образом: «Астрал «Харизма» поглотит все имеющиеся астралы, кроме белых. Опыт увеличится на 30 очков» [1, с. 172]. Опытный переводчик вряд ли совершит такого рода ошибку, а вот при использовании машинного перевода без последующей его редакции такой неуклюжий перевод возможен.

Важно, чтобы фразы языка перевода не превышали длины оригинального текста. Если игра имеет звуковое сопровождение, задача усложняется – слова должны совпадать с артикуляцией персонажей [5]. На качество перевода могут повлиять и технические ограничения – например, когда более длинное русское слово пытаются разместить на месте, отведенном под более короткое иностранное, в связи с тем, что не предоставлены исходные текстовые файлы. Такая проблема часто наблюдается в незаконных переводах программного обеспечения.

Как показывают исследования, игровая индустрия стремительно набирает обороты, у неё огромный потенциал для развития. Растет и число желающих, готовых платить даже за частичную локализацию для понимания основ игры. Локализация обеспечивает более успешную реализацию игрового продукта, не говоря уже о полной локализации. Таким образом, спрос на локализацию в сфере компьютерных игр растет.

Список литературы

1. Жабина Л.В. К вопросу об игровом сленге (на материале английского и русского языков) // Университетские чтения – 2014. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть V – Пятигорск, ПГЛУ, 2014. – С. 170-174.

2. Кара-Казарьян Т.В. Влияние референциальной соотнесенности на прагматическое значение идиом и антропоцентричных экспрессивов (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2001. 190 с.

3. Мерлян С.Е. Локализация как разновидность переводческой деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2014/C77/V1/048.pdf>

4. Мосин М. Вспоминаем тех, благодаря кому у нас были компьютерные игры на русском языке. Игровые девяностые [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xaker.ru/2015/01/14/old-translators/>

5. Павлов А.В., Каширина Н.А. Проблемы локализации ММОРПГ (многопользовательских ролевых онлайн-игр) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2014/pdf/2599.pdf>

КОНЦЕПТЫ «СОБЛАЗН» И «ИСКУШЕНИЕ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ

Жаркова М.А.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, г. Калининград

В статье приводится сравнительный анализ двух концептов религиозной нравственности «соблазн» и «искушение». Эти концепты изучаются в лингвокультурологическом аспекте, привлекаются материалы этимологических и толковых словарей, а также философские труды. На основе исследования сделаны выводы, которые подводят к пониманию внутреннего содержания данных концептов.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, соблазн, искушение, спасение, покаяние.

В современном языкознании новым и продуктивным направлением является лингвокультурологический анализ, в рамках которого исследуются взаимодействия языка (он является транслятором культурной информации), а также сознание человека, который создает эту культуру, пользуясь языком [4, с. 36].

Для сравнительного анализа настоящей статьи были выбраны концепты из категории религиозной нравственности, так как она является актуальной на сегодняшний день. Основную цель исследования составляет реконструкция содержания концептов «соблазн» и «искушение» в свете религиозной нравственности, а также восстановление симметричности семантической организации этой концептуальной области. В недрах мифопоэтического сознания вырабатывается система бинарных (двоичных) различительных признаков, имеющих положительное и отрицательное значение. Это противопоставление пространства (верх-низ, небо-земля), временных координат (день-ночь, весна-зима), цветовых характеристик (белый-черный). Но сюда же может входить и более общее противопоставление, связанное со всеми признаками внутри модели мира: сакральный – мирской (профанный). Таким образом, концептуальная область задается оппозицией [6, с. 162].

Для начала рассмотрим семантику концептов, которые являются основными в данной статье.

В Толковом словаре Даля: «*соблазн* – соблазнять, соблажнять церк. склонять к чему-либо приманкой, заманивать; подать повод или случай к греховному падению; вводить кого в соблазн, в искушение, искушать, прельщать; блазнить, вадить» [1, с. 258]. В данном толковании видим славянское слово *блазнить*, от которого и появилось слово *соблазн*. В Этимологическом словаре Фасмера находим: *Блазень* – простофиля, проказник, шутник; сюда же русск. *блазнить*, ст.-слав. *блазнити* – искушать, сердить, болг. *блазня* – искушаю, соблазняю [7, с. 171]. Отсюда делаем вывод, что корнем концепта «соблазн» является *-блазн-*. В понятие соблазна входит и то, что видится, некая иллюзия, которая уводит нас от истины.

Соблазн – это именно то слово, которое входит в семиосферу христианской религиозной культуры и содержит в себе мотив прельщения. В пределе прелесть – последняя степень духовной замутненности разума, которая предаёт человека в объятия зла.

Далее рассмотрим определение значения концепта «прелесть». По Фасмеру *прелесть* – это «стар. знач. «прельщающий»; форма заимствована из церковнославянского языка» [7, с. 358]. Словарь Даля даёт более точное толкование данного концепта: «*прелесть* – обман, соблазн, совращение от злого духа; стар. хитрость, коварство, лукавство, обман» [1, с. 405]. Это значит, что в семантике концепта «прелесть» заложена наивысшая точка коварства, хитрости и обмана. Рассмотрим значение следующего главного концепта данной статьи «искушение».

«*Искушать* – испытывать, изведывать, убеждаться опытами в образе действий или мыслей, чувств; соблазнять, прельщать, смущать соблазном, завлекать лукавством; стараться совратить кого с пути блага и истины [1, с. 50]. В словаре Фасмера: «*искус* – искусный, искусить, укр. кусити «испытывать», ст.-слав. *Искоусити*» [7, с. 141]. В религиозном дискурсе словом *искушение* обозначают два понятия. Во-первых, искушением называют все тяжёлые, неприятные для души переживания, приходящие к человеку извне – в наказание, для исправления, для испытания в вере и т.д. Во-вторых, искушением называется состояние души, когда ей непосредственно темной силой или через слова людей навязываются мысли, нарушающие душевный мир или влекущие к нарушению Божественных заповедей.

В дополнение рассмотрим и те значения слов, которые уже встречались ранее: *совращать* и *лукавить*. «*Совращать* – совратить кого, сворачивать, своротить; сводить в сторону, уклонять; сводить с должного пути, сбивать или смущать, соблазнять, подущать, вовлекать в дурное, склонять ко злу» [1, с. 262]. В словаре Фасмера «*лукавый* – др.-рус. *лукавь* «извилистый» (о течение реки); хитрый коварный» [7, с. 532]. Появляется и новый смысл – отклонение от «прямого», т.е. от истины.

В рамках данного исследования, все концепты рассматриваются с точки зрения религиозной нравственности, где основополагающими являются религиозная мораль и религиозная нравственность, Бог и внутренний самоконтроль соответственно.

Итак, мы видим некий набор концептов, где одно толкование дополняет другое. Прельщение, искушение, соблазнение – это все большое испыта-

ние для человека. Это обман, который может привести к греховному падению.

Впервые искушение человека связывается в религиозном и культурном сознании именно с библейским мотивом грехопадения. Без сомнения, этот мотив связан, прежде всего, со Змием-искусителем. Змей начал искушение с Евы. Лукавый сбивает первых людей земли с истинного пути блага.

В Новом Завете есть иной сюжет искушения – это искушение дьяволом Иисуса Христа во время его сорокадневного поста в пустыне. Сорок дней Дьявол искушал Иисуса и пытался тремя обольщениями (голодом, гордыней и верой) соблазнить Его на грех, как всякого человека.

Таким образом, концепты «соблазн» и «искушение» тесно связаны с дьяволом и сатаной. И во всем Св. Писании источником искушений часто рисуется сатана.

Все эти испытания даются человеку не просто так. По словам одного из современных отцов церкви, искушения в христианской жизни необходимы, как проба для испытания нашего духовного состояния. Искушение – это в основном и есть создание ситуации выбора, который должен сделать человек. К сожалению, это осознается часто только после его свершения. Но лишь путем преодоления искушений в христианине умножаются опытность и духовная сила [5, с. 211].

В Словаре пословиц и поговорок Даля находим целый ряд примеров по концептам «соблазн-искушение», которые можно разделить на несколько категорий, исходя из вышеперечисленных определений данного концепта.

1. Подвергать испытанию: *«Всякое дело крепко до искуса», «Ехал бы мимо, да завернул по дыму», «Иван пиво пьет, а черт со стороны челом бьет»;*

2. Прельщать, смущать соблазном: *«Адам прельщен женою, а жена змею», «Бог дал путь, а черт крюк», «В нем бесово ребро играет», «Все Адамовы детки, все на грехи падки», «Искушение на грех наводит», «Мед сладко, а мухе падко», «Мимо кабака идти – нельзя не зайти», «На красный цветок и пчела летит», «На хороший цветок летит и мотылек», «Плохо не клади, вора в грех не вводи!»;*

3. Завлекать лукавством: *«Бог дал путь, а черт крюк», «Радостен бес, что отпущен инок в лес»;*

4. Стараться совратить с пути блага и истины: *«Не там вор ворует, где много, а там, где оплошно», «Панкрат лезет на небо, а черт тянет за ноги», «Поп свое, а черт свое», «Радостен бес, что отпущен инок в лес».*

Итак, в данном случае подтверждаются все те значения, которые были рассмотрены ранее.

Исходя из этого, можно сделать вывод: концепты «соблазн» и «искушение» имеют пейоративную окраску. Отрицательная часть этих концептов заполнена. Но есть ли к этим концептами пара с мелиоративной окраской? Концептуальная область задается оппозицией. В данном случае эта оппозиция соотносится с оппозицией «добро-зло». Можно предположить, что левую ее часть могут заполнить такие концепты, как «спасение» и «покаяние». Рассмотрим далее эти концепты в отдельности.

Покаяние являет собой признание верующим своих грехов. Спасение – в христианстве, согласно Библии, спасение человека и человечества в целом от греха и его последствий – наказания за грех (вечной смертью) и обретение спасённым человеком Царства Небесного.

Следовательно, симметрия семантической организации данной концептуальной области восстановлена: левую часть заполняют такие концепты, как «спасение», «покаяние», а правую – «соблазн», «искушение». То есть по модели «добро» – «зло», которая связана с религиозной нравственностью.

Для современного общества данные концепты также остаются актуальными. Есть ли вероятность изменения образа мысли и образа жизни в нем? Искушение в нашем обществе встречается на каждом шагу: искушение любовью, деньгами, властью.

Власть – это явление нейтральное, возможность влиять на других как с добрыми, так и с дурными намерениями [3]. По словам Платона, «нет человеческой души, которая выдержит искушение властью».

В настоящее время концепт «соблазн» все чаще связывают с концептом «любовь». Любовь – это не единение душ и тел любящих, природа любви противоречива: это борьба любящего и любимого. Ведущей стратегией любовной борьбы выступает соблазн. Соблазн – стратегия, при помощи которой любовь, как власть, обретает социальный смысл.

Но все же никогда не стоит забывать, что, сколько бы ни встретилось на нашем пути неприятностей и искушений, их надо всегда принимать за знак испытания, а не за знак отвержения.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. – 699 с.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Эксмо, 2006. – 616 с.
3. Завитновский Илья Искушение властью [Электронный ресурс]. URL: <http://diplomat-hr.ru/articles/?pid=> (дата обращения: 28.01.2008)
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 204 с.
5. Пестов Н. Е. Современная практика православного благочестия: в 2-х т. СПб.: Сатисъ держава, 2003. Т. 1. – 748 с.
6. Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. – М., 1980. – 720 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. – 823 с.

О ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ НА БАЗЕ ОСВОЕНИЯ КОГНИТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА

Исабаева Т.Д.

и.о. доцента кафедры русской филологии, канд. пед. наук,
Государственный университет имени Шакарима города Семей,
Казахстан, г. Семей

В статье рассматривается вопрос о формировании коммуникативных навыков у студентов казахских отделений вузов на базе освоения когнитивного содержания текста. Про-

цесс обучения текстообразованию на базе выявления внутренней речи включает понимание и свертывание содержания текста, составление опорных схем, создание пресуппозиций, развертывание основного содержания текста в высказывания в виде вариантных репрезентаций, изложение текста в связи с конкретными когнитивными установками текста и основной содержательной и информационно-лингвистической пресуппозицией.

Ключевые слова: текст, текстообразование, внутренняя речь, опорная схема, смысловое развертывание.

В практику обучения навыкам связной речи вошла работа над текстом, который является не только материалом для наблюдения над функционированием изучаемых лексико-грамматических явлений, но и средством овладения коммуникативной деятельностью.

По мнению Н.И.Жинкина, «текст – это способ передачи мысли» [3, с. 233] и представляет собой неадекватную форму выражения мысли.

«Замысел речи возникает из намерения, желания, из уверенности говорящего в том, что тема, о которой он будет говорить, нужна его слушателям. Можно сказать, что говорящий совершает действие – речевой поступок, который мотивируется его намерением. Речевой поступок нельзя понять, не учитывая ситуации, в которой осуществляется речь. Соотнеся замысел с ситуацией, мы делаем первый шаг для контроля замысла по обратной предметной связи» [4, с.47].

Связь проблемы внутренней речи с проблемой мышления находит отражение в преподавании русского языка как неродного.

В.М. Бельдиян отмечает, что мотивационная основа обучения текстообразованию формируется в процессе использования исходного текста для преобразования его в новые текстовые структуры с разным когнитивным и информационным строением при едином содержании. При этом важнейшую роль играет освоение когнитивной структуры. Опора на когнитивный аспект текста позволяет экономно и результативно сформировать у студентов казахских отделений вузов приемы построения текстов.

Для отработки механизма текстообразования на базе формирования внутренней речи используются деловые, научные, информационные, публицистические, художественные тексты, отбор которых производится с учётом программы по русскому языку для студентов казахских отделений и базируется на принципах доступности, соответствия образовательной и воспитательной целям обучения и т.п.

В соответствии с теорией формирования внутренней речи процесс обучения текстообразованию делится на следующие этапы: 1) понимание текста (задания на освоение словарного состава и смысловых связей текста); 2) свёртывание содержания текста (задания на выявление денотативных опор в тексте, на раскрытие его тематического содержания); 3) составление опорных схем текста; 4) создание когнитивных и информационных пресуппозиций текста; 5) развертывание основного содержания текста, который зафиксирован в опорных схемах, в высказывания в виде вариантных репрезентаций; 6) изложение текста в связи с конкретными когнитивными установками текста и

освоенной содержательной и информационно-лингвистической пресуппозицией [1, с.28].

Различные типы текстов требуют разного построения опорных схем. Опорные слова (опорные сигналы, «смысловые вехи») представляют собой вершины графов, определяющие наиболее важные смысловые свойства текстов.

Для формирования речевых умений и навыков несомненный интерес представляет разработанная В.М. Бельдяном и К.Л. Болатбаевой система заданий, которая включает:

– языковые задания, направленные на освоение лингвистических единиц, их уровневой организации, на формирование знаний о языковой системе, универсальных принципах её строения;

– когнитивные задания, предусматривающие формирование внутренней речи, организацию с её помощью мыслительных операций, а также способы репрезентации (выражения) внутренней речи во внешних структурах (предложениях);

– коммуникативные задания, предполагающие включение в разные типы общения с учётом сфер, форм и типов коммуникации, характера речевой ситуации и её мотивационной структуры; требующие овладения речеведческим материалом и такого использования языковых средств, которое способствовало бы формированию у обучаемых умения строить стратегию речевой деятельности и тактику речевых действий [2, с. 26-30].

Разработанная методика обучения текстообразованию, предполагающая обучение способам выделения и преобразования смыслов, включает языковые (ориентированы на анализ и синтез языкового материала), когнитивные (построение опорной схемы к тексту, определение денотативных и предикативных свойств слов, преобразование абстрактных слов в структуры высказываний (предложений) с помощью механизма смыслового развёртывания и т.п.) и коммуникативные задания, которые способствуют применению изученного материала в речи связи с заданной ситуацией.

Список литературы

1. Жинкин Н.И. Психологические основы развития мышления и речи //Русский язык в школе. 1985. № 1. С.47-54.
2. Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III-VII классов //Психология усвоения грамматики, орфографии и развития письменной речи: Труды Ин-та психологии. Известия АПН РСФСР. Вып. 78. М., 1956. С.141-251.
3. Бельдян В.М. Текст как лингвистическая реальность //Теория текста: внутренняя и внешняя структуры / Отв. ред. М.Тохтаходжаева. Ташкент, 1993. С.9-33.
4. Бельдян В.М., Болатбаева К.Л. Концепция обучения русскому языку и пути её реализации // Русский язык в казахской школе. 1995. №3-4. С.26-30.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «MUSLIM WORLD» НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ГАЗЕТЫ EVENING STANDART

Козырева М.К.

аспирант, Институт межкультурной коммуникации
и международных отношений, НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

В статье рассмотрены особенности репрезентации концепта «Muslim World» в современном англоязычном дискурсе. На примере материалов газеты Evening Standart показаны примеры употребления данного концепта.

Ключевые слова: репрезентация, концепт, ислам, Muslim World.

При современной социально-политической обстановке вопросы религии уже не являются предметом частной жизни. Религиозное сознание людей стало предметом для общественного интереса и обсуждения. Данный вопрос обусловлен целым рядом причин и требует специального комплексного исследования с привлечением сил ведущих религиоведов, культурологов, лингвистов, социологов, психологов и представителей других общественных наук. Основываясь на достижениях когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, представляется возможным исследовать концепт “Muslim World” как феномен англоязычной лингвокультуры.

Концепт “Muslim World” является динамичным аспектом дискурса, отражаемым в виртуальном коммуникативном пространстве. При исследовании данного концепта можно приблизиться к пониманию современной англоязычной картины мира, чтобы углубить научные представления о взаимодействии политических и этнических событий с языком и культурой молодежи Британии

В ходе исследования были обнаружены языковые свидетельства процессов диаспоризации мира и этнизации социальных групп. Ясно прослеживается тенденция употребления слов-этнонимов в контекстах, связанных с тематикой нелегальной иммиграции, терроризма.

Рассмотрим репрезентацию концепта на примере Лондонской газеты «Evening Standart».

*The debate about what Home Secretary Theresa May today admitted could be the possible “unintended consequences” of some of these measures is likely to continue. In particular there are concerns about the Government’s patronage of groups it identifies as **moderate Muslim** — who may possibly turn out subsequently to be less congenial than they at first appear (Evening Standard comment: The Government’s war against extremism, Monday 19 October 2015).*

Из данного отрывка становится понятно, что как таковые исламисты являются фанатичными, поскольку здесь говорится именно об умеренных исламистах. Выражение «скромные исламисты» свидетельствует о наличии большого количества «нескромных», то есть, исламский мир репрезентируется согласно замечаниям Эдварда Сэйда: враждебный, фанатичный.

Исходя из материалов газеты, можно сказать, что наблюдается тенденция относиться терпимо к исламскому миру:

*The President has played patience. <...> Syria has been Obama's nemesis. In Cairo in 2009 he promised a new era of peace between the US and the **Muslim world**. Five years later a caliphate has been proclaimed by a fanatical Islamist movement that controls large tracts of Syria and Iraq and has the capacity to recruit followers in the US (Niall Ferguson: Why Obama's game of 'patience' is just shuffling the cards, Monday 12 October 2015).*

Конечно, такие тенденции связаны с необходимостью сгладить конфликты, которые уже не первый год уносят жизни многих людей. Предлагается толерантнее относиться к исламскому миру, что может помочь исправить сложившуюся ситуацию. Интересно заметить, что нередко в масс-медиа появляются материалы о несправедливом отношении к исламскому народу. Например:

*A woman has been arrested after a group of **Muslim women were subjected to an Islamophobic tirade** on a London bus in which they were branded «ISIS b*****» (Woman arrested after Muslim women branded 'ISIS b*****s' in racist rant on London bus, Saturday 17 October 2015).*

Не одна статья была посвящена данному событию. Таким образом, концепт «исламский мир» неразрывно связан с концептом «расизм». В некоторых материалах показан расизм исламского народа, а в некоторых – по отношению к исламскому народу. Содержание концепта образовано когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления, и описывается как совокупность этих признаков [4, с. 90-91].

Подводя итоги, мы можем сказать, что представление исламского мира в современном англоязычном дискурсе носит нейтральный характер.

В текстах масс-медиа на примере Лондонской газеты Evening Standart отсутствуют явные оценочные характеристики, не показывается личное отношения автора к исламскому миру.

Список литературы

1. Akou, H. M. Interpreting Islam through the Internet: making sense of hijab. Contemporary Islam, 2010, Volume 4, Number 3, Pages 331-346.
2. Lynch, M. Young Brothers in Cyberspace. Middle East Report, No. 245, The Politics of Youth (Winter, 2007), pp. 26-33. Web: <http://www.merip.org/mer/mer245/lynch.html> (дата обращения: 15.10.2015)
3. Буряковская, В.А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков). Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Волгоград, 2000. – С. 25-28.
4. Компанцева, Л.Ф. Религия в Интернете (концептуально-прагматический анализ), Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, серия «Политические науки», т. 19 (58), No1, 2006. – С.81-91.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007. – С. 17-25.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АЛЛЮЗИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ Н.П. АНЦИФЕРОВА («НОРГЕ»)

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник Отдела классических литератур запада и сравнительного литературоведения, д-р филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН, Россия, г. Москва

Статья посвящена фрагменту «Норге» из мемуаров Н.П.Анциферова, посвященному путешествиям их автора в Норвегию в начале XX века. Русские и европейские путешественники, отправляясь в дорогу, традиционно выбирали проверенные временем маршруты и осматривали культурно значимые достопримечательности. Н.П.Анциферов руководствуется не впечатлениями других путешественников, а творчеством норвежских писателей, которых он читал, как и большинство молодых людей своего времени. Н.П.Анциферов воспринимает Норвегию через призму пьес Г.Ибсена «Женщина с моря», «Пер Гюнт», «Бранд», а также произведений Гауптмана, Гете, Тургенева, Соловьева, Брюсова.

Ключевые слова: литература путешествий, мемуары, аллюзия, Норвегия, Россия, Н.П. Анциферов, драматургия, Г. Ибсен, Г. Гауптман, И.В. Гете, И.С. Тургенев, В.С. Соловьев, В.Я. Брюсов.

Со времен Стерна и Гете для европейцев стал характерен особый вид путешествий, во время которых предписывалось посещать значимые с точки зрения культуры места. Можно сказать, что в это время складывается «канон странствий»: «для странников существует своя Европа: ее пространство не совпадает с реальной географией» [7, 205]. Образованным людям, решающим отправиться в путь, заранее известно, «что может заинтересовать странника в том или ином месте, какие места необходимо посетить, а что всем не стоит внимания» [7, 206]. Поскольку впечатления путешественников в виде писем и дневников предназначаются для чтения в кругу друзей и знакомых, им следует «хорошенько отдать отчет в том, что [они] видели, и присоединить к тому свои замечания» [6, 18]. В свою очередь друзья путешественников, подготовленные чтением путевых заметок, и сами могут отправиться в дальние страны, чтобы посетить те достопримечательности, о которых они читали, и вписать свой комментарий в сложившуюся традицию, поэтому с конца XVIII по начало XX века литературу о путешествиях по большей части отличает «единство впечатлений и переживаний» [7, 206].

Н.П.Анциферов предпринимает другое по характеру путешествие: он руководствуется не впечатлениями других путешественников, а творчеством норвежских писателей, которых он читал, как и большинство молодых людей своего времени: это – Ибсен, Гамсун, Бьёрнстjerne-Бьорнсон. Он стремится стать не просто читателем, а словно бы невидимым литературным персонажем, хочет воочию увидеть тот мир, который изображен в произведениях его любимых авторов: «Все кругом переносило меня в мир Ибсена» [1]. И далее: «В хорошую погоду (она бывала не часто) я садился в лодку и плыл, медлен-

но взмахивая веслами, к шхерам. Высаживался на каком-нибудь островке, ложился среди вереска и мха и читал «Пана» Гамсуна в приятном сознании, что кроме меня на острове никого нет» [1]. Время от времени Анциферов как если бы опознает вокруг себя то, о чем он читал. В основном его интересует «мир Ибсена» [1]. Так, поселившись в небольшой деревне Лергровик, «в нескольких километрах от Мольде» [1], небольшого, но популярного курортного местечка, которое находится на берегу Мольдефьорда, он пишет: «Это был тот фьорд, который так томил ибсеновскую «женщину с моря»» [1]. Попав в Лергровик, Анциферов вспоминает пьесу Ибсена «Женщина с моря», или «Дочь моря» (под таким названием пьеса вышла в собрании сочинений Ибсена в 1909 г.). Увиденное настолько соответствует прочитанному, что Анциферов не дает описаний деревушки. Он просто цитирует на память, несколько сокращая текст, ремарку к первому акту пьесы «Дочь моря»: «Дом с большой крытой верандой, вокруг него сад. Перед верандой на садовой площадке флагшток. Направо в саду беседка со столом и стульями. Сад обнесен живою изгородью, с калиткой в глубине, на заднем плане. За изгородью вдоль берега фьорда идет дорога, обсаженная деревьями. Между деревьями виден фьорд и ряд высоких скал и вершин вдали» [т.3, 422]. Как явствует из текста мемуаров, Анциферов читал и запомнил перевод, изданный в собрании сочинений Ибсена в 1909 г., хотя название пьесы переводилось и как «Женщина с моря», словосочетание, которое употребляет он сам. В этой же ремарке упоминается важная реалия скандинавской жизни – флагшток. Один из героев пьесы, Баллестед «стоит возле флагштока и возится с веревкою от флага. Флаг лежит на земле» [т.3, 422]. Знание скандинавских реалий, хотя бы и из художественной литературы, побуждает Анциферова выделить их в норвежском пейзаже и отметить в своих воспоминаниях: «Флагшток перед домом в жизни норвежца означал многое. Флаг развевается – хозяин дома, флага нет – дом опустел, флаг приспущен – в доме покойник. После освобождения Норвегии (ее обособления от Швеции) флаг сделался чрезвычайно популярен. Занавеси, скатерти, костюмы детей – всюду вы могли узнать этот синий крест с белым окаймлением на красном фоне» [1].

Живя в Лергровике, Анциферов прямо задается вопросом: «Уж не здесь ли, в Лергровике, жила женщина с моря Элида?» [1]. Интересно, что там же, в этой небольшой деревушке, одновременно с Анциферовым и его спутниками жили две женщины, одна из которых напоминала Анциферову ибсеновских героинь: «Они живут в доме Бека. Я узнал, что белая женщина – художница, заболевшая тихим помешательством. В окне ее комнаты выставлены странные этюды, напоминавшие больное творчество Леонида Андреева, писавшего также картины, отражавшие безудержную фантазию» [1]. «Белая женщина» видится Анциферову как Элида: «Вот идет она вся в белом, длинном платье, словно в саване, с распущенными пышными русыми волосами» [1]. Это описание реальной женщины перекликается с ремаркой из первого акта «Дочери моря». В упомянутой ремарке описывается появление на сцене Элиды, главной героини пьесы: «Фру Эллида Вангель показывается в саду справа, из-за беседки; влажные волосы *распущены по плечам*,

а на голову и на плечи наброшена легкая шаль» [т.3, 430]. Фьорд, по выражению Анциферова, «томил» героиню, это не открытое море, к которому она привыкла. Если вспомнить текст пьесы, то можно представить, что скрывается за этим глаголом, чего недостает героине на берегу фьорда, хотя фьорд – тоже море. В переводе из собрания сочинений 1909 г., который читал Анциферов, Элида, «женщина с моря», которую отличает «особое отношение к морю и ко всему морскому» [3, 430], говорит: «О морских бурях и о штиле. О темных ночах па море. О море в яркие солнечные дни. Особенно же о китах, дельфинах и тюленях, которые так любят нежиться на солнце в шхерах. ... также о чайках, о морских орлах и о других морских птицах» [т.3, 447]. Муж героини выражается еще более определенно: «Да. Ты не в силах вынести окружающей обстановки. Скалы давят тебя, угнетают. Тебе здесь мало света, мало простора неба, мало воздуха, чтобы дышать полной грудью» [т.3, 444], а сама героиня, Элида соглашается с ним: «Да, да, ты прав, ты прав. День и ночь, и зиму и лето... меня гложет тоска по родине – по морю» [т.3, 444].

Для Анциферова существует собирательное наименование «ибсеновская женщина», которое не нужно было разъяснять его современникам, поскольку Ибсеном увлекались все. Тем не менее, Анциферов указывает два признака, которые, видимо, важны для него самого: «Его жена казалась нам настоящей «ибсеновской женщиной», углубленной в себя, внешне сдержанной» [1]. Восприятие людей, с которыми Анциферов познакомился в Лергровике, определяется пьесой, которую он читал до поездки.

Другой пьесой Г.Ибсена, которая часто вспоминается Анциферову, оказывается «Пер Гюнт». Это одна из двух пьес Ибсена, о которой в разговоре с Анциферовым высказывает мнение рядовой норвежец, «купец» [1]: «Мы, норвежцы, больше всего ценим «Брантда» и, особенно, «Пера Гюнта» – это подлинно норвежские произведения. «Пера Гюнта» можно понять только в Норвегии» [1]. В первом и втором актах этой драматической поэмы Г.Ибсена действие происходит в Гудбрандсдале, в одной из горных долин Норвегии. С побережья вглубь страны пролегает маршрут, по которому движутся Анциферов и его спутники. Путешественники стремятся «в Гудбрандсдальскую долину – на родину Пера Гюнта, в это троллиное Царство с его «Доврским дедом»» [1]. Таким образом, точка зрения на мир с самого начала задана литературным произведением, а персонажи Ибсена воспринимаются как живые люди. Характеризуя увиденное в общих чертах, Анциферов пишет: «Это – уголок Норвегии, наиболее сохранивший свой вековой характер. Поселков почти нет. Под высокими скалами, на пригорках изредка попадаются домики с крышами, сложенными из черного графита. Их стены выложены из больших валунов. Над входом – рога оленя» [1]. Он приводит литературную параллель, которая является пересказом отрывка из «Пера Гюнта». Мать Пера, Осе, хочет идти вместе с ним на свадьбу Ингрид. Пер пытается уговорить ее остаться дома, и между матерью и сыном происходит следующий диалог: «*Пер Гюнт*. Подождешь меня ты здесь. – *Осе*. Дудки! Вслед пойду я сыну! – *Пер Гюнт*. Не пойдешь. – *Осе*. С чего бы это? – *Пер Гюнт*. Да на мельницу закину. (Сажает ее на крышу мельницы)» [2]. «Вот на такой

маленький домик Пер Гюнт мог легко посадить свою мать Озе Пер Гюнт» [1], полагает Анциферов, увидев традиционные норвежские дома. Фрекен Анна, хозяйка гостиницы, где останавливаются путешественники, сама родилась в Гудбрандсдале, и этот факт особо отмечен в воспоминаниях в виде записи рассказа Анны о ее жизни: «Ее родина – не Ромсдальская долина. Она родилась в Гудбрандсдале. «Это троллиное царство», пояснила она. Там жизнь замкнулась и застыла. Дети повторяют отцов» [1]. Комментарий Анциферова содержит и его понимание ситуации в традиционном, патриархальном обществе: «Ибсен представил гудбрандсдальцев как Троллиное царство Доврского деда. Закон их жизни – довольствоваться собою. «Troll, hab dich selbst genug»» [1], и его мнение о переводе А. и П. Ганzenов, который он читал: «Мы подумали сейчас же: как исказил перевод Ганzenов замысел Ибсена: «Трольль – будь самим собою доволен». Это совсем не то, что «довольствуйся собой»» [1].

В сознании современников Анциферова текст драматической поэмы «Пер Гюнт» был неотделим от музыки, специально написанной Э. Григом к ее постановке в 1876 г. Поэтому и Анциферов часто вспоминает Грига. Так, среди немногочисленных впечатлений, оставшихся у Анциферова от Тронхейма (Анциферов записывает название города, следуя норвежскому произношению: «Троньем» [1]), оказывается воспоминание о музыке Грига: «В отеле, очень скромном, где мы остановились, высокий широкоплечий моряк играл на фортепьяно что-то из Грига» [1]. Анциферов вспоминает сюиту Грига «Пер Гюнт», вернее часть ее, называемой «Шествие гномов» (иначе называется «Танец троллей», или «В пещере Горного Короля»), глядя на горы, называемые «Трольльтиндерне»: «У слияния двух рек, разделяя два ущелья, высится громада Трольльтиндерне. Ее зубчатый силуэт действительно напоминает шествие троллей самых фантастических, уродливых форм. Глядя на эти выветренные зубцы нагорья, не только вспоминаешь, но словно слышишь музыку Грига – шествие троллей» [1]. Видимо, Анциферов вспоминал не только музыку, но и текст пьесы Ибсена. Вот какие строки могли прийти ему на ум: «...конца ущельям нет,/ И утесов нет острей,/ Бездны, глетчеры, лавины!» [2], «Низкие голые холмы, за ними скалы, еще дальше – снежные вершины» [2], «Кругом сияют снежные вершины» [2]. И в его воспоминаниях появляются описания норвежской природы: «По другую сторону ущелья Раёумы возносится к небу одинокая скала, увенчанная рогом, – Ромсдальсхорн. Еще левее – зубчатый Венгетиндерне, словно закованный в броню. Направо – прижавшись друг к другу, громоздятся четыре горы – Король (Кунге), Королева (Дронниг), Епископ и Фрейлейн – последняя с длинной фатой. Первые три получили свое имя от вершин, имеющих формы корон и митры» [1], «Ущелье вновь сузилось. С высоких фьельдов тонкими светлыми ленточками падают в Ромсдаль водопады» [1].

Путешественникам повезло, они смогли присутствовать на празднике в гостинице, где они остановились. Казалось, перед их глазами ожили персонажи ибсеновской пьесы «Пер Гюнт», веселившиеся на свадьбе Ингрид: «С утра к вязу стали подъезжать на двухколесках родовые крестьяне. На них

были высокие цилиндры невероятных размеров и сюртуки необычайной длины. Это были коренастые люди, широкоплечие и широкобедрые, с длинными руками, в кожаных тяжелых перчатках. У некоторых вместо галстуков – красные шарфы. Их жены – в тугих корсетах с огромными брошками и огромными гребнями в высоко поднятых прическах» [1]. Анциферов вспоминает сюиту Грига «Пер Гюнт», описывая празднество: «Началась пляска. С выкриками, с притопыванием, с маханьем руками. Но ничто не нарушило степенного характера празднества. Фрёкен Анна с тревогой поглядывала на нас, призывая добродушной усмешкой к снисходительности. А в нашем сознании ее музыка заглушалась той мелодией, которая вспоминалась нам – «Пляской Троллей» из сюиты Грига «Пер Гюнт»» [1]. Однако увиденное на празднике в гостинице фрекен Анны могло стать иллюстрацией и к пьесе Ибсена. В первом акте главный герой, Пер Гюнт, приходит на свадьбу Ингрид, за которой он некоторое время ухаживал, и видит картину, напоминающую праздник в гостинице фрекен Анны: «Хутор Хэгстед. В глубине – жилой дом. Толпа гостей. На лужайке весело танцуют. На столе сидит музыкант. В дверях стоит старший на свадебном пиру. То и дело пробегают стряпухи. Пожилые гости беседуют, сидя кучками в разных углах» [2]. Он застаёт танцы в разгаре: «*Парень* (проносясь в паре с девушкой мимо музыканта). Эх, вдарь-ка, Гуторм, побойчее, что ли! – *Девушка*. Играй, чтоб слышно было в чистом поле! – *Девушки* (окружив пляшущего парня). Лихой прыжок! – *Одна из них*. Уж он мастак на пляски. – *Парень* (танцуя). Ни потолка, ни стен, – так чешешь без опаски!» [2]. Воспоминания о самой фрекен Анне связаны с героиней пьесы и одновременно с музыкой Грига: «Фрёкен Анна осталась жить в нашей памяти. И когда я слышу мелодию Сольвейг, я вспоминаю о ней» [1].

В отрывке о Ромсдальской долине находим аллюзию еще на одну пьесу Ибсена – «Бранд». В этой пьесе упоминается «старая ветхая церковь» [т.1, 122]: «Слишком мала наша церковь» [т.1, 127]. Анциферов вспоминает маленькую деревянную церковь, построенную в традиционном норвежском стиле: «...сама Раёума на своем пути в Мольдефьорд, постепенно опускаясь по уступам, образует вереницу водопадов. Около одного из самых больших белеет маленькая деревянная церковь. Она совсем одинока, и кругом нее все так сурово. Мы прозвали ее церковью Брантда» [1].

Несколько раз Анциферов говорит о Ромсдальской долине как о царстве троллей. Логично было бы, если бы в его воспоминаниях появились аллюзии и на второй акт «Пера Гюнта», действие одной из сцен которого происходит в «тронном зале Доврского старца» [2]. Однако он называет произведение другого писателя – «Потонувший колокол» Г.Гауптмана: «Ущелье становилось все уже и уже. Каменные глыбы, целые скалы, сорвавшись в долины с высот фиельдов, загромождали стремительный поток Реумы. Глыбы эти поросли мхом, вереском, можжевельником, соснами. Все чаще встречались водопады. Реума, обтекая нагромождения каменных глыб, бурлила и пенилась. Ее цвет принял изумрудный оттенок. Здесь все казалось полным тайны. Вспоминался мир «Потонувшего колокола»: Раутенделейн, Брегек-

кехс, Леший. Тени белой ночи в ущелье, рокот Реумы, шелест деревьев – все это манило каким-то особенным очарованием» [1]. “Мир «Потонувшего колокола»”, который вспомнился Анциферову, для него ассоциируется со «сказкой» [1], а это словоупотребление в свою очередь приводит на мысль цитату из пьесы Г. Гауптмана, которая позволяет понять настроение Анциферова: «Сказка! Сказка/ Медлительно проходит через лес./ Она шуршит и что-то смутно шепчет,/ Листами шелестит, поет сквозь травы,/ И вот, гляди: в одежде из тумана,/ Вся белая, вся вытянувшись нежно,/ И длинный след, как легкий пар, влача,/ Она идет...» [2].

«Особенное очарование», одухотворенность природы Норвегии очевидны для Анциферова. В звуках ветра, в шелесте листвы, даже в грохоте обвала ему слышится музыка: «Внезапно над долиной пронесся гул и замер; где-то там, за фьордом, замер он какой-то музыкальной протяжной нотой. Этот гул несся из ущелья. Где-то обвал. На мгновение все ожило, прислушиваясь к этому гулу. И снова тишина. Теперь еще лучше стало слушать эту торжественную тишину» [1]. В этой тишине Анциферову приходят на ум мысли Тургенева и Пушкина о равнодушии природы: «Мне вспомнился разговор двух гор [в] «Senilia» Тургенева. Ему, как и Пушкину, красота природы казалась «равнодушной»» [1]. «Разговор двух гор» отсылает читателя к стихотворениям в прозе И.С.Тургенева, а именно: к «Разговору», в котором передается беседа «двух громад, двух великанов» [9], альпийских гор «Юнгфрау и Финстерааргорн» [9]. Для них «несколько тысяч лет – одна минута» [9], а люди – вовсе не часть вселенной, а некие «козявки» и «двуножки» [9], существующие отдельно от вечной и прекрасной природы. Анциферов совершенно не согласен с Тургеневым: «Мне хотелось включить себя в эту величественную симфонию космоса и ощутить его как то целое, в котором мое «я» у себя на родине. Не равнодушием, а лаской веяло на меня от этих узорчатых снежных вершин, от этих таинственных ущелий, от этой сапфировой реки. Во всем, что окрест меня, – та же великая мистерия жизни, что и во мне. И этой мистерии нет конца и нет преград между мною и миром» [1].

Мир, окружающий путешественников, двойственен, в нем сплетаются сказка и реальность. Измученные ходьбой по горной дороге, глубокой ночью Анциферов и его спутники достигают Флатмарка, где находится гостиница: «Я уже не помню, как добрел до маленького, деревянного двухэтажного домика, перед которым рос могучий вяз. Мы постучали. Этот приветливый домик мне показался раем, и ангел весь в белом с огненным мечом отворил райские врата» [1]. Утром сказочное видение объясняется: «ангел весь в белом с огненным мечом» оказывается хозяйкой гостиницы, встречавшей своих постояльцев «в чем-то белом» [1] с горящей свечой в руке. Так, по словам Анциферова, «Ночное виденье получило реалистическое раскрытие, как в повестях Гофмана» [1].

В текст «Норге» включены четверостишия из стихотворений русских поэтов, пользовавшихся большой известностью у современников Анциферова. Стихотворения эти были на слуху у русской интеллигенции рубежа веков, поэтому достаточно было привести несколько строк, чтобы стало понятно,

какие чувства владели читавшим эти стихи и вписавшим их фрагменты в свои воспоминания. Одним из четверостиший, записанных Анциферовым, открывается стихотворение В.С.Соловьева «В тумане утреннем...»: «В тумане утреннем неверными шагами/ Я шел к таинственным и чудным берегам./ Боролася заря с последними звездами,/ Еще летали сны – и, схваченная снами, / Душа молилася неведомым богам» [1]. К этому стихотворению была написана музыка, и оно исполнялось как романс.

Отрывок воспоминаний, в который включено четверостишие из стихотворения В.С.Соловьева, посвящен не описанию природы или впечатлениям от встречи с местными жителями, а размышлениям Анциферова над «фрагментом Гераклита»: «Тот, кто спит, – замкнут в своем мире, для проснувшихся – мир един» [1]. Анциферов размышляет о «счастье...пробуждения» [1], когда человечество объединится в своих мыслях, чувствах, желаниях, намерениях. Такое единение, по мысли автора воспоминаний, возможно лишь при социализме: «Когда будет создан социализм, тогда все будут бодрствующими. Для всех будет мир един, каждый будет жить жизнью всех. И одиночества больше не будет» [1]. Однако «Труден и долог путь» [1] к этому единству людей, а, как считает Анциферов, «то, что доступно грядущим векам для всего человечества, то нам доступно теперь, в наши дни, в наши годы через дружбу и любовь» [1]. Мысли о далекой невесте, на первый взгляд, невеселы, так как до соединения с ней еще очень далеко (судя по тексту воспоминаний [1], как минимум пять-шесть лет): «Когда же кончится сон – утренняя заря еще далека» [1]. Далее Анциферов вписывает первую строфу упомянутого выше стихотворения В.С.Соловьева. Тем не менее, заключение этого отрывка воспоминаний не оставляет ощущения грусти или подавленности, скорее передает эмоциональный подъем автора: «Легкий ветер шевелил мои длинные волосы, и ветви плакучей березы касались моего лба. От этого касания я ощущал трепет во всем теле. Словно это было помазание. Я ощутил в себе небывалую силу» [1]. Если вспомнить оставшиеся строфы соловьевского стихотворения, такие ощущения автора воспоминаний становятся понятными. Пусть, по словам героя стихотворения, «ясно видит око,/ Как труден горный путь и как еще далёко,/ Далёко всё, что грезилось мне» [8], герой «неробкими шагами» [8] намерен «идти к желанным берегам,/ Туда, где на горе, под новыми звездами,/ Весь пламенеющий победными огнями./ Меня дождется мой заветный храм» [8]. «Небывалую силу» [1] может чувствовать человек, который знает, что у него впереди много хорошего, даже если придется ждать и прикладывать усилия, чтобы обрести счастье.

Интересно использование первых четырех строк из «Посвящения» к гетевскому «Фаусту»: «Вы вновь со мной, туманные виденья,/ Мне в юности мелькнувшие давно.../ Вас удержу ль во власти вдохновенья? / Былым ли снам явиться вновь дано?» [1]. Эти строки в тексте воспоминаний приводятся в оригинале. На первый взгляд цитата из Гете связана с романтическим описанием окрестностей реки Реумы, ее изумрудной воды, скал и огромных валунов, поросших мхом и вереском [1], которые напомним Анциферову пьесе «Потонувший колокол» Г.Гауптмана. «Очарованье сказки» [1] и вызвало в

памяти Анциферова стихи Гете. О своем душевном состоянии Анциферов писал: «Мой взор был тогда действительно отуманенный, и я был во власти сказочных видений» [1]. Цитата из приведенной цитаты, немецкое словосочетание, транслитерированное, но не переведенное, находим во второй части, где описывается второе путешествие в Норвегию: «Порой мне чудились еще романтические образы прежних лет – эти «шванкенде гештальтен»» [1]. Анциферов и его спутник, Мут, в точности повторяли маршрут пятилетней давности, и можно сказать, что «Былым ... снам явиться вновь дано» [1]. Однако необходимо помнить, что свои воспоминания Анциферов писал не по горячим следам, созданный им текст не является дневником, созданным одновременно с путешествием. Это беллетризованные мемуары, в которых все продумано, каждая цитата находится на своем месте и может сообщать больше, чем кажется поначалу. Так, если прочесть «Посвящение» из «Фауста» целиком, то можно предположить, что и в воспоминаниях Анциферова роль этого текста, пусть и в сокращении, аналогична. Как и «Фауст», к которому написано «Посвящение», мемуары Анциферова рассказывают о прошлом: «воспоминанье/ Весёлых дней и милых теней рой;/ Воскресло вновь забытое сказанье/ Любви и дружбы первой предо мной;/ Всё вспомнилось: и прежнее страданье,/ И жизни бег запутанной чредой» [3]. Могли быть созвучны мыслям Анциферова о друзьях юности и такие строки Гете: «образы друзей, из жизни юной/ Исторгнутых, обманутых фортуной/ <...>/ ...те, кому моя звучала лира,/ Кто жив ещё, – рассеяны среди мира» [3].

Как уже говорилось выше, словосочетание из немецкого текста «Посвящения», записанное русскими буквами, повторяется в рассказе о путешествии, которое Анциферов предпринял пятью годами позже. Оно соединено с заключительной строфой стихотворения В.Я.Брюсова «Эпизод» [2], Стихотворение по содержанию напоминает сказку, в которой рассказывается, как «принц» [2] похищает прекрасную «царевну» [2] и уносит ее на ковресамолете из палат ее отца, «злого короля» [2]. Подобным сказкам сродни «туманные виденья,/ ... в юности мелькнувшие давно» [1]. Повторяя путешествие, которое он совершил «подростком» [1], Анциферов как бы напоминает самому себе, какие чувства он испытывал в юности: «Влекут нас в царство ласки/ Семь белых лебедей.../ Не правда ли: мы в сказке,/ Мы в книжке для детей?» [1]. Но во время своего второго путешествия Анциферов уже не подросток, он молодой человек на пороге взрослой жизни, женитьбы, поэтому после процитированной заключительной строфы стихотворения Брюсова следует такой комментарий: «... и Раутенделейн, и Брегеккехс уже мало занимали меня» [1].

Отрывок «Норге» из книги мемуаров Н.П.Анциферова представляет собой пример беллетризованных воспоминаний о путешествиях, записанных через много лет после того, как их автор побывал в Норвегии. Автор не стремится описывать свой путь в незнакомой стране, рассказывая о популярных у путешественников достопримечательностях, восприятие мира автора сформировано его кругом чтения. Роль цитат в тексте мемуаров двоякая. Взгляд на людей, культуру, природу Норвегии определяется пьесами Г.Ибсена, ко-

торыми увлекалась в начале XX века русская интеллигенция. Размышления автора о жизни, прошлом и будущем сопровождаются цитатами из произведений классической русской литературы и из гетевского «Фауста».

Список литературы

1. Анциферов Н. П. Из дум о былом : Воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. – М. : Феникс : Культур. инициатива, 1992. – 512 с. : 16 л. ил. // <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=10569>
2. Брюсов В.Я. Эпизод // Валерий Яковлевич Брюсов Собрание Сочинений В Семи Томах Том 1. Стихотворения 1892-1909
3. Гете И.В. Фауст. http://lib.ru/POEZIQ/GETE/faust_holod.txt
4. Ибсен. Г. Драммы. Стихотворения. Библиотека Всемирной Литературы. М., «Художественная литература», 1972 // <http://www.e-reading.by/book.php?book=1038338>
5. Ибсен Г. Полное собрание сочинений. Санкт-Петербург, 1909. т 3. – 716 с.
6. Майков А.Н. Путевой дневник 1842-1843. Итальянская проза. Санкт-Петербург, 2015. – 400 с.
7. Ненарокова М.Р. Роль Странника в Театре Жизни (Тема странствия в творчестве Генри Вордсворта Лонгфелло) // Романтизм. Вечное странствие. М., 2005. – 399 с.
8. Соловьев В.С. В тумане утреннем... Антология русского романа. Серебряный век. / Сост., предисл. и коммент. В. Калугина. – М.: Изд-во Эксмо, 2005 // http://bobysh.ru/kratkoe/soloviev/v_tumane_utrennem_nevernymi_shagami.html
9. Тургенев И.С. Senilia. Стихотворения в прозе // <http://ilibrary.ru/text/1378/p.2/index.html>

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Никулушкин К.В.

аспирант, Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург

В статье рассматривается классическая филология в качестве одной из возможных эпистемологических моделей в пространстве современного образования. Исторический ракурс отечественного образования демонстрирует высокую степень интеллектуального и духовно-культурного уровня сознания учеников прошлой эпохи за счет включения в процесс обучения древнегреческого и латинского языков. Современная образовательная парадигма ограничена пределами научной специализации, исключающей понимание ценности национального текста культуры. Введение на начальном этапе обучения классических языков античности в онтологию познавательного процесса позволит современной отечественной педагогике сформировать гармоничную и творческую личность, восстановив духовные традиции в их смысловой цельности.

Ключевые слова: классическая филология, культурный текст, лингвистическая реставрация, семантика, семиотика, гносеологическая лакуна, языковые средства.

Классическая филология в наши дни исключена из системы гуманитарного знания в среднеобразовательной школе, отчасти по причине сохранившихся советских педагогических традиций, сформулированных в идеологически-прагматическом ключе (отрицание существовавшего до октябрьской

революции культурного пространства, не поддающегося социалистической идеологизации), отчасти в связи с отсутствием понимания образовательной концептуальности классических языков античности.

Представление в отечественной педагогике о специфике и специализации образовательных программ в начальной и средней школе, которые, порой, вследствие своей методологической невыдержанности приводят к психологическому диссонансу не только обучаемых, но и обучающихся, является достаточно сложным, чтобы раскрыть его полностью в изложении данной статьи. Поэтому определим только идейный вектор направления исследования, связанного с развитием личности ученика путем введения его сознания в область классической филологии.

После октябрьской революции 1917 г. в результате отторжения классической гимназии, как образовательной формы (заменой которой явились единые трудовые школы), произошли структурные изменения, отразившие предпочтения новой эпохи на идеологическое нивелирование свободного и творческого мышления. Новая власть совершала табуирование дореволюционных маршрутов мысли в интеллектуальном пространстве, ограничивала внешнее проявление созидательных идей разума пределами сформированной политической доктрины.

Латинский и древнегреческий языки, изучавшиеся в классической гимназии в обязательном порядке, апеллировали к культурным текстам не только античности, но и духовным текстам русских традиций: древнегреческий язык к историческому положению Православия в русской культуре, а латинский к лингвистическому генезису русской империи [3]. Соответственно, классическая филология являлась знаковой, духовной формой внутри русского логоса и не вписывалась в новую образовательную концепцию, формируемую политикой. Поэтому целокупность классического образования, имевшая в основании древние языки и предполагавшая интеллектуальный отбор для поступления в университеты, была разорвана в угоду прагматике нового культурного текста.

Русский ученый-хирург Н. И. Пирогов в заметках по поводу образования выражает свой характерный взгляд на его классическую основу: «Здесь не место распространяться, почему я отдаю безусловно преимущество классическому образованию для вступающих в университет. Скажу только, что это я делаю потому, что приписываю высшую образовательную силу исключительно глубокому изучению древних языков, языка отечественного, истории и математике. Я сошлюсь в этом на вековой опыт, который, вопреки всем возгласам противников, все-таки доказал, что изучение этих наук одно и *само по себе* уже достаточно образует и развивает дух человека, приготавливая его к восприятию всевозможных – и нравственных, и научных – истин» [4, с. 220].

В культурном времени социалистической эпохи был период, когда пересматривалось представление об образовательной ценности классических языков, и осознание утраты коренных, духовных традиций дореволюционной педагогической системы приводило к попыткам реанимировать в среднеоб-

разовательной школе классические языки (попытка ввести латынь в качестве обязательного предмета в средней школе во второй половине сороковых – первой половине пятидесятых XX в.). Но для своего восстановления разрушенный филологический потенциал требовал пересмотра заложенных революционным сознанием ценностей, на который социалистическая эпоха была не готова и, соответственно, такая образовательно-лингвистическая реставрация, не успев укорениться в системе школьных знаний, заново идеологически отрицалась.

Эпистемологическую ценность классических языков античности в образовательной системе понимали многие русские ученые, обладавшие необходимыми филологическими знаниями для прикосновения к литературным сокровищам древних текстов. Филолог-классик Я.М. Боровский – новолатинский поэт и переводчик античных текстов раскрыл свой взгляд на классическое образование: «Для представителя любой науки классическая гимназия оказывается незаменимой школой. Разумеется, понимание материнского языка требует и основательного изучения какого-нибудь из новых культурных языков, но в еще большей мере – обоих древних, которые в течение столетий влияли на развитие языка и материальной культуры всех европейских народов. Немыслима настоящая образованность без знания древних языков» [1, с. 270].

Гносеологическая лакуна классических языков филологии в русской среднеобразовательной системе, приводящая к гипертрофированности отдельных мыслительных форм детского сознания в процессе обучения, является очевидной. Для развития в современном мире культурно-компетентной и гармоничной личности, поддерживающей и обогащающей духовные традиции, необходимо заполнить данный пробел в отечественном образовании. Приведем мнение современного филолога-классика А. В. Подосинова, который раскрывает аксиологическое положение античных языков в современной западноевропейской образовательной культуре: «Никто не будет отрицать, что с точки зрения опыта и продвинутости естественнонаучных и технических дисциплин западноевропейская школа – одна из лучших в мире. И при этом парадокс – гуманистическая или классическая гимназия, отличающаяся от естественно-научной и новоязыковой гимназии только углубленным изучением древних языков (преимущественно латинского), до сих пор остается «кузницей» политической, научной и творческой элиты страны, формирующую широкую интеллигентскую прослойку общества» [5, с. 83].

Значительную роль в развитии креативных способностей мышления ребенка играет изучение древнегреческого и латинского языков, включающих механизмы структурного понимания онтологии культуры. Я. М. Боровский, исследовав языковое влияние античности на обучаемых, установил, что: «Изучение грамматики, особенно латинской, имеет неоспоримую образовательную ценность. Учащийся овладевает логическими конструкциями, часто очень тонкого свойства, задолго до того, как он услышит самое слово «логика». Гимназия не должна отказываться и от требования переводов с родного языка на латинский: при этом достигается такое изощрение мысли-

тельных способностей, какого еще не может дать школьная математика» [1, с. 270].

Современное развитие ребенка, его введение в пространство гуманитарного знания, отражающего историческую концепцию духовного развития, расставляющего ценностные приоритеты в выборе культурной модели существования, позволяющего ориентировать и ориентироваться в эстетических и этических категориях (прекрасное/безобразное, добро/зло...), должно осуществляться также и в приобщении его к античному тексту, его культурным и лингвистическим языкам. Без знания этих языков невозможно глубинное понимание фундамента культурной действительности, внешние, выразительные особенности которой раскрываются для ребенка сразу при начальном вхождении в изучение древнего языка. Перевод текста с одного языка на другой является конструктивным методом развития мыслительного аппарата, совершающего при данной операции парадигматическую корреляцию единиц выражения разных лингвистических культур. Положительное воздействие данного процесса на мышление ребенка определил, на примере изучения латинского языка, Я. М. Боровский: «Самый метод изучения латинского языка, основанный на углубленном истолковании текстов и на сопоставлении выразительных средств этого языка и родного языка учащихся, служит незаменимым средством развития мыслительных способностей и стилистических навыков» [2, с. 87].

Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа [7], в которой языковые структуры определяют способ мышления и восприятия действительности, сознание ребенка, включенное в процесс обучения древним языкам, изменяет строение мозга путем формирования дополнительных нейронных структур [6], устанавливающих возможность для конструирования расширенной картины мира в ее интеллектуальном ракурсе. Формируемые при этом ментальные практики вхождения в античный языковой текст обусловлены образовательной инкорпорацией двух грамматических парадигм: латинской и древнегреческой. Выражением лингвистической целостности древнегреческого и латинского языков в образовательном подходе к миру ребенка служит их культурно-историческая преемственность, о которой, с позиции всеобщей истории культуры, выразил мысль Я. М. Боровский: «Между тем оба эти языка неотделимы друг от друга, только оба вместе они дают нам цельный образ античного мира, значение которого для человеческой культуры так неизмеримо велико, что мы сделали бы нищенски бедны, если бы можно было вычеркнуть его из всемирной истории. Мы должны хорошо знать историю древних народов, хотя бы для того, чтобы понимать собственную» [1, с. 270].

Структура детского сознания развивается и совершенствуется в процессе обучения, каждый новый изученный язык и не только лингвистический, но и математики, физики..., формирует новое познавательное отношение к определенной области действительности, описываемой этим языком. Эти языки позволяют дифференцировать окружающий культурный и природный мир в виде множества текстов, связанных между собой единой ни-

тью всепроникающей разумности. Мир для ребенка становится эстетически-конструктивным в каждом элементе экзистенциально сформулированного отношения.

Возникновение новых структур сознания у ребенка посредством усложнения представлений о лингвистической форме в историческом тексте переводит линейное плоскостное восприятие культурной сущности в многоуровневую аксиологическую сферу цивилизации, специфику творческого освоения которой отметил, в ракурсе обучения латинскому языку, А. В. Подосинов: «Латынь, на мой взгляд, следует рассматривать как инструментарий, необходимый для достижения другой, экстралингвистической, более широкой и значимой цели, которая заключается в приобщении учащегося к ценностям европейской культуры вообще и прежде всего к достижениям античной цивилизации, которая является основой всей последующей европейской и, в конечном итоге, мировой» [5, с. 84].

Таким образом, классическая филология, вследствие своего значительного влияния на системное развитие мнемонических и познавательных способностей ребенка, обогащая его внутренний духовный мир и формирующая культурно-ценностные ориентиры, требует обдуманного восстановления своих координат в современной образовательной концепции.

Список литературы

1. Боровский Я.М. Ценность классического образования с точки зрения социалиста / Я.М. Боровский // *Opera philologica: сб. статей / Изд. под. А.К. Гаврилов, Т.В. Шабурин, В.В. Зельченко. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, Дмитрий Буланин, 2009. С. 269-272.*
2. Боровский Я.М. Латинский язык в средней школе. // *Вопросы языкознания. 1952. Июль – август №4, 1952 г. С. 87 – 88.*
3. Воробьев К.Ю. Латинский язык и отражение греко-римской мифологии в русской культуре XVIII века: дис. док. культурол. наук: 24.00.02 / К. Ю. Воробьева; науч. конс. А. П. Лободанов; МГУ им М. В. Ломоносова – Москва, 2000. – 351 с.
4. Пирогов Н.И. Мысли и замечания о проекте устава училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения / Пирогов Н.И. // *Избр.пед. соч. / отв. ред. А.Н. Алексюк. М.: Педагогика, 1985. С. 217-239.*
5. Подосинов А.В. Латинский язык в «Лиге школ» // *Книга о московской школе 1199. Сборник статей / Сост. Г.Г. Левитас. М.: Лига школ, 2006. С. 82-97.*
6. Anita Kar. Learning a new language alters brain development [Электронный ресурс] // McGill University: Canada, 2013. URL: <http://www.mcgill.ca/channels/news/learning-new-language-alters-brain-development-230131>(дата обращения: 15.10.2015)
7. Chandler Daniel. The Sapir — Whorf Hypothesis [Электронный ресурс] // URL: <http://www.visual-memory.co.uk/daniel/Documents/short/whorf.html> (дата обращения: 15.10.2015)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ДОСТИЖЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА З. СМИТ «БЕЛЫЕ ЗУБЫ»

Рыбина С.Ю.

магистр филологии, НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются основные языковые средства создания комического эффекта в свете теории контраста на примере романа З. Смит «Белые зубы». Теоретические положения подкрепляются контекстами, раскрывающими механизмы формирования комического. Делаются выводы о типах противоречий, лежащих в основе комического в языке.

Ключевые слова: комическое, комический эффект, теории контраста, эффект обманутого ожидания, противоречие.

За всю историю человечества были созданы сотни теорий юмора. С большей их частью можно ознакомиться в работе Шиблза (Warren Shibles) «Humour Reference Guide. A Comprehensive Classification and Analysis [4, 2005]. В своей работе автор выделяет категории юмора, их приверженцев и кратко излагает принципы каждой из категорий. Для лучшего понимания природы комического, разберем классификацию, данную В.Раскиным, который разбил существующие теории на три группы: теории несовместимости, теории враждебности и теории высвобождения [3, 1985].

Первая группа, теории несовместимости, предполагают, что юмор возникает вследствие понимания несовместимости между ожиданием слушателя и тем, что произошло, т.е. результатом. Эта идея была высказана Аристотелем и «открыта» несколько раз впоследствии. К наиболее известным приверженцам этой идеи относятся И.Кант и А.Шопенгауэр [1, с. 34].

Вторая группа, теории враждебности, восходят своими истоками к Платону, частично Аристотелю и Цицерону и в дальнейшем нашли поддержку в трудах У.Хоббза и М. Грунера. В этих теориях утверждается, что смешное заключается в нахождении чувства превосходства над чем-либо, или в преодолении препятствия, или агрессии, нападения на какой-то объект [1, с.34].

В третьей группе, теории высвобождения, отмечается, что смешное является результатом высвобождения психической энергии, освобождая человека от некоторого ограничения. К приверженцам подобной точки зрения можно отнести таких ученых как: Г.Спенсера, Д.Грегори, Д. Истмена, Д.Г.Монро. Юмористическая манера выражения мыслей – высвобождает от ограничений и всевозможных запретов [1, с. 34]. Наиболее известной теорией высвобождения является теория Зигмунда Фрейда, согласно которой юмор является средством получения удовольствия, несмотря на препятствующие ему мучительные аффекты [4, с. 13].

Согласно идеям В. Раскина, которые дополнил и развил в своих трудах, по семантической теории юмора, Сальваторе Аттардо, юмористический эф-

фekt возникает при внезапном пересечении двух независимых контекстов в точке бисоциации [2, 1994]. К.Глинка, описывая теорию юмора, использовал выводы В. Раскина, который утверждал, что в основе юмористического эффекта лежит столкновение контекстов, а не просто языкового смысла. Согласно этой теории юмористический эффект возникает, если имеют место следующие условия: 1) текст обладает совместимостью, частичной или полной; 2) две части текста противоположны в определенном смысле [1, с.31-32]. Отличительной особенностью теории В. Раскина от предшествующих теорий состоит в том, что он первый придал понятию противоположности универсальный смысл.

При изучении истории комического в литературе лингвисты пришли к выводу, что оно многолико. Ярким примером данного явления могут служить: шекспировские комедии и беспощадная сатира Д.Свифта, романы Т.Дж.Смоллетта, которые также называют плутовскими; поэзия абсурда Э. Лира и остроумная проза Ч. Диккенса. Все эти произведения стали классикой «английского юмора». В современной английской юмористической литературе отражаются тенденции изменяющегося мира. Среди персонажей Ника Хорнби, Сью Таунсенд, Софи Кинселлы – представители разных народностей: англичане, ямайцы, бенгальцы, итальянцы и многие другие, населяющие Лондон и его окрестности, и у всех свои проблемы, свои мечты, свои мании и фобии, свои религиозные предпочтения, симпатии и антипатии.

Ярким примером юмористического контраста, является постфеминистская женская проза так как, во-первых, пестрит юмористическим и ироническим отношением к действительности, характерным для данной прозы, и, во-вторых, тем фактом, что контраст в постфеминистской женской прозе, является значимым принципом сюжетного, композиционного и образного построения художественного произведения эпохи постфеминизма. Основная идея современного постфеминизма – переход от «феминизма равенства», когда женщины отстаивали свои права и добивались равенства в патриархальном обществе, к «феминизму различия». Таким образом, различие, противоречие, противопоставление, контраст являются ключевыми для понимания, постфеминистской женской прозы, что неизбежно находит свое отражение на языковом и речевом уровнях. Одним из ярких примеров, постфеминистской женской прозы, является роман Зэди Смит «Белые зубы» (White Teeth), дебютное произведение писательницы, вышедшее в 2001 году. Роман получил более 14 литературных премий, среди которых «Уитбрэд Бук» (Whitbread Book Awards) и «Оранжевый Прайз» (Orange Broadband Prize for Fiction), а также премию Коста. Большинство критиков в своих рецензиях на роман отметили, что, не смотря на юный возраст автора это зрелый роман с богатыми мыслями и множеством нюансов.

Само по себе название романа «Белые зубы» является необычным, оно звучит как метафора. Было сделано предположение, что языковые проявления комического основаны на противоречии. Анализ стилистических приемов, создающих комический эффект, был направлен на выявление характера этого противоречия. В романе индивидуальные и авторские метафоры ис-

пользуются для создания комического, например: «Life was an enormous rucksack so impossibly heavy that, even though it meant losing everything, it was infinitely easier to leave all baggage here on the roadside and walk on into the blackness» [5, с. 10]. Такого рода метафора реализуется в условиях необычных для основной семантики слова лексических связей, отражающих субъективный аспект действительности, а в основу метафорического переосмысления положены разнородные признаки понятий нетипичные или даже случайные.

В романе З.Смит, комический эффект также реализуется в сопоставлении, например: (about war experience) It was like nose hair. People looked away... No one really wanted to know [5, с. 14]. Of course, like the mother of a drug addict or the neighbour of a serial killer, Clara was the last to know» [5, с. 41]. В данном примере второй элемент сравнения обладает отрицательной эмоционально-оценочной окраской, что усиливает эффект неожиданности от сопоставления несопоставимого. Комический эффект также достигается противоречием лексических значений слов, находящихся в определенных синтаксических позициях. Так, например эффект обманутого ожидания создается в романе при помощи парцелляции, когда лексическое значение парцеллянта контрастно основному высказыванию или менее всего ожидаемо. «She gave him a wide grin that revealed possibly her one imperfection. A complete lack of teeth in the top of her mouth» [5, с. 24]. В данном примере, слово «imperfection» вызывает другие ассоциации, нежели полное отсутствие зубов в верхней челюсти.

С функцией эффекта обманутого ожидания, в романе выступает тире, например: «Maureen had good legs for a woman her age – legs like sausages tightly packed in their skins...» [5, с. 68]. Данный комплимент становится сомнительным к концу первой части предложения: ноги либо хороши, либо нет, вне зависимости от возраста. Контраст в предложении усиливается при помощи сравнения «legs like sausages tightly packed in their skins», обладающего отрицательной коннотацией. В следующем примере: «Clara Bowden was magnificently tall, black as ebony and crushed sable, with her hair plaited in a horseshoe which pointed up when she felt lucky, down when she didn't. At this moment it was up. It is hard to know whether that was significant» [5, с. 23], – эффект обманутого ожидания реализуется как на синтаксическом, так и на семантическом уровне. В первой части примера автор создает ложную многозначительность, заявив, что направление «подковы» из волос имело скрытый смысл. В тот момент когда читатель хвалит себя за догадливость, что он расшифровал настроение героини, писательница ставит его на место замечанием: It is hard to know whether that was significant. Ученые полагают, что любой преднамеренный сбой в логике мышления, на котором построено множество приемов, обязательно связан с феноменом обманутого ожидания.

В примере: «He was very thin and very tall, red-headed, flat-footed and freckled to such an extent that his skin was rarer than his freckles [5, с. 27], автор потрясающе совмещает в одном контексте слова и выражения, которые принадлежат к различным стилистическим уровням, что дает ярко выраженный комический эффект.

Проанализировав стилистические приемы, создающие комический эффект в романе Ээди Смит «Белые зубы», можно сделать вывод, что комическое в языке произведения основано на: противоречии двух смысловых планов, которые относятся к разнородным понятиям, принадлежащим к разнорядковым сферам действительности; противоречии языковым нормам, которое проявляется в неожиданном использовании возможностей языковой системы с целью либо привлечь внимание слушающего, либо с целью более адекватного выражения собственной картины мира.

Список литературы

1. Глинка К. Теория юмора / Константин Глинка. Стихи, пародии, эпиграммы / Игорь Южанин. М., 2008. – 206 с.
2. Attardo S. Linguistic Theories of Humor. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1994. – 426 p.
3. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht; Boston; Lancaster: D. Reidel Publishing Company, 1985. 304 p.
4. Shibles, Warren. Humour Reference Guide. A Comprehensive Classification and Analysis. Southern Illinois Univ Pr (Tx), 2005. 298 p.
5. Smith Z. White Teeth. – Penguin Books, 2001. – 548.

АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ (ОСЕТИНСКИЙ И ПЕРСИДСКИЙ)

Сатцаев Э.Б.

ст. научный сотрудник отдела осетинского языкознания, канд. филол. наук, ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований ВНЦ РАН и РСО-А, Россия, г. Владикавказ,

Статья посвящена изучению процессов ирано-семитского языкового контактирования. В ней освещаются пути проникновения семитских элементов в виде лексических заимствований и грамматических интерференций в осетинский и персидские языки. Осетинский язык стоит особняком среди всех иранских языков – число заимствований в осетинском языке несравненно меньше по сравнению с другими иранскими языками. Сделан вывод, что арабизмы в языках Кавказа, в том числе осетинский, попали через персидское посредство и с персидской семантикой.

Ключевые слова: иранские языки, осетинский язык, персидский язык, арабизмы.

С начала 1-го тысячелетия до н.э. иранские и семитские народы тесно общались и оказывали огромное влияние друг на друга. Иранский компонент был важным в истории древнейших государств Среднего и Ближнего Востока (Вавилон, Ассирия и др.). Наиболее древним семитским языком считается аккадский (ассиро-вавилонский), возраст памятников которого насчитывает около 4 тыс. лет [7, с. 70-71].

Другим древним семитским языком считается древнееврейский язык (иврит), возраст памятников которого насчитывает около 3200 лет [7, с. 122-125].

Важным древним семитским языком считается также арамейский, памятники которого восходят к началу 1-го тысячелетия до н.э. [7, с. 194-197].

В эпоху Ахеменидов (VI-IV до н.э.) арамейский язык служил официальным языком Персидского государства [7, с. 199]. После падения Персидского царства употребление арамейского языка постепенно ограничивается. В первые века н.э. арамейский язык был распространен в пределах Палестины, Сирии, Месопотамии. В Палестине арамейский язык постепенно вытеснил еврейский язык (иврит). Арамейским языком в качестве письменным использовали также арабы. Два языка являются близкими по строю и грамматике.

Возраст иранских языков уступает семитским языкам. В соперничестве между собой семитские языки уступали территории иранским языкам. В тех регионах, где ранее бытовали семитские языки, сейчас население разговаривает на иранских языках. Это, прежде всего, курды, часть персов и другие иранские народы. В общем, иранские языки не уступили ни пяди своей земли.

В западном направлении арабский язык почти полностью вытеснил все языки и диалекты Северной Африки и дошел до Атлантического океана.

После арабского нашествия Иран быстро принял ислам и сам стал активным распространителем этой религии на огромных территориях. Официальная религия Ирана – зороастризм в тот период был в весьма кризисной ситуации и персы быстро расстались с его догматами и приняли мусульманство.

Наряду с исламом постепенно распространился и персидский язык со своими арабизмами, которые с персидским языком вошли и в другие языки (тюркские, индийские, грузинский, армянский и др.).

К предкам осетин мусульманство начало проникать еще в период первых завоевательных походов арабов на Кавказ. Находясь в тесных и непростых отношениях с хазарами, аланы – предки осетин еще в VII-VIII вв. не участвовали в кровопролитных войнах хазаров против арабов. Первый по времени поход алан с хазарами против арабов произошел в середине VII в. [2, с. 329-331]. Особенно ожесточенные алано-арабские столкновения происходили в VIII веке. По свидетельству историков арабский полководец Джаррах предпринял серию опустошительных походов на земли алан [5, с. 156-157]. С переменным успехом спорадические военные действия между аланами и арабами продолжались около сотни лет, что исключало возможность плодотворных культурных контактов. В лице арабов Аланы четко видели врагов и это стало одной из важнейших причин того, что ислам и арабский язык не получили распространение среди алан. По мнению некоторых историков, аланы явились наряду с хазарами стали той преградой, которая стала заслоном продвижения арабов в сторону русских земель и возможности распространения ислама среди славянских народов. Однако сам по себе ислам не обошел стороной алан – осетин не смотря на отсутствие непосредственных сношений с арабами. Небольшая часть алан приняла ислам [3, с. 13-14].

Однако периодом более широкого распространения ислама среди осетин обычно считают XVI – начало XVII вв. Источником его проникновения считают Кабарду, где к этому времени ислам уже укрепился довольно прочно. Мусульманство изначально распространилось среди феодальной элиты, особенно среди дигорцев и тагаурцев, где сословное деление было более четко. У куртатинцев не сформировалось довольно выработанное деление на со-

словие подобно тому, как это восприняли дигорцы и тагаурцы, однако и не было полного отрицания сословного деления. Наиболее удаленные от Кабарды алагирцы сумели сохранить свою родовую демократию, отрицавшую принцип сословного неравенства [3, с. 14-16].

Наличие арабизмов в осетинском языке отмечалось еще в самом начале становления осетиноведения. Наиболее полную характеристику арабизмов находим в «Историко-этимологическом» словаре осетинского языка [1]. Из многочисленных возможных квалификация арабизмов в осетинском языке наиболее значимой является группировка по семантическому признаку. Можно выделить следующие группы [4, с. 57-58]:

1. Слова, выражающие различные понятия общественного характера (airp – изъян. порок, недостаток; amal – возможность, средства; nyfš – твердость духа, смелость, отвага, решимость, уверенность, надежда; qazwat – яростный бой, натиск; qody – неприкосновенный, заповедный, отверженный, бойкот; qušmæt – судьба).

2. Термины, связанные с мусульманской религией; azal – смертный час, рок; aræbi – восклицание, выражающее протест, выражение и др.; ællæx – восклицание боли, ужаса; ibliš – дьявол, демон; mairæm – Марьям или «Богоматерь»; mælek – ангел; tabæt – гроб; qiamæt – труд, мучение; qaimæt – потоп, кончина мира, страшный суд.

3. Название предметов труда быта; k'ælwa – кушанье, приготовленное из муки зерен овса; tarpa – навес, кровля, полка; xaiwan – верховое животное; qalla – крепость, станица; muraba – (юг. осет.) варенье.

4. Термины металлургии, химии, медицины, торговли и др.: almaši – алмаз; k'ala – олово, жесть; mišxal – золотник; qama – кинжал; qanzal – сорт стали, сабля из этой стали, пружина, рессора.

5. Название стран народов: zutt – еврейский народ; mušyr – Египет; pašran – мужское имя.

6. Другие слова разного содержания: bærkad – изобилие; zwapr – ответ; niat – решение, намерение, план; šalam – привет; šurat – картина, образ, выражение, портрет; tawrağ – историческое предание, легенда, рассказ.

Судьба арабских заимствований в других иранских языках сложилась необычайно интересно. В качестве примера можно привести персидский язык. Из всех языков Ближнего и Среднего Востока, подвергшихся арабскому влиянию персидский язык по количеству арабских заимствований стоит на первом месте. Некоторые иранские ученые считают, что персидский язык обладает двумя словарными составами – персидским и арабским. Причина этому не только арабское нашествие и господство арабского халифата, не только исламская религия и всевозможные связи персов и арабов, но и длительная языковая мода, многовековая ориентация на арабский язык и арабыязычные тенденции, вплоть до 20 в. [6, с. 35]. Из арабского языка заимствована не только разнородная лексика, но и алфавит, некоторые звуки и некоторые грамматические нюансы. Основная масса арабских заимствований относится к периоду становления литературного фарси. Однако следует отметить, что арабские заимствования не сразу проникли в персидский язык. понадобилась больше 250 лет, когда этот процесс набрал силу [6, с. 36]. Напри-

мер, в очень известном произведении «Шахнаме» автора Фирдоуси количество арабских заимствований составляет 0,2 % к общему числу слов поэмы, а уже в некоторых произведениях 16 века количество арабской лексики достигает до 80%. Ученые и мастера слова, особенно прозаики в создании своих произведения часто вместо иранских слов предпочитали арабские слова. Начиная с XI в. количество арабских заимствований многократно возрастало. Арабские заимствования использовались во всех сферах жизнедеятельности людей. Вместе с арабской лексикой заимствовались понятия в области религии, культуры и т.д. Часто заимствованная арабская лексика вытесняла персидские эквиваленты. Например, персидское слово иранского происхождения *angabīn* – мед, вместо него используется слово *asal*, вместо слова *rāībāzi* – танец используется слово *gakš*. Наблюдалось также стремление к синонимизации персидских слов.

Вытеснение слов иранского происхождения сочеталось с процессом арабизации. Под термином арабизации следует понимать различного рода изменения в фонетике персидских слов под влиянием арабского произношения [6, с. 38]. В современном персидском языке сохранилось довольно большое количество арабизированных персидских слов: *pīl-fīl* – слон, *puḷād-fulād* – сталь, *gūrār-juḡār* – носки, чулки. Большое количество заимствованных слов арабского происхождения со временем не удержалось или находится на периферии лексического архива. Одновременно с заимствованием новой арабской лексикой происходил процесс отмирания некоторой части книжных слов. Получилось, что историческая лексикология располагает огромным числом лексики, которая в современном персидском языке реально не используется. Арабская лексика в персидском языке распределяется на три разряда:

- 1) имена существительные;
- 2) имена прилагательные;
- 3) наречие.

Арабские глаголы в флективных формах в персидский язык не вошли. В функции существительных арабские заимствования используются весьма широко. Функции прилагательных большей частью выступают застывшие сочетания. Важное место в системе персидских имен, особенно имен прилагательных занимают заимствованные из арабского языка статусконструктивные сочетания. Некоторые из них утрачивают определенный артикль арабского языка, а какая-то часть сохраняют артикль.

Арабские заимствования оказали влияние и на персидскую словообразовательную систему [6, с. 42]. Арабские лексемы и словоосновы служат широкой базой для словообразования. В персидском языке широко используют аффиксы арабского происхождения.

Некоторые заимствованные арабские слова переосмысливаются, утрачивают самостоятельность и превращаются в словообразующие элементы. Интерес представляет также развитие персидские словообразования на базе формообразующих моделей. Система арабских пород (масдаров, причастие) ограничено вошла в персидскую лексику [6, с. 45]. Формулы масдаров постоянно повторяясь, открыли путь для словообразовательного моделирования. Отдельные формулы стали словообразовательными моделями. Иными

словами на персидской почве появились арабские по духу слова, не существующие в самом арабском. Такая же ситуация наблюдается в таджикском дари, афганском, курдском и других иранских языках. Немного отличается курдский язык, где арабизмов несколько меньше. При формировании курдского литературного языка мастера слова уменьшали число арабизмов, заменяя их искусственно созданными иранскими словами.

Появление арабизмов в осетинском языке не является результатом непосредственных контактов осетин и арабов или результатом процесса чтений и перевода иностранных текстов. На Кавказе арабизмы первоначально распространялись с мусульманством и исламизированной культурой, и прежде всего, среди народов Дагестана, Азербайджана, Кабарды [4, с. 62].

Почти ни один арабизм в осетинском языке не представляет собой сепаратную осетино-арабскую изоглоссу. Почти все арабизмы охватывают, по крайней мере, два-три языка, а в большинстве случаев значительное количество языков народов Кавказа [4, с. 62]. По нашему мнению большинство арабизмов в осетинский язык попало из кабардинского языка. В кабардинский язык эти арабизмы вошли через тюркские языки. В тюркские же языки эти арабизмы вошли через персидский язык. Кстати, большое число арабизмов попало в грузинский и армянский языки, также через персидский язык. Существующие арабизмы в языках Кавказа имеют, как правило, персидскую семантику (арабские слова вошли в персидский язык с определенной семантикой). Наличие большинства одних и тех же арабизмов что на Севере что на Юге Осетии говорит о единстве осетинского языка и осетинского народа.

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л. Наука, 1958 (656 стр.), 1973 (448 стр.), 1979 (260 стр.), 1987 (328 стр.).
2. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: – Издательство «Менеджер» 2003. 607 с.
3. Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии на перекрестке цивилизации. Москва, 2003. 260 с.
4. Ирано-афразийские языковые контакты. Москва: Наука, 1991 – 130 с.
5. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, изд. «Ир» 1992. 392 с.
6. Пейсиков А. С. Лексикология современного персидского языка. Москва, 1975. 206 с.
7. Языки Азии и Африки. Афразийские языки. Книга 1. Семитские языки. Москва, Наука 1991. 448 с.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПОНЯТИЕ

Соловьева Н.В.

доцент кафедры английской филологии, канд. филол. наук,
Московский государственный областной университет, Россия, г. Москва

В статье анализируется понятие противоположности с точки зрения философии, логики, социологии, психологии, этики, эстетики и лингвистики. Рассмотрение интерпре-

тации этого понятия в разных науках позволяет раскрыть его фундаментальность и многоаспектность.

Ключевые слова: противоположность, противоречие, диалектика, ценностная картина мира, интеграция противоположностей в личности, языковая оппозиция.

В обыденной сфере понятие противоположности универсально и распространяется на произвольные объекты действительности. Ощущение и восприятие противоположности может быть субъективным и парадоксальным, так как в известной степени определяется возрастом людей, их образованием и профессиями, социально-экономическими и географическими условиями их жизни: «вследствие самой природы своих мыслей и языка люди неизбежно вынуждены (бессознательно) все делить на свои противоположности» [4, с. 29]. В отличие от обыденной сферы, в научной сфере понятие «противоположности» выступает элементом системы объективных знаний и становится предметом рассмотрения в философии, логике, социологии, психологии, лингвистике, этике и эстетике.

Понятия «противоположность» и «противоречие» часто не разграничиваются в исследованиях. Считаем необходимым уточнить, что противоположность отражает наличие в объективных явлениях определенного несоответствия, несовпадения взаимосвязанных частей, свойств. В случае несущественного несоответствия между взаимосвязанными сторонами или подсистемами данного явления (процесса) говорят об их различии. Если же несоответствие значительно, достигает предела, то эти стороны и подсистемы являются противоположными. Отношение между противоположностями, противоположными частями, свойствами, подсистемами и т.д. называется противоречием [2].

Аналогичную трактовку понятия противоположности обнаруживаем в Словаре философских терминов: это «... категория, выражающая одну из ступеней развития противоречия» [9, с. 451]. Противоположность может быть внешней (проявление отличия сходных внешне, но не связанных внутренне явлений, процессов) и внутренней (проявление отличия внутренне связанных явлений и процессов, имеющее в качестве предпосылки внешние отличия) и выступает более развитой степенью противоречия по сравнению с различием.

Рассматривая философскую природу оппозитивных отношений, необходимо обратиться к истокам научного знания, где самодвижение и развитие явлений природы и социально-исторической действительности объясняется одним из основных законов диалектики – законом единства и борьбы противоположностей. Движение (самодвижение и опосредованное движение) присуще и неживой (вещи, явления), и живой (общество, мышление) природе. Противоречия, являясь побудительной силой и действуя изнутри, вызывают самодвижение и саморазвитие противоположных явлений. Противоположности могут относиться к одному роду, разным родам или представлять род; они взаимопроницаемы, одновременно предполагая и исключая друг друга; обладают симметричностью; предполагают наличие промежуточного члена;

имеют относительный характер; выступают как разновидности проявлений различия [5, с. 297]. Формы взаимодействия противоположностей многообразны и, в конечном итоге, приводят к их разрешению или нейтрализации.

В логике, изучающей отображение объективной действительности в человеческом мышлении, противоположность – нечто взаимоисключающее: «противоположными называют два универсальных высказывания, содержащих одни и те же термины, одно из которых является утвердительным («*Всякое S есть P*»), а второе – отрицательным («*Ни одно S не есть P*»)). Противоречие указывает на несовместимость посылок, положенных в основу рассуждения [6].

Объективные отношения между предметами отражаются в отношениях между понятиями и классифицируются в зависимости от содержания и объема понятий. Выделяются сравнимые понятия, в содержании которых имеется по крайней мере один общий признак (оба понятия относятся к одному и тому же роду, например, роду предметов), и несравнимые понятия, в содержании которых отсутствуют общие признаки (понятия принадлежат к разным родам, например, роду предметов и роду свойств).

Сравнимые понятия могут быть совместимыми (объемы понятий имеют как минимум один общий элемент) или несовместимыми (в объемах понятий нет ни одного общего элемента).

Логически несовместимые понятия, являющиеся видовыми для одного и того же рода, могут быть контрадикторными (противоречащими), контрадными (противоположными) и соподчиненными. Контрадикторные (противоречащие) видовые понятия подчиняются общему для них родовому понятию, разделяя его объем на две части. Два понятия контрадны (противоположны), «если между явлениями, в них мыслимыми, существует наибольшее различие в пределах, устанавливаемых родовым понятием» [1, с. 151].

Объемы несовместимых контрадных понятий занимают крайние точки в объеме общего для них понятия, например, понятия «черный» и «белый» полярны в объеме родового понятия «цвет».

Объемы соподчиненных понятий различаются и, входя в объем общего для них понятия, не исчерпывают его, например, понятия «роза» и «фиалка» включены в объем понятия «цветы», но не исчерпывают его [3, с. 40-43].

Человек существует в мире ценностей: одни и те же предметы, явления, идеи имеют неодинаковую значимость для представителей разных эпох и культур. Для людей первобытной эпохи естественен политеизм, для современного цивилизованного человека солнце, звезды, вода, огонь – это космические тела, явления природы. Земная жизнь и свобода, высоко ценящиеся в современной западноевропейской культуре, не значили так много в Средние века. Важным представляется рассмотрение противоположности как социологической категории, т.к. противоположности формируются в каждом социальном феномене: бедные и богатые, подчиненные и руководители и т.п.

В «Энциклопедии философии и социологии права» основными признаками отношений между противоположностями называются «взаимополагание, взаимопроникновение и содержательно-функциональная «асимметрия»,

т.е. наличие ведущей и ведомой, доминирующей и подчинённой сторон, каждая из которых обладает собственной тенденцией изменений, подчиняющейся как внешним воздействиям, так и внутренней логике саморазвития» [10, с. 670 – 671].

Французский социолог Ж.Г. Тард полагает, что «крайности, представленные состояниями или действиями, являются симметричными противоположностями, основывающимися на динамическом противопоставлении... вполне вероятно существование более фундаментальных противоположностей, что объясняет наше осознание и проведение аналогий между множеством статических и динамических противопоставлений» [13, с. 43]. Согласно представленной социологом классификации, динамическое противопоставление может быть одновременным (линейным или радиальным) и последовательным. Рассмотрение типов противоположностей позволило выделить качественные противоположности (теоретически относящиеся к любым явлениям) и количественные противоположности, подразделяющиеся на выражающие степень (относящиеся к количеству), механические (относящиеся к движущей силе) и логические (относящиеся к психическим проявлениям). Количественные противоположности подразумевают уменьшение или увеличение потребности относительно шкалы развития, отсутствие чего-либо приводит к поиску того, что заполнит лакуну, или воплощению идеи. Механические и логические противоположности следует понимать как противоположности взаимной направленности. В заключение Ж.Г. Тард приходит к выводу о том, что динамическое противопоставление подразумевает не только существование противоборствующих сил, но и создание поля, в пределах которого они взаимодействуют и борются. Все другие противопоставления следует считать различиями или проявлениями контраста, так как они выражают противоречия более низкого порядка [13, с. 43 – 45].

В работе Ф. Энгельса «Диалектика природы» рассматривается развитие общества посредством противоположностей. В результате социальной борьбы и революционных преобразований одна из сторон полностью уничтожает или преобразует другую, внутри которой со временем возникают новые противоположности. Общество меняется благодаря цикличности отношений между противоположностями. Идеальным признается состояние нейтралитета оппозиционных сторон. Другими словами, противоположность, по Ф. Энгельсу, выражается в специфике циклических преобразований общества, которое стремится к идеальному равновесию.

В Философском энциклопедическом словаре эстетика определяется как «наука, изучающая два взаимосвязанных круга явлений: сферу эстетического как специфическое проявление ценностного отношения человека к миру и сферу художественной деятельности людей» [11].

Изучение сферы эстетического подразумевает рассмотрение закономерностей дифференциации таких эстетических ценностей как возвышенное и низменное, красота и безобразие, трагедия и комедия, диалектической связи ценности и оценки, эстетической практики и восприятия, значение эстети-

ческой деятельности человека в индивидуальной и общественной жизни, т.е. природа эстетического понимается посредством ценностных отношений.

В эстетическом отношении противоположности представляют собой чувственно осознаваемые сосуществующие явления. Они не существуют друг без друга, в результате разрешения их борьбы рождается гармония, представляющая собой согласованность и уравновешенность противоположностей, составляющих единое целое.

Проблема взаимоотношения противоположностей рассматривается и в этике – ответвлении философской науки, объектом изучения которой является мораль, нравственность. Мораль как регулятор нравственной сферы способствует формированию идеальной модели отношений, исключая индивидуализм и отчужденность между людьми. В то же время люди, обладая различающимися моральными качествами (относительно устойчивыми признаками поведения, проявляющимися в однотипных поступках и отвечающими критериям добра (добродетели, добродетели) или противоречащими им (моральные недостатки, пороки), противопоставлены друг другу по параметрам восприятия действительности.

Ценностная картина мира представлена в таких полярных категориях этики, как «добро» и «зло», «справедливость» и «несправедливость», неразрывно связанных с моральным сознанием человека, его внутренним миром и самосознанием в обществе. Эти категории считаются жизненными регуляторами, они характеризуют положительные и отрицательные (моральные и аморальные) качества личности.

С точки зрения психологии, противоположности – это эго и бессознательное. Описание противоположностей, основывающееся на самом разнообразном опыте, и интеграция этих противоположностей в личности занимают центральное место в юнгианской психологии. По мнению К.Г. Юнга, сознательное и бессознательное, с одной стороны, дополняют и компенсируют друг друга, а с другой стороны, находятся в отношениях противоречия [7].

Противоположности объединяются в парные сочетания как на уровне инстинктов, так и в духовной и спиритуальной сфере. Из столкновения противоположностей в бессознательном психическом создается третье начало, которое четко не определено и иррационально по своей природе: «После ряда бурных колебаний противоположности вначале приходят к некоторому равновесию, после чего постепенно начинает развиваться новая установка ... Чем выше будет напряжение между парами противоположностей, тем больше будет та энергия, которая исходит от них, и меньше шанс последующих нарушений душевного равновесия» [7].

Закон единства и борьбы противоположностей нашел свое применение и в гештальт-психологии, изучающей психику с точки зрения целостных структур (гештальтов), первичных по отношению к своим компонентам (В. Кёлер, М. Вертгеймер, К. Коффка, К. Левин). Полное осознание противоположных полюсов своей личности, своих стремлений и желаний ведет к более глубокому пониманию себя. Человеческая жизнь проходит в стремлении достичь недостижимого Я-идеала («проклятие совершенства»). Решение это-

го конфликта, по мнению основателя гештальт-терапии Ф. Перлза, лежит в диалоге и интеграции противоположностей. Концепция полярностей имеет и более широкое понятие и применяется к данностям экзистенциального порядка, например, противоположности жизни и смерти, близости и одиночества и так далее.

Противоположные стороны предметов и явлений фиксируются средствами языка на разных уровнях. Под языковой оппозицией (от лат. *oppositio* – противопоставление) понимается «лингвистически существенное (выполняющее семиологическую функцию) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания» [12].

В Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой оппозицией (в качестве равнозначного приводится термин «противопоставление») называется, во-первых, «различие двух (или более) однородных единиц языка, способное выполнять семиологическую функцию, т. е. быть семиологически релевантным»; во-вторых, контраст как «фигура речи, состоящая в антонимировании лексико-фразеологических, фонетических и грамматических единиц, воплощающих контрастное восприятие художником действительности» [8].

В заключение отметим, что явление оппозиции рассматривалось с точки зрения фонологии (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Р.О. Якобсон, Г. Фант, М. Халле, Н.С. Трубецкой), грамматики (Р.О. Якобсон, А.Х. Востоков, С.О. Карцевский, Г.М. Фант, М. Халле), семантики (Л.А. Новиков, М.В. Никитин, Е. Coseriu, D.A. Cruse, L. Hjelmslev, D. Kastovsky, L. Lipka, J. Lyons, С.К. Ogden, F.R. Palmer), синтаксиса (А. Мартине, Б. Мальмберг). Общим для всех подходов следует признать обозначение при помощи понятия «оппозиция» отношений между противопоставленными сущностями, полярность их качеств или способов существования. Оппозиции как дихотомическое явление являются организующим центром, который создает устойчивость и упорядоченность структуры.

Список литературы

1. Каринкина Н.Н. Антонимия как понятийная категория и вопрос выражения противоположности в языке // Вестник Чувашского университета. Изд-во Чувашского государственного университета, 2004. № 1. С. 150-154.
2. Категории противоположность и противоречие. URL: <http://diamat.su/409.html> (дата обращения: 21.07.2015).
3. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учебник для юридических вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 1999. 256 с. с. 40-43.
4. Корюкина Е.С. Риторические возможности антонимов в современном русском языке: проблема системного описания: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 202 с.
5. Моисеева Е.М. Принципы выделения антонимических оппозиций // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета им Г.Р. Державина. №1-2, 2011. с. 297-304.
6. Противоположность // Философский словарь Спонвиля. URL: http://philosophy_sponville.academic.ru/1623/Противоположность (дата обращения: 21.07.2015).

7. Противоположности // Словарь по аналитической психологии. URL: http://analiticheskaya_psichologiya.academic.ru/179/ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ (дата обращения: 27.07.2015).
8. Противопоставление // Словарь лингвистических терминов. URL: http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_16.htm (дата обращения: 29.07.2015).
9. Словарь философских терминов под ред. проф. В.Г. Кузнецова. М., ИНФРА-М, 2007. 745 с.
10. Энциклопедия философии и социологии права под ред. Бачинина В.А. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2006. 1093 с.
11. Эстетика // Философский энциклопедический словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1432 (дата обращения: 25.07.2015).
12. Языковая оппозиция // Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/OPPOZITSIYA_YAZIKOVAYA.html (дата обращения 26.01.2015).
13. Ogden С.К. Opposition: a linguistic and psychological analysis. Bucharest: Contemporary Literature Press, 2013. 101 с.

ОБ ОДНОМ ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ РЕПЛИК-НАКЛЕЕК В ТРАНСПОРТЕ г. УФЫ)

Ярмухаметова Л.Ф.

соискатель, Российский исламский университет
Центрального духовного управления мусульман России, Россия, г. Уфа

В статье дается краткий исторический экскурс по теме и рассматривается речевое существование современного жителя г. Уфы Республики Башкортостан на примере реплик-наклеек на автомобилях, в общественном и коммерческом видах транспорта. Этот жанр квалифицируется как проявление скрытого диалога между водителем и окружающими – потенциальным пассажиром или горожанином, воспринимающим содержание подобных «обращений».

Ключевые слова: коллоквиалистика, лингвистика, речевой жанр, речевая жизнь.

В 1928 г. Б.А. Ларин, который первым в отечественной лингвистике выдвинул проблему комплексного изучения языка города, отмечал: «Мы запоздали с научной разработкой языкового быта города... да и нигде до сих пор она не производилась широко и систематически... Научная традиция в этой области еще не сложилась» [3, с. 175, 191]. Изучение «языка города» в то время не получило широкого распространения.

Начатое в 20-е годы лингвистическое изучение города снова привлекает внимание лингвистов в 60-е годы. В этот период наблюдается возрождение интереса к изучению социальной дифференциации языка, а также активно разрабатывается тема «Язык и общество». С конца 60 – начала 70-х гг. XX века развивается отрасль науки («коллоквиалистика»), которая занимается анализом городской литературной разговорной речи (ЛРР). В 80-е годы русисты обратились к изучению городской речи, отличающейся от ЛРР ря-

дом черт, – просторечию (Пр). Ученые-лингвисты рассматривают особенности функционирования ЛРР и Пр в условиях города, т.е. объектом исследования становится непосредственно устная разговорная речь города. В дальнейшем в научный оборот вводится термин «язык города» [4].

Следует отметить, что в последнее время «язык города» рассматривается как лингвокультурологическая проблема. К настоящему времени имеющий определенную традицию термин «язык города» точно задает объект исследования, но не является строгим с теоретической точки зрения. Специалисты по социолингвистике отмечают, что в русистике отсутствует общая категория, характеризующая совокупность языковых систем и подсистем национального языка, используемых теми или иными речевыми коллективами (в т.ч. и жителями городов) [4].

В последние годы языковой облик современного города привлекает внимание многих лингвистов. Речевая жизнь города находится в постоянном движении, на нее влияют изменения, происходящие в жизни горожан. Существуют многочисленные работы отечественных, а также региональных авторов, касающиеся этой проблематики. Отдельные положения урбанологии, коллоквиалистики (лингвистического градоведения), разработанные в трудах В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского, Б.А. Ларина, Е.Д. Поливанова, А.М. Селищева, Л.П. Якубинского, нашли продолжение в трудах Л.А. Вербицкой, Т.И. Ерофеевой, Е.А. Земской, Н.Г. Искужиной, Н.В. Исмагиловой, Л.А. Капаназе, М.В. Китайгородской, В.В. Колесова, К.П. Михалап, Н.А. Прокуровской, Н.Н. Розановой, Э.А. Салиховой, О.Б. Сиротининой, Л.А. Шкатовой, Т.В. Шмелевой, А.А. Юнаковской, Е.А. Яковлевой и др. [1, с. 6].

Одной из ситуаций языковой жизни города является городской транспорт. Транспортная ситуация в городе проявляется в различных устных и письменных речевых жанрах, например, диалоге между водителем и пассажиром, между пассажирами, пассажиром и кондуктором, текстах внутри транспорта, наклейки-слоганы, наклейки-реплики в салоне и на стеклах автомобиля и др.

Если сравнивать современный городской транспорт с тем, что было 10-15 лет назад, то очевидными представляются значительные изменения: многие горожане пересели на легковые автомобили, а некоторым удобнее передвигаться на маршрутном или легковом такси, чем на трамвае или троллейбусе. И цена вопроса не всегда имеет значение, главное – быстро добраться до места назначения.

Китайгородская М.В. и Розанова Н.Н. делят транспорт на «наземный», куда входят маршрутное такси, трамвай, троллейбус, автобус и «подземный» – метро [2, с. 279]. Город Уфа, в отличие от многих крупных российских городов, не имеет метро, поэтому речевая жизнь городского транспорта ограничена его наземными видами.

В рамках данной статьи обратимся к одному из новых, но достаточно широко распространенных малых речевых жанров – реплик-наклеек на стеклах автомобилей. На заднем стекле легкового автомобиля часто располагаются реплики-поздравления с Днем Победы (*Спасибо деду за победу!*, *Пом-*

ним...Гордимся!); реплики-обращения *Любимая, спасибо за сына (дочь)* украшают стекло автомобиля в знак благодарности и показывает статус водителя как молодого папы; реплики-призывы к цивилизованному взаимодействию на дороге, обращенные к другим водителям: *Не прижимайся! Мы не знакомы; Этот зад стоит денег*. Реплики-наклейки создают языковую игру, своеобразное шутовское поле с элементами эвфемизации, в которое вовлекаются не только непосредственные участники дорожного движения, но и случайные зрители [2, с. 111].

Довольно часто в данном речевом жанре используются знаки. Так, знак туфельки, означает, что за рулем – женщина, довольно часто такой знак воспринимается окружающими как предупреждение о том, что водитель неопытен. Новички-автолюбители предупреждают о своем статусе восклицательным знаком. Отдельно или рядом со знаком туфельки или восклицательным знаком можно встретить знак, или реплику *Ребенок в машине, Дети в машине*. Интересный знак, указывающий на то, что за рулем женщина – изображение ведьмы на метле. Некоторые реплики указывают на принадлежность к какому-либо сообществу или род занятий, например, знак ВДВ, знак Федерации Тхэквондо Республики Башкортостан, надпись *Powerlifter in car* (пауэрлифтер в машине) рядом с изображением эмблемы спортивного клуба, в котором занимается владелец авто.

Одна из особенностей региона – поликонфессиональность, большая часть населения республики исповедует ислам. Естественно, данный факт не мог не отразиться на речевой жизни города, и на транспорте в частности. На лобовом или заднем стекле автомобиля и маршрутного автобуса можно встретить надписи, выполненные арабской вязью или написанные на родном (башкирском или татарском) языке: *Аллах сакласын, Аллах һаҡлаһын* – Да убережет Аллах (Всевышний), *Бисмилляхир рахманир рахим* – во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного. Символьное обозначение полумесяца с луной также свидетельствует о религиозной принадлежности водителя. Другой особенностью региона является многонациональность, поэтому и надписи могут встречаться на нескольких языках: на конкретную этническую принадлежность указывают такие реплики-наклейки *Башкорт* или *Татарин*.

Исследование малого речевого жанра – реплик-наклеек – помогает обрисовать социальные, психологические «портреты» водителей, предоставляет лингвисту обширное поле для изучения специфики речевого поведения участников дорожного движения – жителей столицы.

Список литературы

1. Искужина Н.Г. Языковая ситуация в городах республики Башкортостан (социолингвистический аспект): дис. ... д-ра. филол. наук. Уфа, 2014. 392 с.
2. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина. На материале языка Москвы. М.: Языки славянской культуры, 2010. 528 с.
3. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города; К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 175-189.
4. Юнаковская А.А. Социальная дифференциация языка города (проблемы и перспективы). URL: http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/unakov.html (дата обращения 25.10.15 г.).

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННОМ ТИПЕ ВОЙСКА У ОСЕТИН

Багаев А.Б.

старший научный сотрудник отдела этнологии, канд. ист. наук,
ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований ВНЦ РАН и РСО-А, Россия, г. Владикавказ

Статья посвящена исследованию вопроса о традиционном типе войска у осетин с древнейших времен до начала XX века. Данное исследование показало, что на протяжении всей истории осетинского народа, традиционным типом войска у них являлась конница. Всадническая культура, отмеченная у осетин, своими корнями уходит в скифо-сармато-аланский мир.

Ключевые слова: осетинская конница, конный воин, скифская лошадь.

С древнейших времен до первой половины XX века конница была одним из распространенных типов войска. Первоначально конное войско появилось у кочевых племен евразийских степей. Позже она получила довольно широкое распространение и в других регионах мира. Выдающееся место среди конных народов занимали иранские племена евразийских степей. Они создали богатую всадническую культуру, оказавшую влияние на военное дело многих соседних народов.

По мнению ряда исследователей, конницу как тип войска первыми начали использовать киммерийцы и скифы. В основном они применяли тактику дистанционного боя с массовым использованием лука и стрел. Древнегреческий историк Геродот, оставивший основательное описание быта европейских скифов, отмечал, что «все они – конные стрелки из луков» [9, с. 34].

Описывая обычаи и образ жизни скифских племен, Псевдо-Гиппократ отмечает, что скифские мужчины много времени проводят верхом на лошадях [9, с. 29]. Такой образ жизни способствовал тому, что скифы превосходно чувствовали себя в седле. Четкое взаимодействие коня и всадника в положительную сторону отражалась и на качестве конного войска скифов. Высокие военные характеристики скифского войска, в значительной мере находились в зависимости от качества боевых верховых лошадей. Сведения Гая Плиния Секунда, о том «что скифская конница славится своими конями», позволяют говорить о высоких военных качествах скифской лошади [9, с. 34]. Способность их к военной выучке и преданность ее своему хозяину была феноменальной. Показательно в этом отношении сообщение Страбона о боевом коне одного скифского правителя. После того, как он погиб в единоборстве, победитель поединка приблизился к трупам поверженного, чтобы снять с него доспехи. Однако тут в дело вступил боевой конь скифа, который не только не подпустил врага к телу своего хозяина, но в отчаянной схватке лишил его жизни [9, с. 34].

Основную массу скифского войска составляли легковооруженные всадники. Это конное войско отличалось высокой подвижностью и маневренностью. Атаки ее были внезапными, и в случае неудачи она способна была к быстрому отступлению с поля боя. Сильные стороны конницы скифов были продемонстрированы ими во время походов на Ближний Восток. Перед ней не смогли устоять тяжелая пехота и колесницы хорошо организованных регулярных армий. Разгром персидских войск во время похода Дария на скифов так же подтвердил высокую репутацию скифской конницы.

Военные традиции скифов продолжили сарматы, которые в III в. до н. э. завоевали скифские земли. Сарматы обладали значительными контингентами конных войск. Так, по свидетельству Страбона, сиракский царь Абеак мог выставить 20 000 тысяч конных воинов, аорский царь Спадин – 200 000 тысяч, а верхние аорсы, господствовавшие над северным побережьем Каспийского моря, и того больше [9, с. 34]. Безусловно, к сведениям о большом количестве конницы у различных групп сарматских племенных союзов следует подходить критически, но то, что сарматы обладали значительными конными силами, не вызывает сомнений.

Римский историк К. Тацит, характеризуя сарматов, отмечает их поразительную несостоятельность в пешем бою и непобедимость в конной схватке. В отличие от скифов, сарматы дистанционному лучному бою предпочитали рукопашную схватку, с использованием длинных копий и всаднических мечей [9, с. 50]. Так, по свидетельству К. Тацита, в 35 г. н. э. в сражении с парфянами, славившимися своими конными лучниками, сарматы решили исход боя рукопашной схваткой, действуя копьями и мечами [9, с. 50].

Если у скифов только мужчины занимались верховой ездой, то у сарматов верховые воинские упражнения практиковали и женщины, особенно незамужние девушки. Они ездили верхом, стреляли из луков и метали дротики, сидя верхом на лошадях.

В I в. н. э. на исторической арене появились аланы. Многие авторы древности и средневековья свидетельствуют об особом отношении алан к лошади. Так, Аммиан Марцеллин отмечал, что из домашних животных, которыми владеют аланы, больше всего забот они уделяют своим лошадям [1, с. 71]. Другой античный автор Дионисий Периегет называет их отважным и многоконным народом [1, с. 134]. Эти сообщения являются свидетельством той огромной роли, которую в аланском быту играла лошадь.

Развитое коневодство позволяло средневековым аланам иметь значительное количество породистых верховых лошадей. В письменных источниках северокавказская Алания описывается как страна, в которой много «благородных коней» [5, с. 76].

Арабский автор первой половины X в. Масуди говорит о могуществе аланского царя и о его войске, состоящем из 30 000 всадников [9, с. 77]. Такое количество конницы свидетельствует о том, что в этот период, традиции использования конного войска у алан, не только сохранялись, но и развивались.

Мнение об аланах, как сильных конных воинах, сохранялось даже после монгольского нашествия. Аланская конница, по-прежнему, признавалась как лучшая на Востоке [1, с. 400].

После погрома, учиненного на Кавказе эмиром Тимуром, аланы – осетины, оказались запертыми в горных ущельях. Однако и в этих условиях они не утратили всаднических традиций ираноязычных племен евразийских степей. Они по-прежнему воюют главным образом в конном строю. Так, Н. К. Дубровин отмечает, что часто участвовавшие в войнах соседней Грузии осетины, всегда выступали верхом [9, с. 185].

Любопытное свидетельство об отношении к верховой езде мы обнаружили у К. Коха, который отметил, что у осетин ходить пешком разрешается только самым бедным людям, в то время как даже те, кто имеет хотя бы одну лошадь, даже самую маленькую поездку совершает только верхом [6, с. 234]. На наш взгляд, это свидетельство полностью перекликается с сообщением Аммиана Марцеллина о том, что аланы так сроднились с верховой ездой, что ходить пешком для мужчины считается позором [1, с. 72].

После вхождения Осетии в состав Российской империи осетины принимали участие во всех войнах, которые она вела. Осетинские всадники принимали активное участие в боях с турками во время Восточной войны 1853-1856 гг. При этом они продемонстрировали высокий уровень боевых качеств. Об этом свидетельствуют воспоминания участников этой войны. Так, по сообщению Н. Н. Муравьева, осетинская конная милиция, участвовавшая в штурме турецкого города Ардагана в 1855 году, «была замечательна по исправности своей и храбрости» [8, с. 55].

Интересный материал по рассматриваемой проблеме, сохранился в мемуарах российских офицеров и статьях военных корреспондентов времен русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Известный военный корреспондент В. К. Крестовский, отмечал, что осетинские добровольцы выразившие желание ехать на войну с турками в 1877 году отправлялись на театр военных действий на собственных лошадях, обмундированные и экипированные за свой счет [7, с. 28]. Он так же оставил интересные сведения об осетинских лошадях и способах их содержания. В его описании мы видим неприхотливых, в плане содержания и корма, лошадей. Они способны были находиться под открытым небом даже зимой и питаться подножным кормом, что, однако не снижало их рабочих качеств. В. К. Крестовский восхищался лошадьми осетин и считал их превосходными в плане боевого использования [7, с. 33].

Князь Л. В. Шаховской, свидетель действий осетинских всадников, с восхищением отмечал, что невзрачная на вид, осетинская конница навела панический страх на турецкую кавалерию с тех пор как появилась за Видом. Он отмечал, что после первых же стычек с черкесами и регулярной кавалерией, осетинская конница достигла того, что ни один турецкий всадник не осмеливался отъехать за версту в сторону Софийского шоссе. Интересно в плане осетино-сарматских параллелей в воинских традициях и свидетельство Л. В. Шаховского о предпочтении осетинами рукопашной схватки дистанци-

онному бою. Он писал, что осетины ружейную перестрелку считают ни к чему не ведущей забавой, а настоящим сражением признают только шашечную рубку [10, с. 85-86].

Превосходные качества осетинских конников отмечал так же полковник А. А. Берс. Описывая движение осетинского отряда к передовой линии, он сообщает, что осетины скакали на своих неказистых, но шустрых лошадях, привыкших на Кавказе карабкаться по скалам; их ничто не стесняло: ни канавы, ни овраги, ни кусты, ни камни [2, с. 40]. Сообщение А. А. Берса говорит о высоком уровне развития искусства верховой езды у осетин.

И. Тутолмин описывает сложный прием конного боя, практиковавшийся осетинами: «Свежие сотни наступали на наше левое крыло у Ловечи. В это мгновение осетины выполнили тот недостижимый для обыкновенной конницы прием, который относится к области отрядных мечтаний. Они, это олицетворение вдохновенных наездников, находясь в пыли опьяняющей погони, не теряют способности оставить полсотни для наблюдения за турками, идущими на Плевну, а с остальными внезапно бросаются во фланг и тыл черкесов. Тот, кто действительно служил в коннице, тот понимает трудности приема, выразившегося в осмысленной удали осетинского народа. Не успели еще черкесы развернуться, как осетины уже насели на них в шашки. Увлекаемые своими начальниками и старшинами, опрокинули черкесов и с обычным гиком бросились в погоню» [9, с. 304].

Генерал-майор А. В. Верещагин о всадниках осетинского конного дивизиона, писал: «какой все видный народ осетины, молодец к молодцу, точно на подбор! Весь дивизион состоял из охотников. Лошади их и оружие были гораздо богаче, чем у казаков... Ходят и ездят все они только в чевяках, так как, по их мнению, в чевяках и ноге легче, и ездить удобнее, нога в стремя не так скользит [3, с. 206-207].

Генерал-адъютант П. Д. Паренсов, в своих мемуарах говоря о всадниках осетинского конного дивизиона, называет осетин образцовым типом воинов, не теряющихся ни при какой обстановке [9, с. 301].

Отправляясь на войну, осетины возносили молитву, обращенную к Уастырджи – покровителю воинов, путников, и вообще всех мужчин, а также их лошадей. В молитве они просили, чтобы Уастырджи содействовал им и сберег как их, так и их лошадей в предстоящих сражениях [4, с. 24].

Таким образом, данные письменных источников свидетельствуют о том, что у осетин во все периоды их истории основным типом войска была конница. Не должно вызывать сомнения и то, что характерные для осетин традиции сражаться конным строем, своими корнями уходит в мир кочевых ираноязычных племен евразийских степей. На широких степных просторах в условиях кочевой жизни в межплеменных вооруженных столкновениях эффективен был только конный воин. Многовековой военный опыт способствовал появлению у ираноязычных кочевников древности особых методов подготовки воина-всадника. Со временем они стали неотъемлемой частью не только военной, но и всей их этнической культуры этих племен. От скифов, сарматов и алан вместе с многими элементами их культуры взгляд на конни-

цу, как на наиболее сильный, надежный и привычный тип войска унаследовали осетины. То, что осетины после ухода в горы не отказались от традиции воевать верхом, является свидетельством устойчивости всаднических традиций в их военном деле.

Список литературы

1. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608с.
2. Берс А. А. Воспоминания о походе в Турцию в 1877-1878гг. СПб.: Типография И. В. Леонтьева. 1913. 75 с.
3. Верещагин А. В. Дома и на войне. 1853 – 1881 гг. Воспоминания и рассказы. СПб.: Типография Н.А. Лебедева, 1886. 572 с.
4. Гайдуков В. М. О казаках, осетинах и дагестанцах. Рязань: Тип. Н. В. Любоумрова, 1914. 45 с.
5. История Анонимного повествователя Псевдо Шапух Багратуни. Ереван: Издательство АН Арм. ССР, 1971. 294 с.
6. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Сев.-Ос. кн. издательство, 1967. С. 222-274.
7. Крестовский В. К. Двенадцать месяцев в действующей армии 1877–1878. Т. II. СПб.: 1878. 233 с.
8. Муравьев Н.Н. Война на Кавказе в 1855году. Т.І. СПб., 1877. 235 с.
9. Хрестоматия по истории осетинского народа. Т.І. / Сост. М.П. Санакоев. Цхинвал: Ирыстон, 1993. 411 с.
10. Шаховской Л.В. С театра войны 1877-1878. Два похода за Балканы М: Университетская типография. 1878. 318 с.

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА Н.Я. БИЧУРИНА (О. ИАКИНФА)

Григорьев В.С.

профессор кафедры отечественной и всеобщей истории,
д-р ист. наук, профессор, Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, Россия, г. Чебоксары

Выдающийся российский востоковед, член-корреспондент Российской Академии наук по разряду литературы и древностей Востока Никита Яковлевич Бичурин (в монашестве отец Иакинф) отличался активной гражданской позицией, в петербургских литературных салонах имел репутацию талантливого ученого и литератора, страстного защитника самобытной культуры азиатских народов. На творчество Н. Я. Бичурина заметное влияние оказала искренняя дружба с выдающимися литераторами своего времени: А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, И. А. Крыловым, В. Ф. Одоевским и др. [5, с. 133]. Его печатные издания не только раскрывали тайны истории и культуры народов Евразии, но и давали ответы на злобу дня, были рассчитаны на широкий круг читателей, представляли собой прекрасные уроки познания мира [4].

Ключевые слова: социальная ответственность писателя, история и культура народов Евразии, критика западных ориенталистов.

В числе 200 опубликованных произведений основоположника русского научного китаеведения Н. Я. Бичурина важное место занимают десятки

творческих работ общественно-литературного характера. По нашим подсчетам, при жизни Бичурина его статьи были опубликованы в 50 номерах (выпусках, томах) российских журналов и газет 20 наименований [5]. Первой научно-публицистической работой Н. Я. Бичурина стал очерк «Описание бунта, бывшего в Китае в 1813 г.». Он был написан осенью 1814 г. по свежим следам событий и напечатан 17 мая 1819 г. в популярном среди передовой российской интеллигенции издании «Дух журналов» [1]. По представлению ученого, организаторы бунта – поклонники «учения белого Ненгофора» пытались вернуть на престол представителей династии Мин, свергнутой в 1644 г. Вопреки официозному мнению о «ненгофорцах» как о мятежниках, сами себя они называли настоящими китайцами, «патриотами, а повелителей Китая – монголами и коварными хищниками престола» [Там же]. Описывая политическое позиционирование ненгофорцев, Н. Я. Бичурин сравнивал правившую в тот период в Китае Цинскую династию с польскими интервентами, захватившими в 1610 г. Москву и удерживавшими русский престол до ноября 1612 г. Публицистический характер и научную достоверность в указанном очерке усиливает то, что Бичурин приложил к нему текст Манифеста китайского императора по поводу Крестьянского восстания 1913 г. (в собственном переводе с китайского на русский язык). Помимо упоминания мер по ликвидации мятежа, в Манифесте императора изложены непреложные истины: «Предпочитать всему собственность, а дела государственные ставить за маловажное – есть совершенная безрассудность»; «Во-первых поставьте общее, а потом частность» и т.д.

Высокая гражданственность, социальная ответственность за печатное слово и научные положения отчетливо проявились и в другой бичуринской статье – «Ответы на вопросы, которые г. Вирст предложил г. Крузенштерну относительно Китая», опубликованной в 1827 г. в петербургском журнале «Северный архив» [2]. В статье опровергался ряд положений, изложенных в книге И. Ф. Крузенштерна, который в 1803-1806 гг. в звании капитан-лейтенанта совершил первое русское кругосветное путешествие через южные моря с заходом в южнокитайский город Кантон. Накануне отправления в Китай Крузенштерн получил от своего друга, известного исследователя российской и мировой экономики, статского советника Ф. Х. Вирста вопросник по изучению внутреннего положения Китая. По возвращении из плавания Крузенштерн опубликовал свои ответы в XI главе книги «Путешествие вокруг света» [6]. К этому времени Крузенштерн уже был избран членом Российской Академии наук, затем получил воинское звание адмирала. Вирст стал почетным членом Российской Академии наук. Однако с той высоты научных достижений по исследованию Китая, которые представлял в начале XIX в. Н. Я. Бичурин, ответы Крузенштерна оказались неудовлетворительными. Бичурин в ответах на все 27 вопросов представил более точную, полную, научно выверенную и аргументированную информацию. Пояснения и дополнения ученого-востоковеда к ответам Крузенштерна оказались настолько важными, что журнальная статья в том же 1827 г. была перепечатана отдельной брошюрой в типографии «Императорского воспитательного дома» [3].

В период опубликования данного интервью и издания бичуринской статьи по этому поводу Россия переживала вызревание ростков новых, капиталистических форм экономического жизнеустройства и очень нуждалась в объективной информации, достоверных обобщениях по анализу экономики и социокультурных процессов в зарубежных странах, в том числе Китае. Интервью начинается с вопроса о ссудных процентах и формах поручительства, залога и доверенности к заемщику капитала. Крузенштерн на этот вопрос привел лишь краткий ответ, да и то лишь по одному городу, где ему довелось побывать: «В Кантоне платят по 12 и по 18-ти процентов, судя по обстоятельствам и благонадежности заимодавца» [6, гл. XI]. Бичурину удалось дать развернутый ответ с адекватным отражением состояния дел по стране и с уточнением размеров ссудных процентов и т. д. Востоковед опроверг отрицательный ответ Крузенштерна на второй вопрос Вирста о существовании рабства или временного подданства в Китае («Не существует. Китаец рождается свободным...»). Бичурин, наоборот, заявляет о существовании рабства, разрешенного даже государственными узаконениями, и подчеркивает, что это касается именно китайцев, а не монголов и маньчжуров. [3, с. 8–9]. Более обширные, точные и глубокие познания Бичурина проявились и в ответе на вопрос: «Есть ли в Китае великие богачи из частных людей? Владеют ли они обширными поместьями, или имение их, яко торгующих, состоит в богатствах?». В данном случае Крузенштерн представляет дело таким образом, будто богатейшими людьми в Китае являются «обыкновенно торгующие, а наипаче некоторые из содержателей соляного откупа», и далее дает описание исключительных прав торговцев солью не только в купеческом промысле, но и в содержании и использовании вооруженных лодок, возможности устраивать внезапные обыски в любом доме, «если подозревают, что хозяин имеет соль, которая не у них куплена» [6, гл. XI]. Бичурин же среди богатейших людей Поднебесной в первую очередь обращает внимание на чиновников. В то же время он утверждает, что в количественном отношении торговые люди составляют большую часть богатого слоя китайского общества, и отмечает: «В Китае много больших богачей, а число средственных капиталистов очень велико» [3, с. 11]. Крузенштерн, по сути, уклонился от пояснений по второй части данного вопроса, заявив лишь, что «владельцев обширными поместьями, сказывали, в Китае совсем не имеется» [6, гл. XI]. Н. Я. Бичурину удалось внести значительную поправку в ответе. Он подчеркивает, что в Китае почти все земли принадлежат собственникам, которые считают наиболее выгодными вложения именно в земли, поскольку этот капитал не только приносит надежные доходы, но и «не подвержен никаким не предвидимым опасностям...» [3, с. 11]. Впоследствии Н. Я. Бичурин написал большое число статей и крупных произведений по земельному вопросу в Китае. В интервью Вирста и Крузенштерна некоторые элементы быта рядовых китайцев незаслуженно расценивались как исконные, неотъемлемые этнографические обычаи и национальные особенности китайского народа, хотя многие пороки в обществе были порождены социально-классовыми отношениями в конкретных обстоятельствах колониальной экспансии западных держав на азиатском Востоке. В укор любителям

«развенчивать» высоконравственную душу китайского народа Бичурин подчеркивает: «...действия, к которым понуждает необходимость или крайность, не должно почитать общим обыкновением или нравственным правилом. Самый бедный китаец не унижится до сбора милостыни по улицам... надобно отдать полную справедливость трезвости, воздержанию, деятельности, особенно же трудолюбию и терпеливости китайцев» [Там же, с. 48-50]. Бичурин считал, что источником неточных ответов И. Крузенштерна на вопросы Ф. Вирста является некритическое использование публикаций западных востоковедов, предвзято относившихся к самобытной культуре Китая и других азиатских стран, пользовавшихся недостоверными сведениями, слухами и домыслами торговцев и европейских путешественников.

Таким образом, уже в первых своих публикациях Н. Я. Бичурин совершает значительный прорыв в сборе объективных сведений о Китае и подлинно научном обобщении материалов о его истории, культуре и современном экономическом состоянии. Публицистические статьи Бичурина, как и научные монографии и сборники материалов, становились неотъемлемой частью культуры, духовно-информационного пространства России.

Список литературы

1. Бичурин Н. Я. Описание бунта, бывшего в Китае в 1813 г. // Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах, по части истории политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч. 1819. Кн. 10. С. 87–118.

2. Бичурин Н. Я. Ответы на вопросы, которые г. Вирст предложил г. Крузенштерну относительно Китая // Северный архив. 1827. Ч. 29. № XIX. С. 220–238; № XX. С. 307–328; Ч. 30. № XXI. С. 45–67.

3. Бичурин Н. Я. Ответы на вопросы, которые г. Вирст предложил г. Крузенштерну относительно Китая. СПб.: Типография Императорского Воспитательного Дома, 1827. 59 с.

4. Григорьев В. С. Педагогическая деятельность академика-синолога Н. Я. Бичурина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12. С. 65–68.

5. Денисов П. В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2007. 335 с.

6. Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах [Электронный ресурс]: в 2 ч. СПб.: Морская Типография, 1809. Ч. 1. URL: http://royallib.com/read/kruzenshtern_ivan/puteshestvie_vokrug_sveta.html#2109440 (дата обращения: 09.09.2015).

УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ОСВОЕНИИ, ЗАЩИТЕ И РАЗВИТИИ КРЫМА В XIX-XXI ВВ.

Григорьев В.С.

профессор кафедры отечественной и всеобщей истории,
д-р ист. наук, профессор, Чувашский государственный педагогический
университет имени И.Я. Яковлева, Россия, г. Чебоксары

В геополитическом и экономическом освоении Крымского полуострова принимали действенное участие еще предки чувашей – тюркоязычные племена болгарского круга,

входившие в состав Гуннской империи и Великой Болгарии раннего Средневековья [1]. После мирного вхождения в состав России чувашского этноса – наследника Волжской Болгарии – представители края включались в военные походы против крымского хана, за освобождение Крыма от османского владычества. В многотрудной обороне и освобождении российского Крыма, современном его возрождении немалая роль принадлежит тысячам этнических чувашей и выходцам из Чувашского края.

Ключевые слова: Крымская война, Великая Отечественная война, наука и экономика Крыма, Черноморский флот, крымские здравницы, чувашская культура.

В составе Русской армии многие уроженцы Чувашского края приняли участие и отличились в Крымской войне 1853–1856 гг. Около 10 воинов, рекрутированных из чувашских деревень, были удостоены серебряных медалей «За защиту Севастополя», столько же – светло-бронзовых медалей «В память Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.» на ленте ордена Святого Георгия и т. д. Филипп Ильин из чувашской деревни Янорсово (ныне Цивильского района) был награжден знаком отличия ордена Святого Георгия IV степени за подвиг, проявленный при героической обороне Севастополя. По свидетельству академика-кораблестроителя А.Н. Крылова, его отец, Николай Александрович – владелец поместья в сельце Висяга Алатырского уезда (ныне село Крылово Алатырского района в Чувашии), «с началом Крымской войны был вновь призван на военную службу и определен во вторую легкую батарею 13-й артиллерийской бригады, на вакансию, оставшуюся свободной после Л. Н. Толстого, переведенного в другую бригаду» [3, с. 51].

Воинской доблестью, проявленной в сражениях за Крым, отличились многие чувашаи и в советский период истории. В небе над Севастополем начались для летчика Ефимова Мирона Ефимовича, уроженца деревни Самушкино Аликовского района Чувашии, первые бои Великой Отечественной войны. По окончании военного училища местом службы он сам выбрал авиационную часть Черноморского флота. В числе первых объектов фашистских бомбардировок рано утром 22 июня 1941 г. оказался г. Севастополь, и лейтенант М. Е. Ефимов в первые же дни войны совершил боевой вылет, вскоре сбил первый «мессершмит», и его перевели в штурмовой истребительный авиаполк в эскадрилью Героя Советского Союза А. А. Губрия. В мае 1942 г. и сам он стал командиром эскадрильи 18-го авиаполка Черноморского флота. В первый же месяц обороны Севастополя его эскадрилья удалось уничтожить около 100 вражеских самолетов, из них 78 – на аэродромах, не дав им подняться в воздух. К началу июня 1942 г. лично М. Е. Ефимовым на подступах к Севастополю было совершено 112 боевых вылетов, из которых 78 – со штурмовкой фашистских самолетов и боевых колонн [5, с. 59]. За бесстрашие, отвагу, отличное владение боевой техникой и результативные воздушные бои при обороне Севастополя – главной военно-морской базы Черноморского флота 14 июня 1942 года старшему лейтенанту М. Е. Ефимову было присвоено звание Героя Советского Союза [5, с. 60]. При защите Керченского пролива и кубанских просторов молодой герой был награжден орденом Отечественной войны I степени за мужество, высокое боевое ма-

стерство и умелое командование эскадрилей. Назначенный на должность командира 8-го гвардейского авиационного полка в апреле 1943 г., Мирон Ефимов героически сражался за освобождение Новороссийска и Северного Кавказа. Окончив Высшие офицерские курсы Военно-воздушных сил в 1944 г., стал старшим инспектором авиации Военно-морского флота СССР, выезжал на фронтовые линии под Ленинградом, в Прибалтике, Польше, на северных и дальневосточных рубежах Родины.

Другой уроженец Чувашии, летчик-истребитель Кочетов Александр Васильевич участвовал в воздушных боях, прикрывая переправы на Сиваше и штурм Сапун-горы. Освобождение Крыма от фашистов совпало для А. В. Кочетова с присвоением ему звания Героя Советского Союза (14 апреля 1944 г.) [5, с. 230–233]. Именем защитницы Крыма – Яковлевой Зои Титовны названа улица на ее малой родине, в столице Чувашской Республики г. Чебоксары. С 1938 г. она трудилась актрисой в Крымском областном драматическом театре им. А. М. Горького (г. Симферополь), а в период фашистской оккупации стала участницей крымского подполья. В составе симферопольской подпольной антифашистской группы «Сокол» собирала разведывательные данные о вражеских военных объектах, распространяла среди крымчан правдивую информацию об успешных боевых операциях советских войск на фронте, спасала молодежь от угона в гитлеровскую Германию, продолжала играть в театре под сценическим псевдонимом «Павловна». Однако была схвачена и 10 апреля 1944 г., за три дня до освобождения Симферополя, Зоя Яковлева в числе восьми подпольщиков – артистов, работников театра была казнена фашистами. З. Т. Яковлева похоронена в братской могиле в Дубках под г. Симферополь [4].

В 1946–1948 гг. на «невидимом фронте» в Крыму служил Марсельский Георгий Семёнович из чувашской деревни Вурманкасы Чебоксарского района. Имея большой военно-послужной список, свидетельствующий об окончании в 1917 г. школы прапорщиков, о работе в качестве учителя церковно-приходской школы, секретаря сельского и волостного советов в Чувашии, оперативного работника Чувашской областной чрезвычайной комиссии и начальника областного отдела Главного политического управления, он был назначен начальником управления Министерства государственной безопасности по Крымской области. После увольнения в запас в 1948 г. до 19 ноября 1972 г. жил в г. Ялта, принимал активное участие в общественной работе и военно-патриотическом воспитании молодежи.

Говоря о воинской и гражданской доблести, проявленной чувашами в Крыму, следует помнить и о заслугах тысяч рядовых чувашских солдат, матросов, партизан, которым не установлены персональные памятники, но они внесли неоценимый вклад в защиту и сохранение территориальной целостности и независимости Родины. Например, 25 февраля 1920 г. Пятый конный полк Южного фронта, сформированный в г. Алатырь на основе мобилизации мужчин – русских, чувашей, мордвы из близлежащих уездов, совершил беспримерный в истории кавалерии переход к Крымскому полуострову по льду Сиваша, за что приказом Реввоенсовета РСФСР был награждён Почётным

Красным Знаменем. В ноябре 1920 г. в боях на подступах к Крыму при штурме неприятельских фортов Турецкого вала под Перекопом погиб Прохор Иванович Иванов, взятый на фронт из деревни Илгышево Чувашской автономной области. Как и сотни других воинов, он участвовал в форсировании замерзающего илисто-ледяного Сиваша, но был сражен пулей противника. Тело чувашского парня вместе с его гармошкой было обнаружено в 1935 г. в обмелевшем соленом Сиваше, сохранившем его в нетленном виде, и торжественно предано земле в крымском поселке Армянск, благодарные жители которого назвали одну из улиц именем Прохора Иванова. О патриоте великой России П. И. Иванове сложены песни, написаны книги на чувашском языке; видный советский поэт Демьян Бедный создал поэму в стиле актуализированного эпоса «Красноармеец Иванов», с пафосно-личным обращением к вечно живому герою:

«Ты – неизвестный – стал известным,
Убитый – снова стал живым,
Живым примером повсеместным,
Несокрушимо-стойким, честным,
Героем нашим боевым...» [2].

Воинские традиции земляков-победителей продолжают в новых условиях высококвалифицированные, интеллектуально-креативные специалисты, воспитанные на примерах героев славной истории, неотъемлемой частью которой является и судьба чувашского народа. Один из уроженцев Чувашии, прочно связавших свою жизнь с Крымом, – Александров Иван Феокистович из поселка Коминтерн Шумерлинского района, был призван на срочную службу на Черноморский флот, в 1968 г. окончил Черноморское высшее военно-морское училище имени П. С. Нахимова, в последующие годы – Военно-морскую академию, Крымский институт экономики и хозяйственного права и продолжает достойно трудиться во благо любимой Родины. По окончании военно-морского училища в Севастополе был назначен командиром группы, затем командиром ракетно-артиллерийской боевой части; в 1972–1975 гг. служил старшим помощником командира противолодочного корабля «Решительный», еще три года – командиром сторожевого корабля «Деятельный». В условиях крайнего обострения международной обстановки, в начале 80-х гг. трудился начальником штаба бригады, в 1983–1987 гг. – командиром 53-й бригады надводных кораблей. Людям мирных профессий сложно даже представить социально-психологический настрой честного офицера старшего чина, в том числе капитана I ранга И. Ф. Александрова, занимавшего в 1987–1996 гг. пост заместителя, начальника организационно-мобилизационного управления штаба Черноморского флота, при виде безответственных действий руководства страны, разрушающего государство своими некомпетентными действиями. В настоящее время ученый-юрист Иван Феокистович Александров является профессором Академии военных наук, участвует в проведении фундаментальных и прикладных исследований по проблемам обороны страны.

Во всенародный подвиг по подъему и переводу экономики советского Крыма на путь интенсивного развития, в дело обогащения и облагораживания культурно-духовной жизни крымчан, улучшение деятельности системы здравоохранения на полуострове посильный вклад вносили и чувашки, выходцы из Чувашской республики. Так, уже в 1944 г. в рамках оказания помощи освобожденным районам СССР, для организации работ по восстановлению и строительству дорог в Крыму сюда из Чувашии был направлен Ваганов Фёдор Максимович. Он родился в 1908 г. в селе Барышская Слобода Алатырского уезда Симбирской губернии, в 1935 г. окончил Ленинградский автомобильно-дорожный институт; в Крым выехал с должности начальника Дорожного управления при Совете народных комиссаров Чувашской АССР. Работал на аналогичном посту в Дорожном управлении Крымской области. Опыт работы в Чувашии и Крыму стал для него, заслуженного строителя России, опорой в дальнейшей управленческой деятельности на высоких должностях в Новгороде, Литве, Чебоксарах. Единый народнохозяйственный комплекс и образовательная система в Советском Союзе позволяли эффективно организовать обмен рабочими массовых профессий, кадрами специалистов из разных регионов страны. Материально-финансовая поддержка советского государства участникам трудовой миграции положительно сказывалась на избыточной трудовыми ресурсами Чувашской республике, отличавшейся очень высокой плотностью населения. В то же время республика была привлекательным «материнским» центром для чувашских диаспор – чувашей, компактно проживавших в других регионах великой родины. В числе многих молодых людей, получивших трудовую закалку в Крыму, – Аксаков Анатолий Геннадьевич, выросший в чувашской диаспоре в Башкирской АССР, поступивший на работу в качестве слесаря в совхоз «Магарач» Крымской области по окончании средней школы в 1975 г. Полученные в Крыму первые навыки организации своей трудовой деятельности помогли ему впоследствии окончить Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова и аспирантуру, стать кандидатом наук, заместителем директора института в Чувашском государственном университете, а затем – министром экономики, заместителем председателя Кабинета министров Чувашской Республики, депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а с 2006 г. – еще и президентом Ассоциации региональных банков России.

Во всестороннем научном исследовании и освоении природных ресурсов Крыма, повышении их роли в социально-гуманитарном, экономическом развитии полуострова принимали активное участие выходцы из Чувашского края и представители трудолюбивого чувашского народа. Уроженец чувашского города Ядрин, двадцатилетний Николай Алексеевич Головкинский со студенческой скамьи медицинского факультета Казанского университета добровольно ушел на Крымскую войну 1853–1856 гг. После войны окончил университет, в 1868 защитил докторскую диссертацию по геологии и, проработав восемнадцать лет в Новороссийском университете (Одесса) в качестве профессора, ректора. Переехал в Крым, проводил приоритетные гидрогеоло-

гические исследования. Впервые в мировой науке определил роль колебательных движений при накоплении осадков; обогатил отечественную науку понятием фации в геологии и представлением о геологическом горизонте. Полезными не только для теоретической науки, но и для практического применения оказались его оригинальные положения о происхождении и режиме подземных вод Крыма [9]. Ученый-почвовед, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Иванов Василий Николаевич из чувашской диаспоры (с. Кош-Елга, ныне Бижбулякского района Республики Башкортостан) с 1950 г. до конца жизни трудился в Крымском сельскохозяйственном институте. Другой дипломированный ученый – уроженец Чувашского края Кондратьев Гаврил Григорьевич в 1946–1954 гг. участвовал в послевоенном восстановлении и развитии Крыма в качестве декана, затем директора Крымского медицинского института. Подготовленные в институте специалисты трудились в больницах, санаториях, курортах, знаменитых здравницах Крыма. Ставший еще до Великой Отечественной войны доктором медицинских наук, Гаврил Григорьевич являлся крупным специалистом по лечению от стафилококковой инфекции, псориаза, дерматозов и т. д. Награжден, орденом Отечественной войны, орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

Интеграция научных достижений и производства в Крыму стала предметом заботы ученого, инженера Чихоткина Виктора Фёдоровича, уроженца г. Алатырь Чувашской Республики, окончившего в 1988 г. Казахский политехнический институт. В 1994–1995 гг. он работал генеральным директором Крымского завода промышленных инструментов, с 1997 г. – председатель правления этого специализированного предприятия по изготовлению алмазного, алмазно-правящего инструмента на основе природных и синтетических алмазов для металлообрабатывающей и других отраслей промышленности. Научные разработки доктора технических наук, главного научного сотрудника Южного научного центра Российской Академии наук профессора В. Ф. Чихоткина нацелены на разработку инновационных методов увеличения нефтеотдачи пластов, актуализация научных основ процесса алмазного бурения, дальнейшее повышение эффективности алмазного породоразрушающего инструмента.

Крым занимает знаменательное место в творчестве деятелей чувашской литературы, культуры и искусства. Крымский период творческой жизни выдающегося чувашского поэта, пламенного трибуна национального возрождения чувашского народа Михаила Сеспеля (Кузьмина Михаила Кузьмича) ознаменовался достижением своей вершины в лирической цветосимволике. Символы в стихотворениях Сеспеля, отмечал народный поэт Чувашии Петр Хузангай, напоминают мир образов украинского поэта Павло Тычины. Пребывая в Крыму на лечении в июне – августе 1921 г., Михаил Сеспель создал шесть замечательных произведений. В стихотворении «Пашня Нового Дня», написанном в июле 1921 г., ощущается стремление поэта вдохнуть в сородичей исторический оптимизм, воодушевление идеей всепобеждающей дружбы народов, в чем неимоверно нуждалось в том году всё голодающее Поволжье. Литературные критики причисляют к золотому фонду сокровищницы миро-

вой поэзии стихотворение «Мёрю», написанное Сеспелем, созерцавшим шторм в Евпатории 12 июля. Стиховая и образно-метафорическая системы произведения, подчеркивает литературовед профессор В. Г. Родионов, «позволяют ощутить слияние внутреннего состояния героя с соответствующим явлением природы – штормом» [7, с. 384]. Книги выдающегося чувашского поэта изданы во многих странах, а созданное в Крыму стихотворение «Пашня Нового Дня» – на 55 языках мира. Для сохранения творческого наследия Михаила Сеспеля, трагически погибшего в 1922 г. в украинском Остёре, много сил вложил его друг по крымскому периоду творческой деятельности Федор Покрышень. Известные деятели Павло Тычина, Максим Рыльский, Андрей Малышко, Николай Бажан, Иван Драч оставили свои воспоминания о выдающемся чувашском поэте; Борис Степанюк написал поэму “Диалог Сеспеля с Украиной”. Видный украинский писатель Юрий Збанацкий издал роман “Сеспель”; по его же сценарию Киевской киностудией им. А. П. Довженко в 1970 г. создан фильм “Сеспель”.

Многие крымчане-читатели в недавнем прошлом, несомненно, знали редактора художественной литературы «Крымиздата», ответственного секретаря и редактора альманаха «Крым» Лисина Александра Андреевича. Он родился в селе Кудеиха Алатырского уезда (ныне Порецкого района Чувашии). Участвуя в Великой Отечественной войне, публиковался во фронтовых газетах. После войны окончил Литературный институт им. М. Горького, стал известным в Крыму поэтом под литературным псевдонимом «Лесин», написал поэму «Ровеснику за океаном», издал более 10 книг и сборников стихов в Симферополе, Москве, Киеве. В обстановке насаждения агрессивного национализма в современной Украине особо важное значение имеет перевод севастопольской учительницей Смирновой Мариной Григорьевной с чувашского на украинский язык «Духовного завещания» патриарха просвещения народов Поволжья, основателя Симбирской чувашской учительской школы Ивана Яковлевича Яковлева, который призывал: «Будьте дружны между собой... Читайте и любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли...» [12, с. 14–16], [8, с. 22]. Набатов к толерантности, мирному созидательному взаимодействию являются завет И. Я. Яковлева в переводе М. В. Смирновой: «Вірте в Росію, любіте її, і вона буде вам матір'ю» [8, с. 22].

История внутривосточной интеграции, взаимодействия и дружбы народов Чувашии и Крыма запечатлела не только вклад чувашей и их предков в освоение и развитие черноморской жемчужины, но и роль средневожской республики в развитии талантов крымчан. Об этом свидетельствует, например, судьба мастера спорта СССР международного класса по судомодельному спорту Геронтьева Виталия Владимировича. Он является уроженцем села Кормовое Первомайского района Крымской области Украины [11, с. 411]. Переехав с семьей в Чебоксары, окончил здесь профессионально-техническое училище № 1, занимался в Чебоксарской морской школе ДОСААФ. Увлёкся судомодельным спортом, в 1986 г. установил рекорды Российской федеративной республики и Союза ССР в своем виде спорта,

дважды становился чемпионом Советского Союза, шесть раз – чемпионом России; выигрывал призы трех всероссийских чемпионатов по судомодельному спорту. 54-летний В. В. Геронтьев в 2011 г. стал обладателем Кубка Российской Федерации в состязании гоночных радиоуправляемых моделей с двигателем внутреннего сгорания. В современных условиях он старается возродить в Чебоксарах организации детского судомодельного творчества, увлечь молодежь миром техники и здоровым образом жизни. Опыт адаптации крымчанина В. В. Геронтьева на Чувашской земле может ныне многократно повториться в силу крайнего осложнения социально-политического положения на Юго-Востоке Украины и прибытием в наш край сотен беженцев с Донбасса и Луганщины, разрушенных профашистскими силами в 2014-2015 гг.

В предотвращении аналогичных катастрофических событий на Крымском полуострове и отрицательного их влияния на общественно-психологическую обстановку в России имеется определенная лепта и чувашей, проживающих сегодня в Крыму. Они стали крымчанами в условиях существования мирной единой советской страны, но по недомыслию высших государственных деятелей в одночасье 8 декабря 1991г. оказались гражданами другого государства, политиканы которого считает их, как и всех русскоязычных украинцев, людьми «низшего сорта». В Крыму сейчас проживают более 2,5 тыс. уроженцев Чувашского края. Активная гражданская позиция чувашей-крымчан подвигла их к объединению, созданию в 2003 г. Севастопольского чувашского национально-культурного общества, затем – Чувашского национально-культурного общества Крыма. Основатель национальной организации в Севастополе – Степанов Геннадий Александрович прослужил на Черноморском флоте 15 лет, теперь офицер запаса. Он уроженец деревни Изедеркино Моргаушского района Чувашии, продолжил добрую стезю своего деда, А.И. Белова, который в годы Великой Отечественной войны участвовал в боях за Севастополь [6]. Севастопольское чувашское национально-культурное общество объединяет более 600 чувашей города военно-морской славы России. Из тридцати объединившихся в крымскую Ассоциацию национальных обществ, чувашское, наравне с греческим и болгарским обществами, числится в ряду наиболее активных и ярких. Чувашскую организацию деятельно поддерживают земляки, проживающие в Крыму компактно, принимающие участие в культурных, просветительских мероприятиях. Так, в поселке Сахарная Головка под Севастополем проживает около 90 чувашей, в т. ч. прибывших после Великой Отечественной войны на восстановление военно-морской базы в Крыму и посвятившие свою жизнь новой малой родине и воспитанию своих детей – нового поколения севастопольцев. Именно они, ветераны войны и труда, инициировали объединение земляков в Крыму и всемерно содействуют молодым организаторам чувашского общества в укреплении деловых связей с производственными предприятиями и культурно-образовательными учреждениями далекой, но родной республики. В Чувашии с восторгом встретили известие о подготовке референдума по вопросу о самоопределении Автономной Республики Крым. Ветеранские, профсоюз-

ные, молодежные и женские организации Чувашии, деятели культуры, ученые и другие неравнодушные граждане 15 марта 2014 г. организовали митинг солидарности с Крымом. На Красную площадь г. Чебоксарах собрались и приняли участие в митинге около 10 тыс. человек, что стало хорошей моральной поддержкой крымчан накануне референдума и активизировало в республике работу по сбору средств на оказание помощи Крыму. Делами подтверждая свою поддержку итогам референдума крымчан от 16 марта 2014 г. о воссоединении Крыма с Россией, жители республики развернули сбор гуманитарной помощи крымским домам-интернатам. Подводя итоги этой акции, заместитель министра социальной политики Республики Крым Ирина Кручек особо подчеркнула существенный вклад Чувашии в отправку на полуостров из России почти 40 тонн самых необходимых вещей, благодаря чему «социальные учреждения полуострова получили в достаточном количестве продукты, лекарства и медицинские инструменты» [10]. Экономическое сотрудничество, гуманитарное взаимодействие и художественно-культурное общение земляков трех субъектов Российской Федерации – Чувашии, Крыма и Севастополя продолжается и обещает значительное нарастание уровня национального самосознания чувашей и интеграции в составе России, увеличение общего вклада в созидательный потенциал во благо развития страны, её цивилизационных ценностей.

Список литературы

1. Григорьев В.С. Исторический дискурс в контексте международного туристического маршрута «Великий волжский путь // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. №11. Ч. 2. С.53–55.
2. Демьян Бедный: заметная фигура // <http://www.demyan-bedniy.ru/index.html>
3. Крылов А.Н. Мои воспоминания. СПб.: Политехника, 2003. 510 с.
4. Крымский академический русский драматический театр имени М. Горького [Электронный ресурс]. URL : // <http://www.russian-theatre.crimea.edu/content/history.htm>
5. Наши земляки – Герои Советского Союза. 3 изд., испр. и доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1980. 512 с.
6. Официальный портал органов власти Чувашской Республики. [Электронный ресурс]. URL : http://gov.cap.ru/info.aspx?gov_id=49&id=2647216
7. Родионов, В.Г. Чувашская литература (1917–1930-е годы) : учебное пособие. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 430 с.
8. Смирнов В. А. С любовью к России: «Завещание чувашскому народу» И. Я. Яковлева на языках народов мира. М.: Купина, 2014. 96 с.
9. Фация в геологии [Электронный ресурс]. URL : // <http://bse.scilib.com/article115463.html>
10. Чувашия отличилась при оказании помощи Крыму // Правда ПФО от 3 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://pravdapfo.ru/news/chuvashiya-otlichilas-pri-okazanii-pomoshchi-krymu>
11. Чувашская энциклопедия. В 4 т. Т. 1 / гл. ред. В. С. Григорьев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. – 390 с.
12. Яковлев И. Я. Духовное завещание чувашскому народу. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1992. 32 с.

ЭВОЛЮЦИЯ СТЕПНЫХ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ОТ ВЕЛИКОЙ БОЛГАРИИ ДО КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Григорьев В.С.

профессор кафедры отечественной и всеобщей истории,
д-р ист. наук, профессор, Чувашский государственный педагогический уни-
верситет имени И.Я. Яковлева, Россия, г. Чебоксары

Южнорусские степи, включая часть Крыма, и Среднее Поволжье в эпоху Средневековья являлись местом первых исторических опытов предков чувашей (болгар и других огуриязычных племен) по созданию своих государственных образований. Предки чувашей прибыли в Крым из Центральной Азии через Нижнее Поволжье, Предкавказье и Приазовье в IV в. н.э., впоследствии, в VII в. начали переселяться в Среднее Поволжье, в конце IX в. создали здесь государство Волжская Болгария. В результате нашествия монголо-татарских кочевников болгаро-чуваши были включены в состав Золотой орды, в 1445 г. – в Казанское ханство.

Ключевые слова: Великая Болгария, Крым, болгары, сувары, Хазарский каганат, чуваши и народы Золотой орды и Казанского ханства.

Огуро-тюркоязычный суперэтнос, распространившийся в первой половине I тыс. новой эры в северо-западном Прикаспии, Предкавказье, Северном Причерноморье, Приазовье и Крыму, состоял из десятков племен и племенных объединений, в названии которых присутствует этноним «огур»: оногур (< on oγur «десять огурских родов»), болгар (< βούλ ογur «великие огуры»), сарагур (< saγur ογur «желтые огуры»), утригур – утурогур (< utur ογur «тридцать огурских родов»), кутригур – токурогур («девять огурских родов»), гуннугундур, акацир, сабир (савир, сувар) и т. д. [6]. Именно огуриязычные племена болгар рода Дулу проявили себя впоследствии как основатели Первого Болгарского царства (на Дунае, 681–1018 гг.) и государства Волжско-Камская Болгария (895–1236 гг.). Историко-лингвистический термин «огур» в чувашском языке означает «единый род, родо-племенное объединение»: [от слова *ок(г)* – «ййх» и аффикса собирательной множественности *ур*]. Болгары и другие огуриязычные племена, в результате трансформации которых образовался чувашский народ, на начальном этапе Великого переселения народов прибыли в Причерноморье и Крым в 375 г. в составе гуннской кочевой волны. О гуннах древнеримский историк Аммиан Марцеллин (ок. 330–395 гг.) писал: «Племя гуннов, о котором мало знают древние памятники, живет за Меотийскими болотами у Ледовитого океана... Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, на концы которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а в рукопашную, очертя голову, мечами рубятся и на врагов, сами уклоняясь от ударов кинжалов, набрасывают крепко свитые арканы...» [7].

После распада Гуннской империи (454 г.) находившиеся в её составе болгары, сувары (савиры) и многие другие огуриязычные племена все чаще

упоминаются под своими собственными этнонимами. В 70-е годы VI в. степи Приазовья и Предкавказья были захвачены тюркютами – огузо-тюркоязычными племенами рода Ашина, создавшими Тюркский каганат. Находясь в зависимости от захватчиков-тюркютов, болгарским племенам рода Дулу приходилось подчиняться жестокому режиму агрессоров, однако привычный образ жизни и воинская доблесть не покидала болгар. Так, в 576 г. по требованию Турксанфа, наместника Западно-Тюркского каганата в Крыму, хан болгар-утургуров Анагей вместе с женщиной-воительницей, вождем местного племени по имени Аккага, со своими войсками приняли участие в штурме и завоевании г. Боспор, городских кварталов на горе Митридат [1, с. 134]. Результатом совместного похода стало изгнание из крымского Боспора византийцев, которые, однако, вернулись туда в 590-х гг. Примечателен факт назначения женщины предводителем болгарского племени и её участия в военных походах, что не могло не повлиять на распространение легенд о причастности женщин-болгарок, предков чувашей, к обществу Амазонии Северного Причерноморья [3].

Многолетнее сопротивление огузоязычным тюркютам подготовило военную победу болгар над армией Тюркского каганата в начале 630-х гг. После гибели Органы в 631 г. болгарским ханом стал его племянник Кубрат из болгаро-кутригурского племени, принявший христианство в Византии, получивший воспитание во дворце императора Ираклия и удостоенный звания «патрикий». Кубрат являлся продолжателем огурской династии Дулу, ему удалось создать государственное образование «Великая Болгария» на территории Северного Причерноморья, Приазовья и значительной части Крымского полуострова. Объединение ранее враждовавших между собой утургуров, кутригуров и других племен в составе Великой Болгарии дало современному исследователю Крыма А.Р. Андрееву сделать вывод о возникновении в период правления хана Кубрата новой этнической общности в Европе – «болгарского народа» [2]. Действительно, сила и величие болгаро-огурских племен в их единении стали очевидными даже для других народов настолько, что в названии государства использовалась тавтология, т.е. повторялся эпитет: «великая» страна «великих огуров» [«болгар» – от греч.: βούλ ούριг = чув.: мән йăх = «великий род огуров»]. Считается, что столицей Великой Болгарии был древний город Фанагория на северо-восточном берегу Черного моря (на Таманском полуострове, выдающемся в Керченский пролив). Вся территория Крыма стала зависимой от тюркоязычных властей в период господства Хазарского каганата, возникшего в Прикаспийском регионе в 651 г. и завладевшего в последней четверти VII в. также и территориями Великой Болгарии.

В этот период произошло историческое разделение болгаро-суварских предков чувашей: расположенная в западном крыле боевитая орда утургуров во главе с ханом Аспарухом продвинулась на Нижний Дунай, в Мезию и Фракию; преимущественно оседлые племена болгаро-суваров с вождем Батбаем смирились с пребыванием в подчинении хазарам; часть болгар спаслась от хазаро-тюркютского нашествия бегством на малозаселенные земли Во-

сточного и Центрального Крыма; другая часть болгаро-суваров (кутригуров) перешла через Дон и к концу VII в. добралась до Среднего Поволжья, где через пять столетий сформировалась болгаро-чувашская народность. У всех разделенных частей болгаро-суварской общности оказалось достаточно социально-экономического опыта для перехода на новых землях к оседлому образу жизни и пастушеско-земледельческому типу цивилизации. Глубокое вторжение армий Арабского халифата во владения Хазарского каганата в 722 – 737 гг. породило новую волну миграции болгар и некоторых других свобододлюбивых племен в Среднее Поволжье и Крым.

Кочевники не переставали играть существенную роль в исторической судьбе чувашей даже после того, как их болгаро-суварские предки переселились с южных степей на новые территории, в Среднее Поволжье и создали свое государство Волжская Болгария [5, с. 98–121]. После распада Золотой орды, образованной в результате разгрома Волжской Болгарии монголо-татарскими кочевниками и покорения ими русских земель, в 1438–1445 гг. на территории варварски уничтоженного болгаро-чувашского государства сложилось Казанское ханство. Почти одновременно с ним, в 1441 г. сформировалось Крымское ханство, которое, однако, в 1478 г. подпало под вассальную зависимость от Османской империи и в отношениях с Русью проводило враждебную, проосманскую политику [5, с. 122–164]. Двадцатилетний сын крымского хана Сахиб-Гирей в 1521 г. во главе крымско-татарских войск вторгся в пределы Казанского ханства, сверг казанского хана Шах-Али, занял его престол. Через три года передал власть в Казанском ханстве своему четырнадцатилетнему сыну Сафа-Гирею, развернул военные походы против Московского государства, в 1532 г. захватил престол в Крымском ханстве при поддержке султана Османской империи Сулеймана. Сафа-Гирей со своей армией и военно-административным аппаратом властвовал в Казанском ханстве вплоть до своей кончины в марте 1549 г. Господство крымско-татарской администрации в Казанском ханстве усилило национальное и социально-экономическое угнетение местного нетатарского ясачного населения. Были отменены льготы, введенные для чувашских и других ясачных людей при промосковском хане Мухаммед-Амине в 1502–1518 гг. [4, с. 52]. Невыносимые условия жизни неоднократно вынуждали чувашей подниматься на всенародное восстание против режима Сафа-Гирея, который дважды спасался от возмездия бегством, покидая ханский престол и уступая его другим претендентам. Весной 1546 г. Сафа-Гирею и прокрымской администрации удалось вернуться на казанский престол благодаря помощи войск князя Ногайской орды Юсуфа, которому Сафа-Гирей обещал отдать Горную и Арскую стороны, заселенные ясачными чувашами, марийцами, удмуртами. Опасаясь такой угрозы, предвидя еще большее усиление гнета и пытаясь противостоять массовым казням среди промосковской оппозиции в ханстве, чувашаи и марийцы в начале декабря 1546 г. делегировали своих наиболее активных представителей во главе с Тугаем в Москву. Делегация просила великого князя Ивана IV направить войска против казанского хана Сафа-Гирея и обещала военную поддержку (как показывали средневековые переписи и другие источники,

население Горной стороны (правобережья) Среднего Поволжья могло составлять до 40 тыс. воинов-стрельцов). Таким образом, бесчинства крымских ханов на казанском престоле подтолкнули чувашей, потомков болгаро-суваров – выходцев из Предкавказья и Крымского края, выступить против крымско-татарских экспансионистов. Впоследствии, в июне 1551 г. борьба за национальное освобождение чувашей увенчалась добровольным, по челобитью, вхождением Чувашского края в состав Русского государства и поддержкой чувашским населением военного похода русской армии против союзника крымских татар – Казанского ханства, которое было ликвидировано 2 октября 1552 г. [4].

Список литературы

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
2. Андреев А. История Крыма. М. : МОНОЛИТ-ЕВРОЛИНЦ-ТРАДИЦИЯ, 2002. 147 с. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/HISTORY/ANDREEW_A_R/krym_history.txt (дата обращения 10.10.2015 г.).
3. Григорьев В. С. Исторический дискурс в контексте международного туристического маршрута «Великий Волжский путь» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11. Ч. 2. С. 53–55.
4. Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 192 с.
5. Димитриев В. Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 190 с.
6. Егоров Н.И. К проблеме этноязыковой идентификации центральноазиатских огуров (*ухуань*) // Научная и духовно-миссионерская деятельность Н.Я. Бичурина / науч. ред. и сост. В.С. Григорьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 118–161.
7. Описание гуннов [Электронный ресурс]. URL : <http://school.bakai.ru/?id=hisrs010601> (дата обращения 10.10.2015 г.).

РОЛЬ БАТУМИ В РАЗВИТИИ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ЗАКАВКАЗСКОГО КРАЯ (НА РУБЕЖЕ XIX- XX вв)

Исмаилова А.М.

к.и.н., доцент, Дагестанский государственный университет
народного хозяйства, Россия, г. Махачкала

Статья посвящена роли Батуми в перевозке грузов, как по Черному морю, так и по железной дороге. Значительна была роль Батуми в перевозке грузов нефтяных продуктов. Батуми превратился в третий по величине (после Баку и Тифлиса) город Закавказья, заняв важное место в торговле и промышленности Российской империи.

Ключевые слова: закавказские железные дороги, батумский порт, каботаж, грузооборот, нефтяные продукты, нефтепровод, керосинопровод.

После освобождения Батуми 27 августа 1878 г. (после русско-турецкой войны) сразу же стало очевидно, что Батуми станет значительным экономи-

ческим центром в Закавказском крае и во всей России и пойдет по капиталистическому пути развития. Из Батуми нефтяные продукты вывозились в европейские страны наливными судами, а в страны Востока в жестяных баках. Отсюда вытекала необходимость развития промышленных предприятий в целях обслуживания экспорта нефтяных продуктов. В 60-х гг. XIX в. в Батуми развернулось сооружение портов, что представило работу многим безземельным крестьянам.

По сведениям Батумской таможни в 1882 г. прибыло с товаром в порт каботажным плаванием 286 паровых и 24 парусных судна, вместимостью всего около 69.1 тысяч ластов. Товару доставлено на 2.673.206 руб.40 коп. Движение грузов из Батумского порта за границу в 1889 г. по сравнению с 1881 г. возросло больше чем в 766 раз, а в России почти в 54 раза. Общий грузооборот Батумского порта в 1902 году - 106.11 млн. пудов [3, с.30].

Вопрос о расширении Батумского торгового порта, неоднократно возбуждался Министерством путей сообщения, при чем в г. Батуми образована особая комиссия [5].

В 1912 году вывоз из Батуми нефтяных продуктов через Батумский порт выразился в следующих цифрах – в Россию - 2.042.002; за границу - 33.817.605 [6, с. 258].

Главные позиции в бакинской и батумской промышленности, как по добыче, так и по переработке и вывозе нефти и ее продуктов, занимали иностранные крупные капиталисты, которые безжалостно эксплуатировали рабочих. Однако, с другой стороны, возникновение в г. Батуме заводов Ротшильда, Манташева, Нобеля, Рихнера и других имело большое значение, так как оно вызывало к жизни новый отряд промышленного пролетариата. Промышленность по выделке ящиков и жестянок, наливные станции и другие предприятия, возникшие в 80-90-х гг. XIX в. в г. Батуми, были непосредственно связаны также с бакинской нефтяной промышленностью. В 90-х годах XIX в. в Батуми было 9 таких предприятий по производству тары, которые за сутки изготовляли 100 тысяч жестяных банок и 50 тысяч деревянных ящиков [1, с.198].

Бакинские торговцы знали, что страны Западной Европы переживали недостаток в энергетических ресурсах, что им нужна была дешевая высококачественная нефтяная продукция, поэтому искали его вывоза из Баку через Батуми. Выполнение этой задачи могла решить только железная дорога, обеспеченная керосиновыми цистернами. Строительство железной дороги Батуми – Самтредия началось в 1880 г. Идею строительства нефтепровода выдвинул Д.И. Менделеев. В 1883 году строительство этой ветки железной дороги было закончено, между Баку и Батуми происходил усиленный грузооборот. Перевозилась в основном бакинская нефть.

Значение этой дороги, благодаря которой для нефтяной промышленности настала новая эра, было настолько ясно руководителям т-ва Нобель, что они поторопились в том же году, 1883 году, увеличить свой основной капитал сразу на 5 млн. р. В самом деле, с открытием дороги продуктами нефтяной промышленности был дан свободный выход к Черному морю, и для них

были открыты широкие перспективы не только для удовлетворения внутренних потребностей страны, но и для завоевания выдающегося на всемирном рынке.

В 1903 году вывоз нефтяных продуктов из Батуми за границу достиг 103 млн. пудов нефтяных продуктов [6, с.262]. Такое огромное увеличение вывоза товаров был вызван тем, что в заграничной торговле, кроме нефти и других продуктов, начал участвовать чиатурский марганец, который в течение ряда лет господствовал на мировом рынке.

Проведение нефтепровода Баку – Батум способствовало тому, что нефть можно было переправлять как в Россию, так и за границу. Если в 1873 г. в некоторые губернии России было переправлено всего 40 тыс. пуд. нефти, то в 1901 г. эта цифра достигла 51,6 млн. пуд. В 1890 году только крупными экспортирующими фирмами из Батуми было вывезено за границу всего 37627 тыс. пудов нефтяных продуктов. В 1900 г. вывоз из Баку нефтепродуктов (осветительных и смазочных масел, сырой нефти, нефтяных остатков и прочих продуктов) в Россию и за границу составил 441,6 млн. пуд. Правильная эксплуатация керосинопровода Баку-Батум началась с 26 марта 1907 года – 839.36 версты – обошелся в 21.046.297 рублей. Это, единственная, по новизне и идее сооружение не только в Европе, но и в Америке.

В 80-х годах XIX в. т.е. после начала эксплуатации Закавказской железной дороги, соединившей, с одной стороны Баку с Тифлисом и Батуми, с другой – Каспийское с Черным морем, отдаленные районы с городами, а с другой стороны, приближавшей и связавшей не только Грузию, но и весь Кавказ с Россией и Европой, в Кутаисской губернии необычайно усилились торгово-экономические связи как внутри страны, так и вне ее, в результате чего образовался единый национальный рынок.

В 1899 г. вывоз через Батумскую таможенную сухих коконов (шелк-сырец) равнялся 110 тыс. пудов на сумму около 4,5 млн. рублей. [2, с.4]. Таким образом, вывоз через Батумскую таможенную увеличился в два раза по сравнению с 1883 годом. Привоз иностранных товаров (на 4 млн.), так же как и вывоз (15 млн.) производятся главным образом через портовый город Батуми. Главный привоз иностранных товаров: 1-е место занимают металлические (2.500 000р.) и бумажные (62.000р.) изделий, идущих из Европы азиатских товаров всего привезено в отчетном году на 224,185 руб. За все привезенные иностранные товары, в 1887 году поступило пошлины в золотой валюте 613,937р. [4, с.18].

Главные товары, привезенные каботажом: железные и стальные товары, мука пшеничная, цемент, лес, каменный уголь. Вывезено каботажом: хлопчатая бумага, крупа и пшено, спирт и хлебное вино, нефтяные продукты.

Таким образом, развитию промышленного капитализма в нефтяной промышленности дало сильный толчок проведение Закавказской железной дороги, соединяющей Баку с Тифлисом и Батумом, также Батумского порта. Батум превратился в крупнейший портовый город. В 1898г. в Батуми насчитывалось 10 крупных промышленных предприятий, численность рабочих достигала 11 тысяч человек. В Батуми практически вся нефть доставлялась по

линии Баку – Тифлис-Батуми. Но во внутренних областях страны рельсовая и водная транспортная система оставались, практически, равноценны для экспортной торговли, и выбор транспортного средства зависел от изменения тарифов на внутренних путях сообщения, различных ставок на перевозку грузов и портовых сборов в конкурирующих друг с другом экспортных портах.

Список литературы

1. Гулишамбаров С. Обзор фабрик и заводов Закавказского края. 1894.
2. Известия кавказской шелководческой промышленности за 1900 год. Тифлис, 1900.
3. Макаров А. Закавказье в торговом отношении. Москва, 1884.
4. Обзор Кутаисской губернии 1887 год.
5. ЦГИА ГР Ф.12.оп 7.д.2987. (Л45)
6. Шапсович. М. С. Весь Кавказ. Баку, 1914.

СЪЕЗДЫ ДУХОВЕНСТВА В СИСТЕМЕ ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв. (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ)¹

Кокарев М.С.

старший преподаватель кафедры церковно-практических дисциплин,
Самарская православная духовная семинария, Россия, г. Самара

В статье рассматривается становление системы съездов духовенства: благочиннических, учебно-окружных и епархиальных. Исследование проводится на материалах Самарской епархии, бывшей одним из передовых регионов, в которых раньше всего был введен устав духовных семинарий 1867 г., в рамках которого и предполагалось создание системы съездов. Акцент делается на рассмотрении базового звена данной системы – благочиннических съездов, процесса расширения сферы их ответственности и усиления их роли в управлении епархией.

Ключевые слова: епархиальное управление, съезды духовенства, благочиннические округа, духовные учебные заведения, региональная церковная история, Средне-Волжский регион.

Важную роль в структуре епархиального управления Русской Православной Церкви второй половины XIX – начала XX вв. играли съезды духовенства разных уровней. Низшей единицей, на которой эта система съездов базировалась были благочиннические округа. Съезды духовенства берут свое начало в 1860-х годах, их появление было связано с реформой духовного образования и общим усилением выборного начала в церковном управлении. Согласно семинарскому уставу от 14 мая 1867 г. духовенство епархии имело право избирать своих представителей в правления семинарий. Для этого, а

¹ Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ по исследовательскому проекту 14-31-01022 «Система епархиального управления Русской Православной Церкви в конце XIX – начале XX веков (на материалах Самарской епархии)».

также для обсуждения экономических вопросов, касающихся духовного образования (в первую очередь для изыскания местных средств) духовенство получало право собираться на съезды. Необходимо, однако, отметить, что вопрос о правах и полномочиях таких съездов в ходе реформы проработан не был. С. В. Римский отмечает, что Главное присутствие и II отделение, занимавшиеся вопросом, «сошлись во мнении не составлять никаких специальных правил о съездах и выборах, предоставив это на усмотрение архиереев» [7, с. 464]. Не было четких правил о съездах и в уставе духовных семинарий 1884 г., где также говорилось, что «число священнослужителей для составления съездов и способы избрания их определяются епархиальным преосвященным» [9, с. 33].

В Самарской епархии благочиннические съезды были учреждены в 1867 г. При этом сразу было видно их двойное назначение. С одной стороны, они должны были стать первой ступенью в системе выборов представителей от духовенства в правления семинарии и духовных училищ. С другой, съезды самим духовенством воспринимались как органы, учреждаемые для решения проблем внутри благочиннического округа.

Самарская епархия была одной из первых, где был введен устав духовных семинарий 1867 г. Обер-прокурор Синода отношением еще от 10 октября 1866 г. сообщил, что духовенству Самарской епархии разрешено «по примеру Смоленской и некоторых других епархий избирать из своей среды доверенных лиц для участия в хозяйственных делах семинарии и духовных училищ, с правом голоса по означенным делам» [4, с. 153]. Однако конкретных механизмов избрания в этом отношении предписано не было. Поэтому в августе 1867 г. самарский преосвященный Герасим (Добросердов) обратился в консисторию с уточнением этих механизмов. Согласно его предписанию, для избрания депутатов на окружные училищные съезды в каждом благочинии назначался съезд духовенства, на который должны были являться все священно-церковнослужители, кроме тех, кто был наказан низведением в причетники.

На благочиннических съездах выбирали делегатов для следующих ступеней в пропорциях: от округа, где 10 – 15 причтов – одно лицо, от 15 – 25 причтов – 2, от 25 – 35 – 3 и т.д. [6, с. 155]. Голосование должно было проводиться закрытой баллотировкой или при помощи записок. В случае равенства голосов дело решалось либо жребием, либо голосом председателя съезда, т.е. благочинного. Сами благочинные, как и лица, занимающие другие должности по епархиальному управлению, могли быть избираемы на общих основаниях. Правда позже, в 1875 г. Св. Синод запретил выбирать членов консистории как в председатели съездов, так и в члены правлений семинарий и училищ, чтобы они не стесняли духовенство «в свободном выражении мнений оно по делам училищным» [5, с. 362]. Акт об избрании после подписания всеми присутствующими немедленно предоставлялся епископу [6, с. 155]. Таким образом, по мысли епископа, единственной функцией благочиннических съездов должно было стать избрание депутатов для следующих ступеней: окружных и общеепархиальных собраний.

Инициатива дальнейшего расширения полномочий благочиннических съездов исходила от самого духовенства. В преддверии начала 1867/68 учебного года в пяти епархиях – Рязанской, Костромской, Астраханской, Нижегородской и Самарской – прошли духовно-училищные съезды, основной задачей которых было изыскание местных средств [7, с. 485–486]. Однако обсуждало на них духовенство и другие вопросы, в том числе и правила, на которых должна быть основана деятельность самих съездов (за неимением четких указаний священноначалия). Самарский съезд предложил использовать съезды духовенства по благочиниям «для обсуждения вопросов относительно церковной практики управления и благочиния» [10, с. 148]. Этот же съезд разработал подробный проект правил, утвержденный затем архиереем.

Согласно этим правилам благочиннические съезды созывались раз в год. Была также предусмотрена возможность экстренных съездов в тех случаях, когда епархиальное начальство требует немедленного рассмотрения неотложных вопросов. На съезды были обязаны являться все священники округа, у которых не было уважительных причин для отсутствия. Тех, кто не являлся на съезд без таких причин, ожидало братское внушение, выговор или даже рапорт на имя архиерея. Местом съезда было или село, в котором служил благочинный или населенный пункт, признанный удобным по местным обстоятельствам. В некоторых благочиниях в начале XX в. по воспоминаниям современников сложилась традиция проводить съезд каждый год в одном из сел округа по очереди [8, с. 52].

Круг дел, которыми должны были заниматься благочиннические съезды, был достаточно широким, что в свою очередь, предполагало возможность расширения состава. Согласно правилам, к работе съезда могли привлекаться председатели церковно-приходских попечительств с правом голоса в тех, случаях, когда обсуждались вопросы, связанные с деятельностью этих попечительств или с расходом их средств. При обсуждении отчислений на содержание духовных учебных заведений могли присутствовать и выступать церковные старосты. Также предусматривалась возможность участия в съездах учителей (не из духовного звания) с правом совещательного голоса [10, с. 149]. Кроме того, на съезд допускались дьяконы, причетники и члены попечительств с правом совещательного голоса, а также «все желающие из православных, но только в качестве зрителей, без права голоса» [10, с. 150].

Одной из основных функций окружных съездов была регулировка отчислений на нужды духовно-учебных заведений с каждого причта. Не изменяя общей нагрузки на благочиние, съезд мог облегчить бремя для отдельных причтов, оказавшихся в сложном положении (например, вследствие пожара или другого бедствия), распределив его по другим приходам [10, с. 151]. Кроме того, по решению съезда такое перераспределение мог совершать и сам благочинный, не дожидаясь нового собрания (для чего съезд заранее определял пропорции).

Кроме того, предметами, которые подлежали обсуждению на благочиннических съездах были: устройство и наблюдение за деятельностью приходских попечительств, открытие и содержание приходских школ, библиотек, благотворительных учреждений при приходях, изыскание местных спо-

собов содержания духовенства, «суждение об усилении средств эмеритальной кассы» [10, с. 150]. Также съезд выступал в качестве инстанции, которая могла разбирать «взаимные неудовольствия» между членами причтов и побратски вразумлять клириков, замеченных в неисправном поведении. Наконец, съезды должны были координировать в округе пастырскую деятельность в самом широком смысле: искоренение суеверий, укрепление веры и нравственности, противодействие ересям и расколам. На благочиннических съездах ежегодно избирали и проповедников-катехизаторов.

Такой широкий круг вопросов, которыми занимались благочиннические съезды, неизбежно приводил к усложнению их делопроизводства. В 1870-х гг. епархиальное начальство неоднократно предписывало депутатам составлять журналы по разным вопросам на отдельных листах, указывая соответственно: «по делам семинарии», «духовных училищ», «эмеритальной кассы», «женского епархиального училища», и т.д. Необходимо это было по той причине, что постановления съезда подлежали рассмотрению не только в разных столах консистории, но и в других учреждениях [3, с. 52]. Собственно говоря, все журналы попадали на стол к правящему архиерею, а уже после утверждения направлялись в консисторию или в другие учреждения для исполнения.

Все же главной функцией благочиннических съездов было избрание делегатов на съезды учебно-окружного и епархиального уровней. Но если для благочиннических съездов еще в 1867 г. были разработаны четкие правила, то для остальных процесс юридического оформления затянулся на десятилетия. Их деятельность регламентировалась соответствующими параграфами уставов духовных училищ и семинарий, а также отдельными определениями Св. Синода. В Самарской епархии правила для учебно-окружных и общепархиальных съездов были разработаны в 1890 г. и 26 октября поданы на утверждение епископу Серафиму (Протопопову), однако подписаны были только в 1894 г. епископом Гурием (Буртасовским) [11, д. 6450, л. 1].

С 1905 г. намечается тенденция к расширению участия в съездах диаконов и псаломщиков. В этом году благочиннический съезд 6-го округа Новоузенского уезда предложил наделить их правом решающего голоса наравне со священниками. Однако на епархиальном съезде было решено оставить в силе прежние правила, согласно которым диаконы и псаломщики обладают лишь правом совещательного голоса [1, с. 843]. В следующем году на епархиальном съезде этот вопрос снова вызвал горячее обсуждение. Два депутата внесли одинаковые предложения об уравнивании голосов всех участников благочиннических съездов, которые нашли как своих горячих сторонников, так и не менее пылких противников. В результате было принято компромиссное решение: диаконы и псаломщики уравнивались в правах, но только в том случае, если их общее количество на съезде не превышало представительство священников [2, с. 386]. К этому журналу прилагалось два отдельных мнения: протоиерея Христофора Ливанова, который настаивал на дробных голосах (священник – 1 голос, диакон – $\frac{1}{2}$, псаломщик – $\frac{1}{4}$) и группы священников, настаивавших на безусловно равном подходе. Епископ Константин (Булычев) утвердил мнение большинства [2, с. 387].

Со временем благочиннические съезды становились все более важным звеном епархиального управления. Сказывалась их близость к непосредственной приходской жизни. С 1908 г. к благочинническим и епархиальным съездам от консисторий отошло право составления списков для наделения приходов казенным жалованием. Вообще же последнее предреволюционное десятилетие ни один серьезный вопрос в Самарской епархии не решался без предварительного обсуждения на благочиннических, а затем на епархиальных съездах. Нередки были случаи, когда вопрос вызывавший горячие споры на епархиальном съезде, снова возвращался на благочиннический уровень для детального рассмотрения, как было с открытием второго епархиального женского училища, школой для псаломщиков и т.д.

Список литературы

1. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1905 г. // Самарские епархиальные ведомости (СЕВ). 1905. № 20 (оф. ч.). С. 841–847.
2. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1906 г. // СЕВ. 1906. № 19 (оф. ч.). С. 373–402.
3. О ведении журналов благочиннических съездов на особых листах // СЕВ. 1877. № 6 (оф. ч.). С. 52.
4. О предоставлении духовенству права избирать из своей среды доверенных лиц для участия в делах семинарии и духовных училищ // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Самара, 1899. Т. II. С. 153–154.
5. О том, могут ли быть допускаемы члены духовных консисторий к выборам в депутаты и председатели съездов духовенства по училищным делам // СЕВ. 1875. № 24 (оф. ч.). С. 362.
6. Правила об избрании доверенных лиц от благочиний для окружных съездов духовенства по делам духовно-учебных заведений // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. С. 154–156.
7. Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). М, 1999. 567 с.
8. Самуилова С. С., Самуилова Н. С. Отцовский крест. Острая Лука. 1908–1926. СПб., 1996. 486 с.
9. Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. СПб., 1888. 202 с.
10. Учреждение и правила съездов духовенства по благочиниям // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Самара, 1899. Т. II. С. 148–152.
11. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 32. Оп. 6.

ВАЖНЕЙШИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОСЕТИНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Малиева З.Н.

доцент кафедры иностранных языков для неязыковых факультетов,
канд. филол. наук, доцент, Северо-Осетинский государственный университет,
Россия, г. Владикавказ

Статья представляет собой краткое описание основных этапов развития осетинской этнографии. Автором рассматривается период с самого раннего упоминания о предках осетин до этнографических исследований, предпринятых в 20 веке. В статье упоминаются

труды как иностранных, русских, так и осетинских ученых. Общим местом всех проведенных этнографических изысканий следует считать указание на обычай гостеприимства, религиозные обряды и особый жизненный уклад (агъдау).

Ключевые слова: историко-этнографический, гостеприимство, самобытный, фольклор, религия, верования, обряд.

В истории изучения этнографии осетин можно выделить, на наш взгляд, шесть основных разделов:

I. Исторические данные о предках современных осетин – скифо-сарматах-аланах (Геродот, И. Флавий, Юлиан и т.д.)

II. Этнографическая литература, относящаяся к периоду до установления русско-осетинских отношений (Рейнеггс, Штедер, Гюльденштедт, Паллас, русские источники XVI--XVIII вв.)

III. Установление русско-осетинских отношений. Новая волна интереса к Кавказу. Распространение русского влияния (Шегрен, Клапрот и т.д.) – начало XIX вв.

IV. Ранняя осетинская этнография (С. Жускаев, А. Гассиев, И. Кануков, Б. Гатиев, С. Кокиев) – XIX в.

V. Миллеровский этап осетиноведения (В. Пфаф, М.М. Ковалевский).

VI. Современная осетинская этнография.

Историко-этнографические данные о предках современных осетин зафиксированы еще в «Истории» Геродота, который обозначил первое вторжение скифов на Кавказ VII в. до н.э. Сарматы же, по описанию историка, появились на территории Центрального Кавказа в III-II вв. до н.э. Скифы и сарматы не исчезли бесследно. Им на смену на историческую арену пришли аланы / роксаланы. В трудах историков упоминаются теперь именно они. Появление этого племени на Северном Кавказе относят к I в. н.э.

Об аланах и их стране Алании упоминает в своем рассказе римско-католический миссионер доминиканец Юлиан в 1285 году: «Жители страны Алании представляют смесь христиан и язычников, сколько местечек, столько и князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому...» [2, с.9].

Первые собственно этнографические очерки об осетинах появились лишь в 1743 г. в «аписях показаний кабардинских владельцев М. Атажукина и А. Гилясканова и кумыкского владельца А. Хамзина, ноября 1743 г., В.М. Бакунина – ассессора иностранных дел». Содержание этих «Записей» представляет собой краткий обзор быта народностей: абадзехов, шапсугов, кабардинцев, карачаевцев, осетин-дигорцев и сванов.

Интересно описание путешествия, совершенного в 1781 г. по горным районам Центрального Кавказа подполковником фон Штедером. Это разносторонний очерк об осетинах, их укладе жизни и обычаях. Так, на Штедера произвело большое впечатление то, как соблюдается среди осетин закон об уважении к старости: «Обычай заставлял уважать преклонный возраст... и старость во всех случаях жизни имеет преимущество» [2, с.29].

Не осталось без внимания в записках Штедера и осетинское гостеприимство:

«Гостя они принимают со следующими словами: «Мой дом – твой дом; я и все мое – твое». Гостя (кунака) осетин защищает как самого себя и погибает скорее сам, чем уступит врагу его тело: он берет на себя кровавую месть за него» [2, с.36].

В последней трети XIII века по Кавказу были совершены по поручению Академии Наук путешествия, имевшие целью преимущественно изучить «естественные производительные силы», но давшие и некоторые этнографические результаты.

Так, И.А. Гюльденштедт совершил в 1768-1775 гг. по поручению Академии Наук обширное путешествие по Юго-Востоку Европейской России и Кавказу. В дневниках о путешествии Гюльденштедта отражаются беглые, преимущественно общего характера, замечания, относящиеся к кистам, ингушам, осетинам, кумыкам, народам Дагестана и т.д.

Петр-Симон Паллас, врач и естествовед, академик совершил новое путешествие по Кавказу, Крыму и Астраханскому краю.

Книга Палласа – это краткие, обзорные замечания об адыгах, кабардинцах, осетинах, ингушах, чеченцах и сванах. «Осетины совершенно особый народ, который переселился в высокие горы и называет себя Ир или ироны, а свою страну Иристон. Их язык имеет много общих и похожих слов с персидским, немецким и славянским» [2, с.45].

Подробные этнографические сведения об осетинах, наряду с ингушами, адыгами, кабардинцами, чеченцами представлены и в трудах Якоба Рейнегтса: «На левом берегу Терека находятся жилища народа, называющего себя Ассами. Другие соседи называют их осе, а русские – осетинцами. Часть оссов являются магометанами, большая часть язычниками и только небольшое количество исповедует христианство» [2, с.48].

Первый год XIX века, 1801 г. составляет знаменательную дату в истории Кавказа – дату присоединения к России Грузии и начала активного распространения на Кавказе русского влияния.

Естественным образом эта дата связана в истории русской этнографии Кавказа, в свою очередь, с началом более интенсивного собирания этнографических данных по всем районам Кавказа, вошедшим в сферу русского политического и культурного влияния.

В начале XIX века было совершено последнее предпринятое Академией Наук и порученное иностранцу путешествие в целях изучения Кавказа. Это путешествие немецкого языковеда-ориенталиста Г.Ю. Клапрота. Содержащиеся в основном сочинении Клапрота этнографические материалы представляют собою сведения о различных адыгейских племенах, абазинах, кабардинцах, карачаевцах, балкарцах, ингушах и осетинах.

Клапрот, как и его предшественники, был поражен осетинским гостеприимством: «Осетины имеют очень большое уважение к законам гостеприимства: почти нет примеров его нарушения» [Цит. по [2, с.39]]. Нарушение же кем-либо обычая нередко приводило к сбрасыванию его со связанными руками и ногами с высокого утеса в реку.

Беспощадным признал Клапрот обычай кровной мести: «Кровная месть, распространенная вообще по всему Кавказу, соблюдается у осетин с чрезвычайной строгостью. Она распространяется даже на сыновей и внуков и является часто причиной длительной вражды между целыми селениями» [2, с.56].

Новым в этом труде Клапрота, если сравнивать его с работами предшественников, является его подход к осетинскому языку: «Язык осетин еще лучше, чем исторические документы, и более неопровержимо доказывает, что они принадлежат к той же ветви, что и мидийцы и персы, т.е. к индогерманской» [2, с.62].

Неоценимый вклад в развитие осетинского языка внес А.М. Шегрен – составитель осетинского алфавита и осетинской грамматики. Результатом этнографических разысканий Шегрена является его очерк «Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях». Шегрен указывает в своем сочинении на то, что религиозные обряды у осетин и их соседей «перепутаны» настолько, что «христиане, магометане одинаково с язычниками верят могуществу кумиров языческих, последние, сами не зная того, чествуют христианских святых» [9, с.12].

Пятидесятые годы знаменуются появлением первого осетинского этнографа – Соломона Жускаева – знатока самобытной культуры и быта своего народа. С. Жускаев был первым осетином, опубликовавшим свои этнографические очерки – зарисовки из быта осетинского народа – на страницах периодической печати Кавказа.

В 60-е годы по этнографии Осетии появляются работы И.Г. Тхостова и А.А. Гассиева.

Тхостов И.Г. – один из первых осетинских этнографов. В 70-80 гг. Тхостов И.Г. служил чиновником для особых поручений при начальнике Терской области. В период пребывания В.Ф. Миллера в Северной Осетии Тхостов оказывал ученому помощь в сборе фольклорного, лингвистического и этнографического материала.

Гассиев А.А. – видный представитель осетинской интеллигенции конца XIX начала XX вв., первый осетинский философ. Основные работы А.А.Гассиева посвящены истории христианства и философским вопросам религии и нравственности.

Значительное развитие получает этнография Осетии в 70-е годы.

Прежде всего необходимо отметить выступление с этнографическими работами ряда авторов – осетин. Видное место среди них занимает Л.Т. Шанаев. Вместе с братьями явился одним из первых собирателей осетинского фольклора.

Сын тагаурского алдара И.Д. Кануков окончил кадетский корпус в Петербурге. Он также является автором ряда публикаций на этнографические темы.

Гатиев Б.Т. – один из первых этнографов-осетин. Гатиев Б.Т. – автор двух содержательных работ по этнографии своего народа, в том числе выдающегося для своего времени этнографического очерка: «Суеверия и предрас-

судки у осетин», в котором довольно подробно описаны многие обычаи и обряды осетин, их праздники, религиозные верования, мифология и т.д.

Наиболее ценным вкладом в осетиноведение 70х годов 19-го столетия является труд об осетинском народе В.Б. Пфафа. Прожив некоторое время среди осетин, Пфаф сумел глубоко вникнуть в обычаи и нравы этого народа. Так, основой жизни у патриархальных осетин, по мнению ученого, является всеильный обычай (агьдау): «У осетин нет законов, но весь порядок их общежития основывается на обычаях. Эти обычаи действуют со всею силою неизменных законов природы» [7, с.14].

В. Пфаф представил в своих сочинениях всестороннее описание осетин: помимо этнографических и исторических данных, в них включены также и этнологические характеристики.

Лишь спустя 10 лет после замечательного описания В. Пфафа осетиноведческая литература пополнилась новым исключительным по своей значимости произведением выдающегося русского ученого-языковеда, фольклориста, этнографа и археолога, академика Российской Академии наук В.Ф. Миллера – «Осетинскими этюдами» [6].

Эта работа обратила внимание мировой научной общественности на язык, фольклор, религию, историю и этнографию осетинского народа; было научно установлено, что осетины с их культурой представляют своеобразное историко-лингвистическое явление среди кавказского этнического мира.

Представлен в «Осетинских этюдах» и богатейший этнографический материал. Так, например, подробнейшим образом наряду с другими областями жизнедеятельности осетинского народа В.Ф. Миллер описал религиозные верования: «Осетины исповедуют официально либо христианство, либо магометанство. Христианство коснулось осетин самым поверхностным образом» [6, с.13].

Таким образом, «Осетинские этюды» В.Ф. Миллера, как фундаментальное этнолингвистическое исследование, имеют и сегодня непреходящее значение для осетинских языковедов и этнографов.

Среди дореволюционных исследователей горцев Кавказа особое место занимает М.М. Ковалевский. Ученый с разносторонними научными интересами М.М. Ковалевский был историком, юристом, этнографом, социологом. Его фундаментальные работы по Кавказу, посвященные обычному праву и общественному строю горских народов, не потеряли до сих пор научного значения.

Осетинская этнография XX века достойно представлена именами известных историков, этнографов-кавказоведов, внесших неоценимый вклад в исследование осетинского этногенеза, этнической истории и этнографии осетинского народа: Б.А. Калоев, А.А. Магометов, В.А. Кузнецов, Б.С. Саламов, В.Уарзиати и др.

Список литературы

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 603 с.

2. Калоев Б. А. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1967. 319 с.
3. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. 128 с.
4. Кузнецов В.А. О чем рассказывают археологические памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: «Ир», 1968. с.12-14, Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: «ИР», 1968. 568 с.
5. Магометов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVIII-XVIII вв.). Орджоникидзе: «Ир», 1974. 365 с.
6. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Москва: Печатано по определению Совета Императорского Московского университета. 1881-1887 гг. 717 с.
7. Пфаф В.Б. Народное право Осетии. ССК. Е.2. 1872. 100 с.
8. Рейнеггс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. СПб.: Русская мысль, 1796. Т. 1. 124 с.
9. Шегрен А.М. Переводчик Камболов Т.Т. Осетинские исследования. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского государственного университета. 1998 г. 172 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РЕФОРМИРОВАНИЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Маркова С.М.

доцент кафедры истории и археологии, канд. ист. наук,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, г. Тула

В статье анализируется государственная образовательная политика и попытки реформирования образовательной системы министерством П.Н. Игнатъева в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: образовательная политика, гимназии, система образования, средняя школа, начальные народные училища, университет, Первая мировая война.

В начале XX века проблема реформирования средней школы по-прежнему оставалась актуальной. В условиях начавшейся Первой мировой войны правительству необходимо было добиться поддержки общества, и способствовать этому могли гибкие, либерально настроенные политики. Поэтому пост министра народного просвещения был предложен авторитетному политику из либеральной аристократии графу П.Н. Игнатъеву.

Новый министр сконцентрировал свои усилия на оптимизации системы среднего образования. Были отменены вызывающие негативную реакцию общественности циркуляры бывшего министра Л. Кассо, ослаблен школьный режим, восстановлена роль педагогических советов и родительских комитетов.

В результате компромисса между правительством и Государственной Думой был составлен обширный план реформ в области среднего образования. Под руководством П.Н. Игнатъева был подготовлен проект нового «Положения о гимназиях», который окончательно должен был уничтожить остатки сословности в устройстве гимназий.

Предусматривалась ликвидация реальных училищ и создание трех новых типов гимназии- на основе «старогуманитарного», «новогуманитарного» и реального образования. Для всех типов школ устанавливался семилетний курс обучения, разбитый на две ступени: первую- с 3-летним курсом обучения, вторую- с 4-х летним курсом. При этом четыре старших класса могли существовать как самостоятельные учебные заведения [3, с. 154].

Кроме того, предусматривалась связь обновленных гимназий с высшими начальными училищами: окончившие их могли продолжить образование в старших классах гимназии. Было заявлено о том, что «в гимназии принимаются дети всех сословий, без различия вероисповедания и учения» [3, с. 68].

Считая, что школа должна служить жизни и нуждам населения, П.Н. Игнатъев провозгласил принцип практицизма при отборе содержания образования. Причем практическая ценность образовательных дисциплин должна была сочетаться с их национально- патриотической направленностью, что было актуально в условиях войны.

Таким образом, проект предусматривал восстановление преемственности системы образования, тесную связь между начальной средней и высшей школой, ликвидацию остатков сословности. Его реализация, несомненно, только положительным образом отразилась бы на состоянии школьного образования.

В рассматриваемый период общественно-политические перспективы России многими передовыми деятелями связывались с парламентским путем ее развития, народным представительством. В Государственной Думе была создана компетентная комиссия по проблемам народного образования, в состав которой вошли учителя начальных и средних школ наряду с общественными деятелями и вузовскими преподавателями [1, с. 201]. Но, к сожалению, проект П.Н. Игнатъева по реформированию русской средней школы так и остался на уровне слушаний в Государственной Думе и не был реализован.

Министерством П.Н. Игнатъева была проделана большая работа по пересмотру учебных программ средней школы. К составлению новых программ по русскому языку, литературе, истории, математике, географии, физике были привлечены лучшие методисты того времени.

Уступая требованиям педагогической общественности и родителей, в 1915-1916 гг. П.Н. Игнатъев пошел на отказ от балльной системы оценки знаний учеников, от переводных вступительных экзаменов. Контроль за качеством знаний учащихся во многих школах стал осуществляться в форме репетиций- собеседований по итогам изучения крупных разделов программ.

Министерство П.Н. Игнатъева сделало попытку отойти от циркулярных методов и вести воспитательную работу в средней школе посредством нового педагогического органа- воспитательных комиссий. В их состав включались учителя закона Божия, классные наставники и представители родительских комитетов. Но воспитательные комиссии не смогли оживить учебный процесс и стать органом, осуществляющим эффективное воспитательное воздействие на учащихся.

27 декабря 1916 года П.Н. Игнатъев был смещен со своего поста, а новым министром народного просвещения стал Н.И. Кульчицкий- противник либерализма в среднем образовании.

Положительным следствием реформ П.Н. Игнатьева был рост к 1917 году количества гимназий: по сравнению с 1898 годом их стало в 2,5 раза больше [1, с.203]. В дальнейшем реальных шагов по изменению системы образования предпринять не успели, ибо в феврале 1917 года началась революция, означавшая крах всего старого государственного строя, а вместе с ним и системы образования царской России. В советский период гимназии как тип учебного заведения прекратили свое существование.

Список литературы

1. Маркова, С.М. Влияние государства и общества на развитие гимназического образования в России во второй половине XIX – начале XX в. [Текст]: Дисс... кандидата исторических наук / С.М. Маркова. – Тула, 2007.
2. Очерки истории и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. [Текст] / под ред. Э.Д. Днепров, С.Ф. Егорова, Ф.Г. Паночина, Б.К. Тебиева. – М.: «Педагогика», 1991.
3. Очерки истории российского образования: к 200-летию Министерства образования Российской Федерации. Т.3 [Текст]. – М.: МГУП, 2002.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ЖЕНСКОЙ ВОИНСТВЕННОСТИ У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Мутиева О.С.

доцент кафедры гуманитарных дисциплин, канд. истор. наук, доцент,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства,
Россия, г. Махачкала

В статье рассматриваются истоки воинственности женщин Дагестана. Данный феномен автор связывает с амазонками, подчеркивая, что мифологические предания об амазонках имеют реальную историко-этнографическую или культовую основу.

Ключевые слова: амазонки, женская воинственность, мифология, обычаи, маскулинность.

В культуре народов Северного Кавказа предания об амазонках сохранились как в фольклорной традиции, так и в исторических преданиях, легендах и мифах. Амазонки, как историческое явление, всегда вызывали неугасающий интерес. Вряд ли можно отыскать другой такой феномен, с равным постоянством будоражащий человеческий ум и воображение. При всем многообразии вариантов трактовки мифов об амазонках, остается дискуссионным вопрос о существовании этих воинственных женщин.

Как известно, основным источником, повествующим об амазонках на Кавказе является труд Страбона (I в. до н. э. – I в. н. э.) [7].

Следует отметить, что часть историков, соглашаясь с мнением Страбона о том, что гаргарейцы – предки современных северокавказских народов, напрямую привязывают этот регион к греческой легенде об амазонках. По мнению М.О. Косвена, отмеченное исследователями широкое распростране-

ние амазонской традиции на Кавказе, указывает на бытование женщин-воительниц у ряда древних северо-кавказских племен [3].

В частности, Ю.Ю. Карпов считает, что ряд кавказских преданий (особенно чеченских) «поразительно похож на страбоновский рассказ об амазонках, а известный по легенде обычай амазонок выжигать одну грудь правомерно связывать с ношением девушками корсета – обыкновением, до сравнительно недавнего времени распространенным у ряда народов северной части Кавказа» [1, с. 61].

Д. Хожаев в книге «Чеченцы в русско-кавказской войне» отмечает, что «миф об амазонках существует в Чечне в виде жизненных реалий» [8]. В основном все привязки Кавказа к амазонкам аргументируются существованием у чеченцев особой категории женщин, именованных «мехкари». Для приобретения права общения с мужчиной и семейной жизни мехкари должна была совершить три доблестных поступка и убить трех врагов [2].

Наличие разного рода женских сообществ у дагестанских народов, многие исследователи также связывают с мифами об амазонках [1, С.58-62].

Многие исследователи, характеризуя женщин – горянок, отмечают у них маскулинные черты, присущие мужчинам: воинственность, бесстрашие, мужественность, смекалку. Проявлением у дагестанских женщин маскулинных черт, Е.М. Шиллинг считает в частности, существование в прошлом у кубачинцев сугубо женских сообществ, которые назывались «юсбала-кал» – «девичьи дома» и «хунала –кал» – «женские дома» [9, с.110-111].

В некоторых аулах горного Дагестана сохранился старинный обычай, когда женщины, встретив в окрестностях села незнакомого мужчину, с шутками окружали его, всячески подчеркивая свое превосходство. Они требовали, чтобы он вступил с ними в единоборство. Если мужчина не выполнял их требования и вел себя строптиво, то женщины могли его и отхлестать крапивой. Конечно, все это делалось с шутками и смехом.

На примере кайтагских женщин, исследователь П. Петухов отмечает схожий обычай: «...Мужчина, по несчастью встретившийся с толпой женщин и девушек, делается их жертвой: его обезоруживают, принуждают танцевать, прыгать и исполнять все их капризы: достаточно натешившись, они отпускают свою жертву при громком хохоте и остротах» [6].

У некоторых дагестанских народов женщины даже устраивали между собой соревнования наподобие мужских – в беге, прыжках, борьбе, поднятии тяжестей [1, с. 60]. Так, например, отмечается, что девушки-кулилки отличаются и поныне своей воинственностью, смелостью и дерзостью, редко в чем уступают мужчинам [4, с.]. У табасаранцев существует предание, якобы девушки Хвуга-рац-цар ни в чем не уступали мужчинам: были очень трудолюбивы и неутомимы, а в моменты военной опасности выступали на защиту села наравне с мужчинами [5, с.31-32].

На наш взгляд, истоки женщин-амазонок уходят своими корнями в эпоху матриархата, где женщины играли главенствующую, а мужчины – второстепенную роль. А реальное существование амазонок в виде самостоятельного и независимого «народа женщин», больше соответствует мифологии народов.

Список литературы

1. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 416 с.
2. Карпов Ю.Ю. Культ женщины и рыцарская этика URL: www.kavkazchat.com/showthread.php?t=11052 (дата обращения: 16.10.2015).
3. Косвен М.О. Амазонки. История легенды // СЭ. 1947. № 2, 3.
4. Маршаев Р., Бугаев Б. История лакцев. Махачкала: Редакционно-издательский отдел Госкомиздата ДССР, 1991. 209 с.
5. Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. 71с.
6. Петухов П. Очерк Кайтагско-Табасаранского округа (в Южном Дагестане) // Кавказ. 1867. №13.
7. Страбон. География. IV. 4. 6. 3. 21-24. Юний Юстин. II. 1. Плутарх. Жизнь Помпея. XXXV // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5, Ростов-на-Дону, 1988.
8. Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне URL: www.kvestnik.org/cgi (дата обращения: 16.10.2015).
9. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М.; Л.:Изд-во АН СССР, 1949. 223 с.

ПОДГОТОВКА ЮРИСТОВ В ХАРБИНЕ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1920-х гг.)

Орнацкая Т.А.

к. ист. н., Дальневосточный федеральный университет,
Россия, г. Владивосток

Феномен русского зарубежья исследуется через призму подготовки юристов. Эмигрантская среда, в начале 1920-х гг., нуждалась в учреждениях высшего образования. Появление преподавателей высшей школы дало импульс развития русского образования и русской культуры в Северо-Восточном Китае.

Ключевые слова: высшее образование, эмиграция, юриспруденция, подготовка научных кадров.

Китайский город Харбин с начала XX века стал одним из центров русской культуры. Из России в Маньчжурию в период строительства Китайско-восточной железной дороги прибывали инженеры, рабочие, а также русское купечество развивавшее торговлю между двумя странами. После революций 1917 г. русское население Маньчжурии увеличилось с появлением эмигрантов. Исследователи русского зарубежья упоминают различные цифры русских подданных [1; 5; 6; 12].

Русская диаспора в основном состояла из интеллигентов и дворян, а позднее и семей военнослужащих бывших Белых армий. Молодежь, находившаяся в эмиграции, окончив средние учебные заведения, не имела возможности продолжить образование в России, а в Северо-Восточном Китае высшей школы попросту не было. Исключение составляли лишь мужской и женский институты бизнеса.

Первая попытка открыть вуз в Маньчжурии была предпринята еще в конце июня 1918 г. Для этой цели был учрежден Комитет, возглавляемый

Н. В. Борзовым. Члены Комитета видели свою задачу в том, чтобы дать молодежи, окончившей среднюю школу, высшее юридическое и экономическое образование по типу европейских университетов, но с изучением права и экономики края, а также восточных языков [13, с. 214; 9, с. 178].

С целью начала проведения занятий члены комитета обратились к профессорам вузов Томска с предложением чтения лекционных курсов. Однако профессура не пожелала выезжать в Харбин и Комитет свернул свою деятельность.

Продвижение частей Красной Армии на восток, падение власти А.В. Колчака спровоцировало в 1918-1920 гг. эмигрантскую волну. В Северный Китай прибыли ученые-юристы из сибирских и дальневосточных университетов, что позволило 1 марта 1920 г. открыть в Харбине Высшие экономико-юридические курсы, руководителем которых был избран профессор Н.В. Устрялов. В первый год набора документы подали 98 чел. Состав абитуриентов был крайне неоднороден. Кроме выпускников средних учебных заведений были и военные юристы, представители культа и государственные служащие. Некоторые из студентов записались на курсы лишь ради «воздуха» высшей школы, не имея цели получения образования. Поэтому к концу первого года обучения осталось лишь 15 слушателей, а завершили обучение лишь 4 чел. [10, с. 98]. Преподавательский состав курсов также был неоднороден. Большая его часть имела научное звание – магистр.

Весной 1922 г. специальная комиссия из представителей профессорско-преподавательского состава Государственного Дальневосточного университета выезжала в Харбин для изучения учебного процесса на курсах. Комиссия, найдя преподавание права удовлетворительным, сформировала совместную испытательную комиссию для проведения выпускных экзаменов под руководством профессора В.А. Рязановского [11, л. 7]. 3 июля 1922 г. высшие экономико-юридические курсы в Харбине получили аккредитацию Приамурского правительства и были переименованы в Юридический факультет.

Харбинский факультет состоял из экономического и юридического отделений, которые занимались подготовкой специалистов для коммерческих служб и экономических структур региона. В 1922/1923 учебном году общее количество студентов юридического факультета в Харбине составляло 155 чел., а в дальнейшем оно лишь увеличивалось [3, с. 5-6].

Организационная структура факультета и его программа преподавания базировались на Уставе университетов Российской Империи 1884 г. В состав факультета входило 12 кафедр: Римского права, Гражданского права и гражданского судопроизводства, торгового права и торгового судопроизводства, Истории русского права, Уголовного права и уголовного судопроизводства, Государственного права, Международного права, Административного права, Финансового права, Канонического права, Политэкономии и статистики, Энциклопедии и истории философии права. Преподавательский состав кафедр помимо учебной работы, занимались организацией научной деятельности студентов [4, с. 110].

Учебные программы факультета были ориентированы на дальнейшую работу выпускников в России, поэтому учебные дисциплины были направлены на изучение российской государственности, правовой культуры и формирование национальной идентичности. В вуз принимались лица обоего пола, а языком общения и обучения был русский.

Профессорско-преподавательский состав факультета постоянно изменялся. Приезжали профессора из сибирских университетов: криминалист Н.И. Миролубов, специалист по административному и международному праву В.В. Энгельфельд, лектор финансового права – Н.И. Кохановский. А некоторые, Г.К. Гинс, Н.В. Устрялов, хотя и на короткое время, возвращались в Россию.

Профессорско-преподавательский состав активно занимался научной работой. Осенью 1923 г. профессор Юридического факультета в Харбине Е.М. Чепурновский представил вуз на 3-м Тихоокеанском конгрессе в Токио. Сотрудники факультета выезжали в научные командировки в страны Европы и Азии, финансовую поддержку оказывала администрация КВЖД.

При Юридическом факультете действовала аспирантура, которая поддерживала научное сотрудничество с другими вузами и факультетами, что позволяло заниматься подготовкой научно-педагогических кадров не только для Юридического факультета, но и других вузов региона [8, с. 202]. Научная работа профессоров и аспирантов сводилась к критике советского законодательства и попыткам перестроить китайского право под европейское [2, с. 88].

К середине 1920-х гг. на Юридическом факультете в Харбине профессорско-преподавательский состав состоял из 80 чел., из которых 16 занимали должности профессоров, 2 доцентов и 5 приват-доцентов [7, с. 13].

Оказавшись в эмиграции русская научная интеллигенция предприняла значительные усилия для получения молодежью высшего образования. Основой учебного процесса стали планы и программы дореволюционной России. Изначально подготовка молодых кадров подразумевала их возможность возвращения в несоветскую Россию, однако, со второй половины 1920-х гг. выпускников стали ориентировать на заграничную работу в разных отраслях.

Список литературы

1. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай. 1920-1950-е гг. Хабаровск, 2003.
2. Вестник Маньчжурии. 1928. № 3. С. 88.
3. Известия Юридического Факультета. Харбин. Т.ХI. С. 5-6.
4. Косинова О.А. Юридическое образование российского зарубежья в Китае в первой трети XX века // Современное право. 2007. № 11. С. 110.
5. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991.
6. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917-1924) М., 1997.
7. Павловская М.А. Востоковедение на Юридическом факультете в Харбине (1920-1937 гг.) // Известия Восточного института. 2001. № 6. С. 13.
8. Пономарева В.П. Правовое наследие юридического факультета в городе Харбине 1920-1937 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 202.

9. Пономарева В.П. Феномен юридического факультета в городе Харбине в правовом пространстве русского зарубежья // *Пространство и время*. 2014. № 4. С. 175-182.
10. Потапова И.В. Русская школа в Маньчжурии. 1898-1945 годы. Хабаровск, 2010.
11. РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп.1. Д. 27. Л. 7.
12. Сергеев О.И. Роль российской эмиграции в хозяйственном освоении Барги район Северо-Восточного Китая) // *Исторический опыт освоения восточных районов России. Тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конфер. Кн. 2. Владивосток, 1993. С. 202.*
13. Юридический факультет в городе Харбине (Историческая справка) // *Известия Юридического факультета в Харбине*. Харбин. 1925. Т.1. С. 214.

ВЛИЯНИЕ ВОССТАНИЯ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА НА ЖИЗНЬ АСТРАХАНСКИХ ЮРТОВСКИХ ТАТАР

Торопицын И.В.

доцент кафедры истории России, канд. ист. наук,
Астраханский государственный университет, Россия, г. Астрахань

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия астраханских юртовских татар с восставшим населением Астрахани и казаками под предводительством С.Т. Разина в период 1670–1672 гг., когда Нижнее Поволжье было охвачено пламенем народного восстания. Обосновывается тезис о стремлении многих астраханских татар избежать участия в Разинском восстании, об их отрицательном отношении к действиям восставших и готовности поддержать правящие войска в наведении порядка в Астрахани и ее округе.

Ключевые слова: Астрахань, восстание С.Т. Разина, казаки, астраханские юртовские татары, 1670–1672 гг.

Восстание под предводительством С.Т. Разина стало крупнейшим антиправительственным выступлением на Юге России во второй половине XVII в. Современники и исследователи отмечали не только его широкую географию, но и активную поддержку разинцев со стороны населения нижеволжских городов, а также народов Поволжья. Наряду с этим в историографии имеется крайне мало сведений, которые позволили бы охарактеризовать отношение к Разинскому восстанию астраханских юртовских татар, а между тем оно не могло не затронуть их жизнь, так как Астрахань оказалась в эпицентре рассматриваемых событий.

Источники свидетельствуют, что астраханские юртовские татары находились в составе воинских сил, направленных летом 1670 г. из Астрахани под командой воеводы С.И Львова против отряда С.Т. Разина, вновь появившегося на Волге. Участник тех событий казак Н. Самбуленко утверждал, что С.Т. Разин получил известие о том, что астраханские воеводы выслали против него двухтысячный отряд, состоящий из стрельцов и татар. Но как только разинцы высадились у Черного Яра на берег, стрельцы, по словам Н. Самбуленко, без боя перешли на их сторону, «а татаровя де астраханские побежали в Астрахань» [1, с. 255]. Не исключено, что это могло быть связано со

значительным численным перевесом разинского войска, насчитывавшего около семи тысяч человек, над астраханскими и черноморскими ратными людьми.

8 июня 1670 г. в Астрахань приехал астраханский стрелецкий сотник Д. Тарлыков с черноморским стрельцом, которые сообщили, что на сторону разинцев перешли служилые люди, отправленные из Астрахани во главе с князем С.И. Львовым против С.Т. Разина. Воеводы срочно направили донесение в столицу, которое поручили возглавить тому же сотнику Д. Тарлыкову. Вместе с ним отправились из Астрахани два стрельца и пять юртовских татар [5, с. 247; 4, с. 211].

В ожидании штурма Астрахани местные власти предприняли меры к укреплению города и поднятию боевого духа среди его защитников, однако источники не сообщают, были ли к этому привлечены юртовские татары. Со слов П. Золотарева известно, что в то время как разинцы готовились к штурму Астрахани, на юртовского мурзу Мурзабека Аллашева и его родственников напал ногайский мурза Ямгурчей, который, «взяв насильством Юртовских татар», увел их от Астрахани на Терек [5, с. 250; 4, с. 213].

Накануне захвата Астрахани разинцами ряд астраханских юртовских мурз покинули окрестности города и ушли со своими людьми на Северный Кавказ. В то же время другие группы астраханских татар предпочли остаться в Нижнем Поволжье в надежде переждать на месте беспокойное время [3, с. 188, 240, 253–254].

Взаимоотношения тюркского населения Нижнего Поволжья с разинцами с самого начала были весьма напряженными. Одним из первых от рук восставших пострадал улус джетисанских мурз Урусовых, кочевавший под Царицыным [5, с. 196]. В выписи в доклад в приказ Казанского дворца с отписки симбирского воеводы М. Плещеева о действиях восставших в Нижнем Поволжье от 20 января 1671 г. говорилось: «А как де он, вор, шол Волгою с Царицына в Астрахань и из Астрахани вверх, и в то де время едисанские и енбулцкие и иные многие татарские улусы он разорил. И те татаровя отошли в степь, и где кочуют, того не ведают» [2, с. 535].

Сохранились показания различных людей, утверждавших, что астраханские татары были вовлечены в орбиту Разинского восстания. Воронежец Т. Савастьянов при расспросе в Разрядном приказе 13 августа 1670 г. заявил, что после захвата С.Т. Разиным Астрахани «прибыло де к нему людей в Астрахань качавые татаровя все..., которые государю изменили» [2, с. 15]. Московский стрелец А. Алексинец говорил в той же приказной избе 22 августа 1670 г., что спустя две недели после взятия Астрахани войско С.Т. Разина выступило вверх по Волге к городу Царицыну. «Да с ним же де, Стенькою, пошли из Астрахани кочевных татар человек с 50 конных, и иные кочевные мурзы и татаровя к нему, Стеньке, в Астрахань приезжали» [2, с. 20].

Наряду с этим имеются свидетельства того, что оставшиеся на Нижней Волге юртовцы и представители других тюркских групп оказывали посильную помощь людям, бежавшим из Астрахани от произвола разинцев. П. Золотарев сообщает, что во время резни, устроенной разинцами во время взятия

Астрахани, некоторым духовным, боярским и посадским лицам удалось укрыться «в степи у юртовских татар в улусех, у Казы мирзы Алеева сына Урусова да у сотников татарских у Шемяки Араслаева с товарищи» [4, с. 229]. Астраханские татары не только укрыли у себя таких беглецов, но и помогли некоторым из них добраться до столицы. По сведениям П. Золотарева в июне 1670 г. П. Дубенской и Л. Плохов смогли выехать из Астрахани в Москву в сопровождении юртовских татар, которых они наняли в качестве провожатых. Помощь в этом им оказал юртовский татарский сотник Шемяка Арасланов [4, с. 216].

Царское правительство решило воспользоваться приездом астраханских дворян и послало с их сопровождавшими в Астрахань грамоту к митрополиту Астраханскому и Терскому Иосифу [1, с. 185]. П. Золотарев сообщает, что 2 ноября 1670 г. к митрополиту Иосифу явились юртовские мурзы Енмамет Енаев и «товарищи» и табунные головы и сотники татарские и вручили ему царскую грамоту [4, с. 219].

Следует отметить, что нахождение под Астраханью в период Разинского восстания не гарантировало астраханским юртовским татарам никакой безопасности. В любой момент они могли подвергнуться нападению. К тому же в отличие от царских воевод, астраханская старшина, выбранная восставшими, не предпринимала попыток пресечь междоусобные столкновения тюркских народов в окрестностях Астрахани. Так, 12 февраля 1671 г. к Астрахани приступили многочисленные силы Ямгурчей-мурзы, которые напали на людей джетисанского мурзы Сиюнча Абдулова. Между ними разыгралось настоящее сражение, длившееся целый день, победа в котором досталась нападавшим. Ямгурчей-мурза со своими людьми «всех их попленили и в полон поимали, и скот у них весь и животы пограбили, и их в горы и в Крым отвели». «В то же [время], – сообщает П. Золотарев, – промеж того татарского бою, много пропало и юртовских татар самих, и скот и рухлядь всякую, и жен и детей поимали» [4, с. 228–229].

С появлением в 1671 г. на Нижней Волге царских войск во главе с боярином и воеводой И.Б. Милославским, направленных на подавление Разинского восстания, астраханские юртовские татары, укrywшиеся на Тереке, выступили к Астрахани во главе с князем К.М. Черкасским. Последнему удалось убедить атамана Ф. Шелудяка вступить с ним в переговоры. «И как атаман Фетька из Астрахани переехал за Волгу, – писала в феврале 1672 г. в челобитной царю вдова астраханского юртовского мурзы Кувата Маркашева Маумка, – и сынишко мой с товарищи ево, Фетьку, схватили. И та с[лужба] сынишка моево тебе, великий государь, [изве]стна» [3, с. 188].

Разинское восстание в итоге было повсеместно подавлено, но его влияние на жизнь астраханских юртовских татар было весьма ощутимым. Многие из них погибли или пострадали в ходе разинских погромов либо в столкновениях с другими кочевниками. Астраханский юртовский Эль-мурза Эшмурзин сын Аймурзин отмечал в челобитной, что во время прихода разинцев он со своими людьми, «в юртах покиня все», вынужден был бежать на Терек [3, с. 240–241]. Другой астраханский юртовский мурза Яныбека Эльмурзина

сын Байтереков указывал в своей челобитной, что после разинского «погрому» он скрывался на Тереке, а вернувшись в Нижнее Поволжье после подавления восстания его «улушным людишкам стало питаться нечем» [3, с. 253–254].

Таким образом, можно видеть, что восстание под предводительством С.Т. Разина неблагоприятно сказалось на жизни астраханских юртовских татар. Многие из них вынуждены были уйти с Нижнего Поволжья на Северный Кавказ, а оставшиеся на Волге без защиты со стороны стрельцов находились под постоянной угрозой нападения со стороны разинцев либо других кочевников. Несмотря на это юртовцы скрытно от восставших оказывали помощь всем бежавшим от их произвола, выполняли поручения центральных властей по доставке в Астрахань царских грамот. С приближением к Астрахани царских войск местное тюркское население открыто поддержало правящую в стране власть и оказало содействие воеводе И.Б. Милославскому в подавлении Разинского восстания.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в XVII–XVIII вв.», проект № 14-01-00054/а.

Список литературы

1. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. I. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. – 324 с.
2. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. II. Ч. I. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957.
3. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. III. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 394 с.
4. Летописное сказание Петра Золотарева // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1968. Т. 31. С. 206–233.
5. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857. – 269 с.

СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

ЭКОМУЗЕОЛОГИЯ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Дашкова Е.В.

доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, к. ф. н., доцент,
Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

Ивушкина Е.Б.

профессор кафедры «Туризм и индустрия гостеприимства», д.ф.н., профессор,
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского
государственного технического университета, Россия, г. Шахты

В статье рассмотрена современная музейная деятельность как форма сохранения культурного наследия. Охарактеризованы основные тенденции развития музейной практики на современном этапе. Раскрыто понятие «экомuseum», определены специфика и ресурсы экомuseum.

Ключевые слова: культурное наследие, музей, экомuseum, этнокультура.

Культура – это сложное социально-культурное явление, которое включает процесс и результат человеческой деятельности, проявляясь во всех сферах жизни общества. Культура концентрирует в себе весь исторический опыт человечества. «На земле существуют этносы, отличающихся друг от друга не только по языку, особенностям культуры и традициям, по численности, типу расселения, по статусу в полиэтнических сообществах, в которые они включены целиком или частично» [1, с.4]. Для современной социально-культурной ситуации в мире характерно глобализация и унификации культурного опыта человечества. Культурная глобализация способствует тому, что обособленные ранее культурные миры вступают в единое коммуникативное пространство. Особо важное значение имеют интеграционные процессы в мировом сообществе. «Цивилизацию можно определить как культурное единство, способ выживания представителей разных культур на одном ландшафте» [3, с.48]. К определению культурной интеграции существуют разные подходы: её рассматривают как эстетическую взаимосвязь культурных ценностей; как единство культурных нормам и повседневного поведения человека; как взаимосвязь между традициями и обычаями.

Б. Малиновский в своей работе «Научная теория культуры» рассматривал «культурные практики разных народов как части целостного человеческого «культурного аппарата», он отмечал во всех культурах наличие особых «интегративных потребностей», которые наиболее интенсивно проявляются в нашем современном обществе» [4]. Таким образом, можно сказать что «культурная интеграция – это непрерывный процесс возрастания взаимозависимости между различными культурами, ведущий к формированию целостной гармоничной культурной системы, охватывающей весь современный мир» [6, с.148].

В наше время мы ясно стали осознавать, что будущее России в большой степени зависят от того, насколько мы сможем сохранить богатейшее культурно-историческое наследие нашего многонационального народа. Сегодня очень важно формировать у молодёжи национальное достоинство, что невозможно без осознания собственной культурной самобытности.

В рамках данной статьи мы рассмотрим, какую роль могут играть современные музеи в сохранении и популяризации этнокультуры, в использовании культурной интеграции для сохранения собственной культурной самобытности.

Музейное дело на современном этапе – это одна из самых динамично развивающихся областей культуры в мире. Музей в контексте современной коммерциализации остается наиболее доступным учреждением культуры, способным в силу наличия фондовых коллекций, транслировать культурные ценности различных народов, принимать участие в формировании ценностных ориентиров духовной культуры человека и общества. «Обладая богатейшими коллекциями, музей может использовать их как повод для того, чтобы человек через приобщение к историческому прошлому сумел понять свою роль в настоящем» [2, с.11].

Основные тенденции развития музейной деятельности сегодня таковы:

- музейная деятельность усложняется, внедряются инновационные формы экспозиционно-выставочной и научно-просветительской работы;

- открываются новые музеи: музеи под открытым небом, музеи-заповедники, комплексы с реконструкцией элементов культуры прошлого, музеи-усадьбы и др.;

- интенсифицируется работа по музеефикации памятников культурного наследия различных этносов, собиранию коллекций материального и нематериального наследия, поиску и реставрации предметов музейного значения;

- развивается выставочная деятельность музеев, которая сопровождается не только традиционными формами музейной просветительской работы, но и анимационными программами, музейными фольклорными праздниками, концертами, презентациями книг, созданием кинофильмов;

- музейная практика, на современном этапе, сильно опередила теорию; поэтому необходимо подвести теоретическую базу под новые формы музейной деятельности;

- развиваются новые направления в музейной деятельности: музейная педагогика, научное программирование и моделирование музеев, музейная анимация и др.

Музей в современной социокультурной ситуации включает множественность сущностных характеристик. Поэтому современному музею отводится значительная роль по сохранению, исследованию, интерпретации и популяризации этнокультуры. В современном мире музей – это многофункциональный институт социально-культурной информации, который предназначен для изучения и сохранения культурно-исторических артефактов, накоп-

ления и распространения новой информации. Современный музей сохраняет не только предметы материальной культуры, но и нематериальное культурное наследие народа.

Особой популярностью сейчас пользуются музеи под открытым небом. В одном из своих эссе Андре Мальро назвал их «музеями без стен». В новаторском смысле современный музей – это «активная» категория, здесь применяются анимационные средства, аудиовизуальные и игровые методы, исторические реконструкции и культурные инсценировки. Все это происходит в соответствии Квебекской декларацией (1984 г.), которая призывала к переходу от традиционного музея к музею «активному», инновационному. Поэтому трактовка музея в современном обществе приобрела интеграционный характер. Здесь синтезируются принципы музея как научного учреждения и коммуникационные процессы с различными категориями посетителей. Примером такой интеграции может служить краеведческий музей им. Хусейна Исаева в с. Итум-Кали (Чеченская Республика).

Результатом использования новых форм взаимодействия музея и общества являются экомuzeи. Но в этом понятии, мы говорим не о сохранении природной среды, а о активном пространстве, где происходит синтез природы, культуры и традиционной социально-экономической жизни населения конкретного региона (деревни, хутора, станицы и т.д.). Другими словами – это инновационный этнографический музей под открытым небом, который не только сохраняет функции традиционного музея, но и воссоздают традиционную жизнь конкретного этноса. На территории экомuzeя, люди живут обычной жизнью, занимаются ремеслами или традиционными формами сельского хозяйства, а вся их жизнь, окруженная природно-хозяйственными и этнографическими атрибутами, является объектом музейного показа.

«Экомuzeй – это тип музея, отличающийся от прочих наибольшей степенью интенсивности взаимодействия с социальной. средой, максимальной полнотой включённости музейной деятельности в другие общественные процессы, протекающие на конкретной территории, новое явление в типологическом спектре музейных учреждений, ставшее результатом тенденции к постепенному нарастанию интеграции музеев в культурные процессы, происходящие на региональном уровне» [5, с. 350].

Открытие и развитие экомuzeев в мире тесно связано с общественным интересом к проблемам регионального культурного развития и сохранения этносреды. Первые экомuzeи появились во Франции на основе региональных парков. Термин «экомuzeй» был предложен Ю. де Варин-Боан в 1971 г. «Экомuzeй – зеркало, в котором люди могут увидеть и узнать, а также приобрести знания о местности, в которой они проживают, тех, кто жил здесь раньше, независимо от того, существовала преемственность поколений или нет. Приезжие также получают возможность изнутри в этом зеркале увидеть и лучше познакомиться с трудом, традициями места населения и проникнуться к нему уважением. ...Экомuzeй не замыкается в себе, а активно взаимодействует с окружающим миром» [5, с.351].

Эти инновационные социально-культурные учреждения отличает более

широкая научно-просветительная деятельность, которая направлена не только на распространение знаний о музеефицированных памятниках материальной культуры, но и на сохранение нематериальных культурных ценностей народа. Термин «экомузей», не принято расшифровывать как «экологический музей», поскольку этот музей не только сохраняет природные ландшафты, сколько сохраняет коммуникационную среду. Его замысел гораздо шире и связан с комплексным пониманием и сохранением социальной среды человека.

Концепция экомузея разрабатывалась и Ж.А. Ривьером, и его идеи были отражены в последнем варианте «Эволюционного определения экомузея». «Экомузей планируется, создается и используется совместно населением и местными органами власти. Последние участвуют в этой деятельности, предоставляя специалистов и все необходимое, в том числе финансовые средства. Участие индивида зависит от его запросов, уровня знаний и отношения к данной деятельности», – пишет Ж.А. Ривьер [7, с. 2-3]. В представлении Ж.А. Ривьера экомузей – это лаборатория, где можно познакомиться с прошлым и настоящим местного населения и приобщиться к традициям и обычаям определенного народа. Экомузей способствует сохранению именно этнокультурного наследия. Концепция экомузея Ж.А. Ривьера получила дальнейшее развитие в работах Юга де Барина, М. Керьена, Ч. Энгстрема и других. Воплощенные в практику проекты экомузеев показывают, что структура этих учреждений в каждом отдельном случае уникальна. Это может быть и тематический парк-музей, и этнографический музей-заповедник, и музей промышленного наследия. Вместе с тем всем экомузеям присущи общие черты: это научное учреждение, где ведется активная научно-исследовательская работа, связанная с конкретной территорией, с конкретным этносом, его традиционной культурой. При организации экомузея большое внимание уделяется участию в его работе местного населения и региональных властей. Только их взаимодействие может дать положительный результат в сохранении и популяризации культурного наследия определенного региона.

Региональный характер является яркой отличительной чертой экомузеев. Их деятельность может охватывать целый регион, который представляет собой единое целое в силу общности природы, традиций и производственной деятельности.

В фондах экомузея должны находиться коллекции традиционного типа, то есть музейные предметы, подлежащие традиционному контролю и хранению. Но все-таки основное достояние экомузея – это нематериальные культурные ресурсы (традиции, обряды, фольклор, народное искусство). Ведь деятельность экомузея состоит не только в музеефикации объектов, но и в сохранении умений, навыков, технического мастерства и устного творчества определенного народа.

Формы деятельности экомузея самые различные. Являясь центром

научных исследований и экспозиционной площадкой, на базе экомузеев проходят семинары и коллоквиумы, работают экспозиции и передвижные выставки, проводятся экскурсии и анимационные программы, музейные праздники. Как правило, экомузей выходит за рамки чисто познавательной деятельности. Результаты его исследований в виде информации, образовательных программ, фестивалей, конференций имеют не только региональное, но и международное значение. В итоге работа экомuzeя не только развивает интерес жителей к своему району и культуре, но и обеспечивает их участие в развитии туристской деятельности в регионе и стране в целом.

Но не все объекты, имеющие культурно-историческое значение, можно назвать экомuzeями. Популярность в современном мире получило рекреационное освоение старинных архитектурных объектов. В замках, дворцах, фортах, в мельницах и т.д. открываются гостиницы, рестораны, кафе. Они становятся известными благодаря лишь своей экстерьерной и интерьерной «культурной» начинке. Однако в этих заведениях, по сравнению с экомuzeями, предметная среда является только декоративной оболочкой, а не культурно-творческой площадкой.

В проектировании экомuzeев существует четкое правило: экспозиция не выдумывается, а воссоздается на основе специфических особенностей данного места (района, поселения, дома), подлежащего музеефикации. История Чеченской республики позволяет найти места для подобного «живого» освоения исторических памятников. Ведь республика имеет огромный плюс, в том, что здесь сохранились старейшие памятники архитектуры на своих исконных местах (боевые башни в горах, средневековые аулы). «Живое» культурное пространство существует, и нет необходимости создавать новодел, как это происходит при создании некоторых современных музеев. Например, на территории Аргунского музея-заповедника до «экомuzeя» остался шаг: данный музей-заповедник обладают реально-историческими объектами, объединенными целостной образно-сюжетной концепцией.

Отличительные черты экомuzeев определяются наличием в системе его деятельности социально-средовой составляющей. Она может быть представлена некоторой исторически освоенной территорией и определенными традициями, стилем жизни, быта, профессиональными занятиями, характерными для данного места или региона. Об экомuzeе, можно говорить лишь тогда, когда музей составляет единое целое с окружающей его социально-культурной средой, выступая по отношению к ней как технология её самосохранения и саморазвития. Этот принцип дает возможность непосредственно влиять на судьбу музея, участвуя во всех видах его деятельности или формируя его программы, а музей, привлекая на данную территорию дополнительные субсидии, способствует развитию этнографического туризма, стимулирует хозяйственную и культурную активную деятельность.

Также ресурсом развития экомuzeев является социальная энергия жи-

телей конкретной локальной территории и их заинтересованность в сохранении уникальной этнокультуры своей местности. Экомузеи, в своей работе должны уделять большое внимание таким направлениям, как музейная педагогика. Воспитание молодого поколения, знающего свою историю, культуру, традиции и ценностные ориентиры одна из главных целей современного музейного дела. В рамках культурных анимационных программ, что экспонаты в экомузеех начинают восприниматься более чем музейный предмет, они несут значительную смысловую и символическую нагрузку и становятся своеобразным историческим документом конкретного места, его культуры, истории и окружающей среды.

Таким образом, «экомузеи» становятся местами взаимодействия научных исследований, материальной культуры и практического опыта местного населения. На современном этапе такие музеи выполняют не только образовательные и воспитательные функции, но появилась и новая функция музея – организации досуга, когда вся информация об определенном этносе, событиях, отдельной эпохе, представляется не в форме традиционной лекции или экскурсии, а в иных нетрадиционных формах: анимационных программах, спектаклях, концертах, фестивалях. Так перед современным экомузеем стоит двойственная задача: сохранение культурного наследия для наших потомков и открытие культурного наследия народов нашей многонациональной Родины, для наших современников.

Список литературы

1. Ивушкина Е.Б., Катеринич О.А. Философский анализ этничности в поле межкультурного взаимодействия (на примере истории российской цивилизации): монография. Шахты: ФГБОУ ВПО «ЮРГУЭС», 2012. 115 с.
2. Лаптева, М.А. Музей как социальный институт (социально-философский анализ): Дис.... канд. филос. наук : 09.00.11; Сиб. гос. аэрокосм. ун-т им. ак. М.В.Решетнева. Красноярск, 2006. 149 с.
3. Лихачев, Д.С. (Несколько мыслей) о роли культуры в формировании общеевропейского дома // Слово и образ: сборник в честь 75-летия профессора Е.А.Маймина. Псков: ПГПИ им. С.М.Кирова, 1996. 133 с.
4. Малиновский, Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И.В. Утехина; сост. и вст. ст. А.К. Байбурина. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
5. Никишин, Н.А. Экомузеи // Российская музейная энциклопедия. В 2 т. Т.2. М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. С. 350-351.
6. Николаев, В.Г. Интеграция // Культурология. XX век : словарь. СПб: Университетская книга, 1997. 640 с.
7. Ривьер Ж.А. Эволюционное определение экомузея // Museum. 1985. №148. С. 2-3.

ДИРИЖЕРСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА МАЛЬКО (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Довганич М.Н.

доцент, заслуженный деятель культуры
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры,
Россия, г. Ханты-Мансийск

Сенченко Л.И.

доцент кафедры пения, дирижирования, музыкально-теоретических дисциплин,
Мукачевский государственный университет, Украина, г. Мукачево

Ковалёва Л.А.

доцент, преподаватель,
Детская школа искусств и народных ремёсел, Россия, г. Ханты-Мансийск

В данной статье рассматривается педагогическая и дирижерская деятельность Николая Малько, разработанные им специальные учебные программы по дирижированию, организация дирижерских классов в Киеве.

Ключевые слова: дирижирование, оркестровый класс, учебные программы, дирижерское образование.

Дирижирование – одно из сложнейших и относительно молодых музыкально-исполнительских специальностей. Как самостоятельный вид исполнительской деятельности, оно окончательно сформировалось во второй половине XIX столетия. Создание теоретических основ дирижирования остается проблемой и современного искусствоведения. Среди музыкантов существовало мнение о нецелесообразности учебы дирижерскому искусству, а достаточно лишь способностей, соединенных с музыкально-теоретическим образованием, что технике можно обучиться практикуя с коллективом. Не случайно Леопольд Стоковский квалифицирует дирижирование как одно из самых туманных и неверно понятых областей музыкального искусства.

Практика значительно опередила теорию. Однако потребность в теории возросла особенно в сфере учебы дирижерскому искусству.

В России в конце XIX начала XX столетий активную дирижерскую деятельность проводили выдающиеся композиторы П.Чайковский, Н.Римский-Корсаков, С.Рахманинов, С.Танеев. Профессиональных дирижеров, функционирующие тогда консерватории, не готовили, на что неоднократно указывали передовые русские музыканты. Нехватка профессиональных дирижеров в России требовала приглашения специалистов-иностранцев. Некоторые из таких как чех А.Направник, итальянец Дриго приобрели в России вторую родину. Творчество этих мастеров стало неотъемлемой частью русской музыкальной культуры. Являясь выдающимся дирижером и композитором, Е.Ф.Направник воспитал профессиональное мастерство русских дирижеров

Е.Крушевицкого, Ф.Блюменфельда, М.Черепнина. С 1905 года класс дирижирования существовал только в Петербургской консерватории под руководством Н.Черепнина, у которого получил фундаментальные знания по дирижированию Николай Малько.

Николай Малько всемирно известный дирижер родился в Браилове Подольской губернии в семье любителей музыки. Первые уроки игры на фортепиано он получил от своей матери. В дальнейшем обучение продолжил в гимназии и музыкальных курсах Лангрена в Одессе. В 1901 году поступил на историко-филологический факультет и параллельно в Петербургскую консерваторию. По композиции Малько занимался у Н.Римского-Корсакова, А.Лядова, К.Глазунова. В 1909 году он дебютировал в Мариинском театре в качестве ассистента дирижера балета. С 1916 года стал главным дирижером театра. Талантливый исполнитель Николай Малько совершенствовал свое дирижерское мастерство в Мюнхене у Феликса Мотля, ученика Рихарда Вагнера. В Ленинградской консерватории он руководил оркестрами, совершил ряд премьер, среди которых 5 симфония Мясковского, первая симфония Шостаковича.

В 20-е годы XX столетия профессор Малько одним из первых поставил вопрос о необходимости специального дирижерского образования на уровне высшей школы (466). С 70-х годов опубликовано немало работ, посвященных вопросам теории и методики дирижирования. Малько в постоянных поисках научного обоснования воспитания, образования и дирижерской эстетики. Он пишет о неподготовленности широкой аудитории к восприятию дирижера, его роли и значения в процессе исполнения о невозможности слушателя отличить впечатления зрительные и слуховые. По его глубокому убеждению дирижер должен быть не только исполнителем, но и музыкальным руководителем, перед которым стоят задачи, требования, условия современности. Эти обстоятельства дают возможность говорить об общественном значении дирижера.

В начале советской эпохи Малько положительно относился к новому режиму. Он стал одним из известнейших фигур музыкального искусства. Дирижер откликнулся на требования времени, возглавив Витебскую народную консерваторию. Сам он называет работу с Витебским оркестром педагогической, поднимая и совершенствуя исполнительскую культуру как педагог-воспитатель. Открытие народных консерваторий соответствовало тенденциям всемирной демократизации системы музыкального образования. Музыка должна существовать для всех (оркестры в армии, школах, музыкально-драматических театрах, цирках, кино). Главной задачей в деле дирижирования Николай Андреевич считал образование новых работников-инструкторов, организаторов, педагогов, дирижеров.

Николай Малько первым предложил пересмотреть ориентиры дирижерского образования. Он раскрыл сущность дирижерского искусства, видя в дирижировании прежде всего исполнительскую функцию. Преподавая в Ленинградской и Киевской консерваториях, Малько требовал перевода дирижерского класса с теоретического факультета на исполнительский. Им были

утверждены вступительные, переходные экзамены, требования и программы всех лет обучения на дирижерском факультете.

Целесообразно остановиться на некоторых аспектах учебных программ известного педагога. Придавая большое значение внутреннему слуху, отличному сольфеджированию и знанию нот в ключах, Николай Андреевич один из первых ввел в учебные программы предмет «слуховые навыки», куда вошло все, что относится к чтению с листа, а также умение быстро и точно записывать сложнейшие диктанты. На дирижерском факультете Малько вводит следующие дисциплины: дирижирование (теория и практика), чтение партитур, транспонирование, транспозиция, история партитуры (некоторые ее аспекты), игра на оркестровых инструментах, воспитание голоса, теоретические предметы (ладовый ритм, полифонический стиль), дирижерская физкультура, фехтование.

Какими методическими рекомендациями руководствовался выдающийся педагог в классе симфонического дирижирования? У каждого дирижера как минимум должно быть два пианиста для исполнения симфонических произведений. Студент обязан усвоить с пианистом произведение для показа в классе, подготовиться к ответам по исполняемым произведениям. Это своеобразный коллоквиум, без которого нельзя начинать дирижировать. Педагог после выступления студента обращался к присутствующим с предложением высказать свое мнение по поводу исполняемого произведения. Малько анализировал сказанное критиками и дирижером. Это способствовало положительному результату в работе со студентом, заставляя его самостоятельно думать и работать. Иссай Шерман писал: «Малько постоянно боролся с формальным тактированием. Если ученик читал в партитуре только то, что было на поверхности, профессор приходил в ярость». Он называл такое исполнение «сдачей протокола». Но для него было радостью, когда кто-либо из учеников находил новое в музыке. Студенты Киевской консерватории класса Малько передали в Ленинградскую консерваторию программы кафедры симфонического дирижирования, чем продолжили методику воспитания дирижера, заложенную выдающимся педагогом еще в Киеве в 1924 – 1925 годах.

Музыкальной традицией того периода в Киеве были летние и зимние концерты в зале Купеческого Собрания под руководством талантливого музыканта Льва Петровича Штейнберга. По приезду в Киев, Малько стал заниматься концертно-исполнительской деятельностью. Летом 1923 года Николай Андреевич выступил с симфоническим оркестром оперного театра, исполнив 4 симфонию П.Чайковского, фрагменты из опер Н.Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже», «Золотой петушок». Появление нового дирижера вызвало большую заинтересованность у студентов дирижерского класса консерватории. Малько отличался от предыдущего дирижера своеобразным подходом к оркестровой работе. Высказывался лаконично и ясно. Результат был ошеломляющим. «Игра оркестра была на грани своих возможностей». Впервые в Украине талантливый дирижер поднял оркестровое мастерство как в практической, так и в педагогической работе – в

классе дирижирования. Он преподавал в музыкально-драматическом институте им. Н.Лысенка, в который была реорганизована Киевская консерватория. Ученик Малько Н. Покровский писал: «Нас увлекала его сдержанная дирижерская техника. Особое впечатление произвела несвойственная ранее киевскому оркестру согласованность, организованность, мягкость звучания». Систематические симфонические встречи с участием оперного оркестра под руководством маэстро были событием в Киеве. Выступали с коллективом молодой пианист В. Горовец, скрипач И. Мильштейн, профессора Г. Беклемишев, С. Тарновский, академическая капелла «Думка». Посетив репетицию капеллы дирижер был изумлен мощным звучанием. Среди хористов были будущие звезды оперного искусства З. Гайдай, В. Гужова, И. Тоцкий, С. Данченко, М. Платонов. Совместно с «Думкой» оркестр исполнил 9 симфонию Л. Бетховена, хоры из опер «Майстерзингеры» Р. Вагнера, поэму «Экстаза» А. Скрябина, новые композиции С. Прокофьева и И. Стравинского. Совместная работа двух коллективов благотворно повлияла на творческий рост капеллы.

Нестор Феофанович Городовенко, основатель капеллы, владел редким слухом, был отличным сольфеджистом, темпераментным дирижером, быстро изучал произведения «на слух». «Думка» с оркестром под руководством Малько начала исполнять крупные хоровые произведения. Руководитель хоровой капеллы владел дирижерским почерком, далеко не безупречным, который значительно отличался от оркестрового, построенного на метроритмической основе. При четком тактировании дирижера-симфониста хор быстро превращался на ритмически слаженный, послушный организм. Гастролируя в Берлине, капелла получила в подарок сборник хоровых произведений М. Равеля, К. Дебюсси, «Скупого рыцаря» Ф. Листа, который вошел в гастрольную программу в Париже. Расширение классического репертуара капеллы обогатило ее художественный потенциал. Малько убедил Городовенка исполнить народные песни Порфирия Демущкого, которые имели триумфальный успех в Европе.

В 1929 году Малько эмигрировал за границу, работая в качестве приглашенного дирижера в Вене, Праге, Копенгагене, Лондоне. В 30-е годы он создает высокопрофессиональный оркестр в Дании Копенгагене. В 1940 году дирижер руководит различными коллективами в Чикаго, преподает в колледже в Калифорнии. В 1957 году Малько создает симфонический оркестр в Сиднее, с которым совершает гастрольную поездку по Советскому Союзу. Николай Андреевич является основателем симфонической культуры Австралии. Его именем назван конкурс молодых исполнителей, проводимый в этой стране с 1964 года. Известный дирижер сделал ряд записей с Копенгагенским и Лондонским королевскими симфоническими оркестрами. Он является автором книги об искусстве дирижирования «Дирижер и его палочка», которая выдана в Копенгагене в 1959 году. Н. Малько был преемником Бруно Вальтера на Высших курсах в Зальцбургском Моцарттеуме, где читал основы дирижерского мастерства.

Опубликовано множество рецензий на симфонические концерты ма-

эстро, на приемы его мануальной техники, стиль руководства, художественно- исполнительские особенности.

Более четырех десятилетий фамилия выдающегося дирижера, педагога, научного деятеля умалчивалась в прессе. Только в современных условиях появилась возможность открывать имена выдающихся соотечественников-эмигрантов, одним из которых был Николай Андреевич Малько.

Список литературы

1. Ержемский Г.Л. Психология дирижирования. – М. : Музыка, 1988.
2. Лашенко А.П., Малоземова О.И., Гусарук Т.В. Академия Музыкальной элиты Украины. – К.: Музыкальная Украина, 2004.
3. Малько Н.А. Воспоминания, статьи, письма. – Л. : Музыка, 1972.
4. Малько Н.А. Основы техники дирижирования. – М.; Л.: 1965.
5. Покровский М. Неизвестное об известном // Музыка (1–3), 2000.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ермишина Н.Д.

профессор кафедры истории и культурологии, канд. ист. наук, доцент,
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Россия, г. Москва

В научных исследованиях массовая культура часто характеризуется как негативное явление. Однако она претерпела большие изменения в процессе своего развития. В современном обществе с усилением интеграционных процессов массовая культура является неотъемлемой частью нашей жизни, побуждает людей быть более активными.

Ключевые слова: массовая культура, элитарная культура, социально-культурная среда, общество, средства массовой информации.

Культуру нашей повседневной жизни часто называют массовой. В современной жизни с увеличением интеграционных процессов мы вынуждены в большем или меньшем объеме прибегать к использованию культурной продукции, которая ежедневно производится в больших объемах. Такую культурную продукцию называют массовой культурой. Этот термин используется как альтернатива элитарной культуре. Однако, если артефакты элитарной культуры создаются и потребляются только элитой общества, то массовая культура воспринимается чаще всего всем обществом независимо от того, относит человек сам себя к элите или к массе.

Несмотря на то, что деление культуры на массовую и элитарную можно проследить еще много веков назад, массовая культура стала неотъемлемой характеристикой современного общества [1, с. 445]. Средства массовой информации активизировали ее проявление в США на рубеже XIX–XX веков. Тогда появилось понятие «всеобъемлющая массовизация жизни». Это означало, с одной стороны – приобщение значительных слоев населения к одним и тем же потокам информации, с другой стороны – активную роль этих самых слоев населения во всех социальных сферах.

С начала XX века появляется активный интерес ученых к такому явлению, как разделение культуры на массовую и элитарную. В большинстве своем исследователи давали отрицательную оценку массовой культуре. А. Шопенгауэр и Ф. Ницше считали, что «высокие» произведения культуры принципиально недоступны для подавляющей массы людей. Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) в работе «Восстание масс» отождествляет понятия «масса» и «толпа». «Масса – это средний человек», который выдвигается на авансцену истории из-за «низкого качества культуры», когда человек данной культуры «не отличается от остальных и повторяет общий тип» [5, с. 309]. Американский социолог Д. Белл в работе «Конец идеологии» пишет, что массы есть воплощение стадности, шаблонности.

Негативный оттенок преобладает и в оценке произведений искусства, которые традиционно относят к массовой культуре: популярную эстрадную музыку, современные детективы в литературе, боевики и «мыльные оперы» в кинематографе, однообразные статуи политических вождей.

Позитивную оценку развития массовой культуры в современном обществе дал в 40–50-е гг. XX в. канадский социолог Герберт Маршал Маклюэн. Он доказывает, что массовая культура развивается благодаря средствам массовой информации. Если печатная техника, по его словам, создала публику, то массу создала «экранная культура»: кинопроектор, телевизор, видеоаппаратура. Наибольший поток информации мы воспринимаем с экрана – от компьютера до маленького экрана на сотовом телефоне. Благодаря электронной технике население всей планеты приобщается к одним и тем же информационным потокам. В современном обществе родился новый вид культуры – электронный [1, с. 446]. Современного человека Маклюэн называет «новым племенным человеком», так как он, как и древний человек, живет мифами. Складывается определенная картина мира, увиденная не собственными глазами, а представленная СМИ. Это позволяет миллионам людей приобщиться к мировым культурным ценностям, но в то же время массовая культура способствует примитивному пониманию многих проблем. Следовательно, оценка развития массовой культуры не может быть однозначна.

Если в середине XX века массы воспринимались синонимом толпы или стадности, то в начале нового столетия именно массовая культура заставляет людей становиться социально активными. Сегодняшний мир дает оценку культурному развитию страны не только по уровню вклада отдельных личностей в мировую культуру. Учитывается все: образование общества, охрана культурного наследия, творческая активность населения. С одной стороны, в массовую культуру втягиваются социально активные члены общества, с другой стороны, само восприятие артефактов массовой культуры заставляет людей активизироваться.

В период активных интеграционных процессов массовая культура не может трактоваться как примитивная. За период с начала научного интереса к самому этому понятию массовая культура не только захватила все человечество, проникла во многие виды искусства, но и стала разнообразной. Внут-

ри самой массовой культуры сейчас можно выделить множество слоев, создающих своеобразную иерархию в массовой культуре.

Если применять периодизацию истории общества Э. Тоффлера, то массовую культуру явно надо отнести к явлению «второй волны» [6, с. 278]. Э. Тоффлер определяет, что именно индустриальное общество, появившееся в результате «второй волны перемен» постепенно создает массовую культуру. Постоянная пропаганда стандартизированного образного ряда привела к формированию «массового сознания». Индустриализация приводит не только к интеграции экономики, но и к однотипному взгляду на мир.

В социальном плане массовая культура формирует новый общественный слой, получивший название «средний класс» [3, с. 216]. Он же сделал и столь популярной массовую культуру. В нашей стране чаще всего определение среднего класса трактуется только с экономической точки зрения. Однако, если принимать во внимание другой показатель, а именно – средний класс, как потребитель массовой культуры, – то в нашей стране выделить его оказывается еще труднее. Потребителем массовой культуры оказывается и заводской рабочий, и неожиданно разбогатевший предприниматель, и некоторые представители политической элиты. И одновременно рядом с ними, в этих же социальных слоях, находятся те, кто массовую культуру резко критикует, а иногда и ненавидит.

Массовая культура в настоящее время всё больше овладевает материальным и духовным бытием человека. С одной стороны, она помогает снять излишнее напряжение, отвлечь от болезни. С другой стороны, она тяготеет к излишней упрощённости. При дальнейшей интеграции экономики, образования, искусства необходимо удерживать массовую культуру от примитивности. Она должна быть легкой в усвоении, но не грубой и не пошлой. Это не исключает необходимость существования элитарной культуры. Но при наличии высокой культуры, пусть год от года массовая культура поднимается на все более высокий уровень.

Список литературы

1. Ермишина Н.Д. Современное студенчество и экранная культура/ материалы международной научно-методической конференции «Информатизация инженерного образования» – ИНФОРИНО-2012 (Москва, 10–11 апреля 2012 г.). М.: Издательский дом МЭИ, 2012. С. 445-446
2. Лопарёв А.В., Ермишина Н.Д., Развитие русского национального характера в геополитических, культурных и идеологических условиях/ Вестник Университета (Государственный университет управления) №20. – М.: ФГБОУВПО «Государственный университет управления», 2013.С. 213-218.
3. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. – М.: Фонд «Мир», Академический Проект, 2005.
4. Маклюэн М., Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Канон-Пресс/Кучково поле, 2003.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
6. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 2002.

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМИОТИКИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО КОСТЮМА

Зимина О.А.

доцент кафедры дизайна костюма, канд. пед. наук,
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье автором рассматривается формирование семиотики кубанского казачьего костюма с точки зрения влияния исторических факторов и взаимодействия нескольких территориальных культур, несущих свои индивидуальные знаковые символы.

Ключевые слова: кубанский казачий костюм, семиотика, психосемиотика, коммуникативность костюма, взаимодействие территориальных культур.

Изучение общественного мнения граждан России подтверждает возрастающий интерес к возрождению национальных обычаев, рост патриотизма, отказ от искусственно внедрившихся западных «ценностей», которые во многом дискредитированы политикой толерантности. Одним из проявлений измененного общественного сознания становится самоидентификация народов России как «русских» и как носителей определенных этнотрадиций. В этой связи актуальным представляется создание системы психосемиотики традиционного костюма.

В зонах проживания казачества указанная проблема имеет тем большее значение, чем активнее молодежь поддерживает идеи служения России в составе казачьих формирований, чем значимее становится принадлежность к казачеству. Казачий костюм становится информационным языком историко-культурного наследия.

Актуальность проблемы также обусловлена возникшим интересом к этническим тенденциям в проектировании традиционного казачьего костюма: современного, профессионального и сценического в Краснодарском крае, что связано с ростом влияния индикативных и коммуникативных функций семиотических проявлений жителей Кубани, социально и психологически отождествляющих себя с кубанским казачеством.

Значительное количество исследований по традиционной одежде народов России XIX – XX вв. было выполнено на основе сравнительно-этнографической методики, рассматривающей костюм как важный источник изучения проблем этногенеза, этнической истории и межэтнических взаимодействий. Это работы отечественных исследователей-этнографов: Г. С. Масловой, Н. И. Лебедевой, Н. И. Гаген-Торн, С. Ш. Гаджиевой, Н. П. Гринковой, В. С. Зеленчука, С. В. Иванова, Т. А. Крюковой, Л. А. Молчановой, Т. А. Николаевой, Г. Н. Прытковой, Е. Н. Студенецкой, О. А. Сухаревой, Л. Н. Чижиковой, Н. М. Шмелевой и др. Важными для изучения народного костюма являлись и публикации искусствоведов, историков моды, художников, специалистов легкой промышленности: Г. С. Гориной, А. Ф. Бланк, В. Б. Богомолова, А. А. Васильева, Т. В. Козловой, М. Н. Мерцаловой, Л. В. Орловой, Ф. М. Пармона, Т. К. Стриженовой и др [4; 5; 6;].

В Краснодарском крае проводятся отдельные разрозненные исследования кубанского казачьего костюма, но отсутствуют комплексные исследования указанного явления, в котором эти наработки дали бы полную картину системы психосемиотики традиционного кубанского костюма, позволяющую систематизировать и применять элементы костюма в качестве этнотенденций в проектировании казачьего костюма различного назначения.

Традиционный костюм, наряду с языком, мифом и обрядом, образовывал единую знаковую систему. Одним из первых исследователей, обративших внимание на это обстоятельство, был П.Г. Богатырев, выделивший в народном и историческом костюмах практическую утилитарную, эстетическую, социальную, половую и моральную функции (П.Г. Богатырев, 1971). Таким образом, стало ясно, что каждая из этих функций создает в реальном бытовании свою собственную знаковую подсистему, в известном смысле завершая семиотическую конструкцию, причём настолько сложную, что ее изучение будет продолжаться еще длительной чередой исследователей.

Многие исследователи сходятся в том, что существенное значение в распространении культуры костюма имеет культура (моностилистическая или полистилистическая), в которой он находится.

Сущность коммуникативности костюма связана с тем, что с одной стороны, он выполняет экзистенциальные функции и является элементом материальной действительности, а с другой стороны, являясь знаком, он несет в себе большое количество элементов условности, в том числе и условностей, обусловленных культурой. С точки зрения межкультурной коммуникации и ее развития, костюм можно рассматривать как некоторый текст, проявление разноуровневой информации о стиле, моде, эстетических и научных концепциях данного времени, уровне материальной жизни общества и культуры [2].

В результате анализа, проведённого Т.Л. Макаровой, и обобщения данных по семантике символов, выделяют девять групп символов, которые целесообразно использовать при работах по семантике кубанского костюма:

1) простые и древние символы: вертикаль, горизонталь, диагональ, вертикальные, горизонтальные и диагональные полосы, угол, зигзаг, крест;

2) символы творения, солнца и рождения, перехода, развития спирали жизни: точка, круг, круг с точкой в центре, концентрические круги, спираль;

3) символы земли и плодородия: ромб, квадрат; гармонии неба и земли: квадрат с аркой; переходного состояния, изменчивости; «мирового яйца»: волна, овал; платоновы тела, символически связанные с сотворением мира, символы неба и земли: куб, шар, верхний полукруг, нижний полукруг;

4) символы роста, расцвета, созревания: цветок, лист, дерево, плод; любви: сердце; стабилизации (дом);

5) символы действующих в сознании человека установок: чуждых творческому «Я» человека (клетка, иероглиф), возвышенных чувств и животных страстей (человек, животное); света, путеводной звезды: звезда;

6) символы мужского и женского начала, природных стихий огня и воды: треугольник вершиной вверх, треугольник вершиной вниз, две трапеции;

7) символы матрицы мира, трансформации и равновесия (три вида многоугольников); символ прихода новой положительной информации как живой «воды»: капля;

8) символы технического прогресса: позитивных и негативных механизмов, машин, – как образов и установок, влияющих на человека;

9) группы цветов: белые, яркие, светлые пастельные, серые, серебристые пастельные, тёмные, чёрные [3].

Определенное время изучение знаковых функций костюма было несколько оторвано от контекста культуры, происходило как бы вне анализа исторически менявшейся культурной ситуации. Вместе с тем, именно в XX веке эти проблемы получили широкое освещение в науке, когда был накоплен богатый материал, свидетельствующий о значительной роли предметного искусства, в рамках которого может рассматриваться и костюм, причем, не только в современной культуре, но и в наследовании традиций предыдущих эпох. В этом случае большое значение приобрела этносемиотика, изучающая воздействие на язык искусства различных факторов, в том числе костюма и предметов быта.

Развитие семиотики как науки о знаках и знаковых системах первоначально в лингвистических, а затем и нелингвистических коммуникациях, позволило применить ее постулаты для изучения костюма. В определениях знаковой системы и других понятий семиотики существуют различные точки зрения, известные по работам современных исследователей, а также ученых прошлых лет, в том числе М.М. Бахтина, П. Г. Богатырева, П. А. Флоренского, а также зарубежных ученых – Ролана Барта, Клода Леви-Строса, Умберто Эко и других.

Практически народный костюм целесообразно рассматривать как социокод, который фиксирует определенные характеристики конкретной культуры и, вместе с тем, является посредником среди типов культур различных хронологических периодов и разных этносов, осуществляя коммуникацию, трансляцию и усвоение определенной, значимой для данной культуры информации. Важным моментом является при этом неизменность традиционного костюма на протяжении длительного времени.

Костюм – значимый элемент традиционного образа жизни, поэтому ассоциативные источники в дизайне одежды обращены к этнокультурной специфике в развитии форм костюма, к стилистике образов. История развития традиционного костюма связана с изменением силуэтных форм и конструкций на протяжении всего времени существования народа. Смену форм одежды определяет ход исторических событий, степень развития ремесел, декоративно-прикладного искусства, материально-технический потенциал общества и эстетика образов. Так, проникновение в традиционную казачью одежду тканей и дополнений фабричного производства, городской моды стало причиной, изменившей облик носителей. Социальная дифференциация выражалась при этом только в качестве применяемых тканей.

Приведем описание казачьего костюма: «Вседневную одежду конного черноморского казака составляют:

- обыкновенная военная шинель, не заменяющая черкески, полушубка и бурки и прибавляющая лишнюю тяжесть к седельному вьюку;
- черкесская шапка с красным верхом;
- синие шаровары;
- синяя черкеска с жестяными газырями (нагрудным патронником);
- красный стамедовый бешмет (исподний кафтан) с суконным того же цвета, застегнутым на крючки, воротником составляют мундир.

На гвардейском казаке:

- синий суконный исподний кафтан;
- красная верхняя черкеска, которой рукава отброшены за спину.

В этом мундире соединились для черноморского казака его прошедшее и настоящее: сзади кунтуш гетманской Украины и спереди боевой наряд Кавказских гор. Вообще же в форменной одежде строевых частей Черноморского войска выразилось колебание между одеждой Кавказских гор и одеждой казацкой старины.

Вне строя, в походном и домашнем быту, казаки носят черкесскую одежду, предпочитая ее своей форме, как за легкость и удобство покроя, так и за прочность сукна. В черкесской одежде, как бы тепло ни оделся казак, он одинаково будет поворотлив и проворен. Черкесская одежда и сбруя, черкесское оружие, черкесский конь составляют предмет военного щегольства для урядника и офицера. Вообще, все черкесское пользуется уважением и предпочтением между казаками» [8; 9].

Таким образом, кубанский казачий костюм стал результатом соседства с народами Северного Кавказа. Старинная казачья одежда очень древняя. Костюм казаков складывался веками, задолго до того, как степняки стали именоваться казаками. За столетия покроем не изменился: это широкие шаровары – в узких штанах невозможно сесть на коня, да и ноги они будут стирать, и движения всадника сковывать. Так что те шаровары, что находили в древних курганах, были такими же, какие носили казаки и в XVIII, и в XIX веках. Рубахи были двух видов – русская и бешмет. Русскую заправляли в шаровары, бешмет носили навыпуск. Шили их из холста или шёлка. Степняки вообще предпочитали шёлк другим тканям – на шёлке вошь не живёт. Сверху – сукно, а на теле шёлк. Зимой носили нагольные полушубки, которые надевались шерстью на голое тело – так народы Севера носят кухлянку.

Сапог было великое множество. Особой любовью пользовались мягкие сапоги без каблуков – ичини и «чирики» – туфли–галоши, которые надевались поверх ичиг, в которые заправлялись шаровары. Носили и «башмаки» – кожаную обувь с ремнями, названную так потому, что изготовлялась она из телячьей кожи (тюрк. башмак – телёнок).

Но казак более всего ценил одежду не за её стоимость и даже не за удобства, которым славилась казачья «справа», а за тот внутренний духовный мир, которым была наполнена каждая деталь казачьего костюма. По верованиям древних, одежда – вторая кожа, поэтому коренные казаки никогда не носили чужую одежду, не совершив над ней очистительных обрядов, и уже тем более одежду с убитых. Надеть «чуждые покровы» означало войти

«в волю» дарителя и потерять свою волю. Награждая казаков, атаманы дарили им материал «на справу», но никогда не дарили атаманский кафтан [7; 8].

Особое значение имели казачьи лампасы. Считалось, что введены они впервые. Лампасы обнаруживаются на казачьей одежде, на одежде половцев и ещё раньше – скифов.

В отличие от всех народов и сословий мира казаки, жившие в строгих рамках военного сословия, обязаны были носить стандартную униформу. Мельчайшие детали: пуговицы на мундире, серьга в ухе, особым образом повязанный башлык или надетая папаха – для казака были раскрытой книгой, паспортом, по которому он узнавал о незаконном собрате всё.

Шапка – продолжение головы. У казаков папаха или фуражка играла огромную роль в обычаях и символике. Папаха с цветным верхом или казачья фуражка с околышем символизировали полноправную принадлежность к станичному обществу. В шапку зашивали иконы и написанные детской рукой охранительные молитвы. За отворот папахи казаки клали особо ценные бумаги и приказы. Надежнее места не было – потерять папаху казак мог только с головой.

Серьги (у мужчин) означали роль и место казака в роду. Так, единственный сын у матери носил одну серьгу в левом ухе. Последний в роду ребёнок, где нет, кроме него, наследников по мужской линии, носил серьгу в правом ухе. Две серьги – единственный ребёнок у родителей. Казаки традиционно следили за собственной внешностью. Исходило это, прежде всего, из уставных требований об опрятности.

В 1810 году была утверждена форма обмундирования черноморских казаков: шаровары и куртка из грубого сукна. Линейные казаки носили одежду черкесского образца. В начале 1840 года для черноморских казаков была установлена единая форма по примеру линейных. Эта форма стала единой и для сформировавшегося в 1860 году Кубанского казачьего войска. Комплекс мужской одежды состоял из: черкески, сшитой из чёрного фабричного сукна, шаровар тёмных тонов, бешмета, башлыка, зимой – бурки, папахи, сапог или ноговиц.

Покрой черкески целиком заимствован у горских народов. Шили её длиной ниже колен, с низким вырезом на груди, открывавшем бешмет; рукава делали с широкими отворотами. На груди нашивали подкладку для газырей; это служило вместе с кавказским поясом, часто серебряным набобом, украшением черкески. Красота и богатство казачьего костюма заключалась в том, чтобы в нём было больше серебра. Зимней одеждой у казаков служили шубы – кожухи, с глубоким запахом, с небольшим воротником из дублёных белых и чёрных овчин и стёганые на вате бешметы.

Основным элементом мужского костюма были рубаха с прямым разрезом ворота и штаны-шаровары. Рубаха доходила почти до колен, её рукава были прямыми, подмышки вшивалась прямоугольная вставка – ластовица. Этот тип рубахи был известен на Украине и распространён по всей Кубани. В одежде линейных казаков проявилось южнорусское влияние. Это была туникообразная рубаха – косоворотка с разрезом ворота, расположенным на левой

стороне груди, и со стоячим воротником. На Кубани встречались рубахи с прямым разрезом ворота. Мужские рубахи украшали вышивкой по низу, по краям рукавов, по вороту и на груди. Нагрудная вышивка располагалась узкой полоской вдоль бокового разреза, в виде двух более или менее широких полос по бокам прямого разреза. Праздничная мужская рубаха всегда украшалась вышивкой, особенно свадебная [8; 9].

Женский костюм – это целый мир. Не только каждое войско, каждая станица и даже каждый казачий род имел особый наряд, который отличался от иных, если не совершенно, то деталями. Чем дальше в глубь веков, тем отчётливее видно назначение одежды: не только оберегать человека от жары и холода, от непогоды, но и от злых сил; быть паспортом и визитной карточкой одновременно. Особенностью казачьего женского костюма были головные накладки. Женщинам не положено ходить в храм с непокрытой головой. В России замужние женщины носили «повойник» – показаться «простоволосой» было знаком невежества, дикости. Казачки носили кружевные платки, а в XIX веке – «колпаки», «файшонки» (от нем. слова «файн» – прекрасный). Носили они в полном соответствии с семейным положением – замужняя женщина никогда не показалась бы на людях без файшонки. Девушка же покрывала голову и обязательно заплетала одну косу с лентой. Все носили кружевные платочки. Без него появление женщины на людях было так же немислимо, как появление строевого казака без фуражки или папахи.

Были и другие символы, которые особенно не демонстрировались в женском костюме, но присутствовали. Таким символом, например, были ключи. Та, которая владела ключами от погребов, была полновластной хозяйкой в доме. И с этой минуты ей подчинялись все, в том числе и мужчины, если речь шла о домашних делах.

Традиционный женский костюм сформировался во второй половине девятнадцатого века. Он состоял из юбки и кофты, так называемая «парочка», являвшаяся как нательной, так и верхней одеждой. Шился костюм из фабричных тканей – шёлка, шерсти, бархата, ситца. Кофты, или «кофточки», были разнообразных фасонов: приталенные по бёдрам, с оборочкой – «басочкой», рукав длинный, у плеча гладкий или сильно присборенный с «пухляками», на высоких или узких манжетах, воротник «стойка» или вырезан по объёму шеи. Нарядные блузки украшали тесьмой, кружевом, строчками, бисером. Носили и блузки свободного покроя – «матене». Покрой у таких блузок был прямой и свободный. Юбки любили шить пышными, мелко собранными у пояса из четырёх, семи полок, каждая шириной до метра. Юбки внизу украшались кружевом, оборками, шнуром, мелкими складками.

Нижняя юбка – «спидница» – обязательная принадлежность женского костюма. Шилась из тонкой белой светлой ткани с кружевами, часто орнаментировалась вышивкой. Современники так описывают костюм казачки: «... в праздник казачки любят пощеголять: костюмы ситцевые, шерстяные и шёлковые, на голове красивые платки, на ногах полусапожки; на руках золотые и серебряные кольца; на шее у многих янтарные монисты; в ушах – золо-

тые и серебряные серьги. Девушки в косы вплетают дорогие шёлковые ленты. Все женщины заплетают волосы на голове вокруг» [1; 7].

Одежда детская похожа на одежду взрослого населения. Дети получали минимум одежды, часто донашивали старую одежду. Специальной формы свадебного платья не было; шилась обычная одежда, но из лучших тканей. Казаки на свадьбу надевали казачью форму.

В 1810 году была утверждена форма обмундирования черноморских казаков: шаровары и куртка из грубого сукна. Линейные казаки носили одежду черкесского образца. В начале 1840 года для черноморских казаков была установлена единая форма по примеру линейных. Эта форма стала единой и для сформировавшегося в 1860 году Кубанского казачьего войска. Комплекс мужской одежды состоял из: черкески, сшитой из чёрного фабричного сукна, шаровар тёмных тонов, бешмета, башлыка, зимой – бурки, папахи, сапог или ноговиц. Возрожденное кубанское казачество восприняло комплекс обмундирования казаков периода Первой Мировой войны, который в современных условиях устарел для повседневной носки и может использоваться только в исторических реконструкциях или для сценической деятельности. Важнейшей задачей дизайнеров является разработка и внедрение новых казачьих костюмов, адаптированных для повседневной трудовой деятельности и воинской службы.

Список литературы

1. Кузнецова М. М. Художественная структура авторского женского костюма в проектной культуре последней трети XX – начала XXI вв. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. СПб, 2010.
2. Ян Цзя. Семиотика моды (костюма) в контексте межкультурной коммуникации / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. Шуя, 2011.
3. Макарова Т. Л. Система символов в дизайне современного костюма: теория, методология, практика. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора искусствоведения. Москва, 2013.
4. Очерки традиционной культуры казачеств России. / Под ред. Бондарь Н.И. Т.1. – М.: ГУП Кубанькино, 2002. – 589 с.
5. Кубанское казачество: три века исторического пути // Матер. межд. науч.-практ. конф. – Краснодар: Уч.-изд. Л., 1996. – 304 с.
6. Ярошенко И.В. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история «История традиционного бытового костюма кубанских казаков XIX- начала XX века». М., 2009. – 205 с.
7. Попка И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы: в 2 ч. Краснодар, 1998. С. 78-82.
8. О.Агафонов, «Казачьи Войска Российской Империи». URL: <http://orenkazak.ru/forma-evolutsia.html#pririk2> (дата обращения 05.07.2015)
9. Никитин В.Ф. Русское казачество. Одежда казаков. Кубанские казаки. URL: <http://fpvestnik.ru/russkoe-kazachestvo/odezhda-kazakov/> (дата обращения 09.07.2015).

СУЩНОСТЬ ФЕНОМЕНА «ДУЭНДЕ» В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСПАНСКОГО ТАНЦА ФЛАМЕНКО

Кучеренко А.Л.

аспирантка кафедры дизайна и технологий,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток

В настоящей статье рассматривается присущий танцу фламенко феномен «дуэнде», – состояние наивысшего духовного и эмоционального подъема танцора во время исполнения. В работе предлагается авторская концепция понимания «дуэнде», согласно которой данный феномен включает в себя пять составляющих: творческое воображение, вдохновение, эмоциональная отдача, импровизация и транс.

Ключевые слова: танец фламенко, дуэнде, «дух танца», импровизация, вдохновение.

Неотъемлемой частью искусства танца фламенко является феномен «дуэнде», определяемый как «дух танца» – состояние наивысшего творческого вдохновения артиста. По словам исполнителей и исследователей фламенко: Р. Молины, А. Маирены, А.П. Кларамунта, А.Г. Климента, Э.М. Анди, Ф.Г. Лорки и др., без «дуэнде» исполнение танца фламенко невозможно. Именно поэтому выражение «дуэнде» в танце ценится выше, чем техника исполнения и хореография.

Согласно эстетической теории Ф.Г. Лорки, феномен «дуэнде» передает сущность мира: «Приближение дуэнде знаменует ломку канона и небывалую, немислимую свежесть – оно, как расцветшая роза, подобно чуду и будит почти религиозный восторг» [3]. По словам исследователя Э.М. Анди, танцор фламенко «...вместе с магией жестов раскрывает свой внутренний мир, где скрыты тайны дуэнде. Дуэнде является промежуточным звеном между его земной и божественной сущностью или между внешним и внутренним миром» [1, с. 43]. Певица фламенко П. Павон называла этот феномен «черным бесом вдохновения». Исследователь и исполнитель фламенко А. Маирена, рассказывая о своем переживании «дуэнде», отмечает: «У меня были моменты транса, это то, что называют также моментами экстаза. Это чувство полного отрешения и присутствия в другом мире» [5]. В своем исследовании творческого процесса Э. Нойманн вводит понятие «одержимости», сопровождающей настоящее творчество, что наиболее полно раскрывает природу «дуэнде» [4, с.129].

Несмотря на важность феномена «дуэнде», в исследованиях искусства фламенко до настоящего времени не существует научного анализа этого явления. В попытке научного толкования понятия «дуэнде», автор данной статьи, предлагает условно разделить его на пять составляющих: воображение, творческое вдохновение эмоциональную отдачу, импровизацию и транс [2]. Во время исполнения танца эти компоненты выступают в тесной взаимосвязи, образуя целостное единство, в результате чего возникает «дуэнде», определяющийся, не только особым состоянием танцора, но и характерной реакцией зрителя.

Так, воображение, наряду с вдохновением, является первичным условием для исполнения танца фламенко. Воображение необходимо для вхождения исполнителя в определенный художественный образ. Несмотря на то, что этот танец предполагает подлинность чувств и откровенность в их проявлении, избегая наигранности, художественный образ все же необходим как определенная форма этой самой искренности. Вдохновение – состояние наивысшего творческого подъема исполнителя, при котором техника танца и внутренняя энергия слиты воедино. Танцора в состоянии творческого вдохновения движет «поток», при этом сам он способен оказывать гипнотическое влияние на окружающих.

Посредством танца исполнитель фламенко передает зрителю драматичный, эмоционально окрашенный сюжет, являющийся подлинным переживанием, своеобразной «исповедью», что требует от артиста полной эмоциональной отдачи. По словам танцора Х. Кортеса, «Фламенко построен на крике, и в этом состоянии танцор проживает через танец все свои эмоции, которые он сублимирует в движения», – признается [1, с.169].

Традиционно исполняемый под аккомпанемент живой гитарной музыки и пения, танец фламенко при всей своей четко заданной структуре, тем не менее, должен быть импровизацией, своеобразным диалогом или спором между танцором и музыкантом. Подобная непосредственность рождает у зрителя ощущение, что фламенко – это нечто «живое, подлинное и даже интимное».

Состояние транса, как одного из компонентов «дуэнде», отражается на лице танцора фламенко, свидетельствуя о его глубокой концентрации и сосредоточении на передаваемых чувствах. Характерный ритмический аккомпанемент фламенко способствует вхождению танцора в состояние кинестетического транса. Особенность танца фламенко в том, что внешне он выражает движения сдержанные и зачастую напряженные, однако наполненные глубоким внутренним смыслом и патетикой, не признавая зрителя отчужденного и равнодушно настроенного. Зритель, способный к сотворчеству и сопереживанию, готовый почувствовать, выражаемый танцором феномен «дуэнде», испытывает при этом состояние катарсиса.

Так, «дуэнде» – это особое состояние сознания исполнителя, при котором происходит подъем его внутренней энергии, обостряется восприимчивость к ритму и музыке, повышается способность импровизации и гипнотического влияния на зрителя, при этом сам он находится под воздействием транса. В состоянии «дуэнде» проявления духа и тела артиста становятся единым целым.

Список литературы

1. Анди, Э.М. Фламенко: тайны забытых легенд /Э.М. Анди. – М.: Мусалаев, 2003. – 183 с.
2. Кучеренко А.Л., Коноплева Н.А. Анализ проявлений феномена «дуэнде» в танце фламенко [Электронный ресурс] / Современные проблемы науки и образования. – Эл. журнал. – 2015. – № 1. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/121#79> (дата обращения 15.09.2015).

3. Лорка, Ф.Г. Избранные произведения в двух томах. Стихи. Театр. Проза. Том. 2. Дуэнде, тема с вариациями / Ф.Г. Лорка – М., 1986. – 407 с.
4. Юнг К.Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство / К.Г. Юнг, Э. Нойманн. – М.: Refl-book, К. Ваклер, 1998. – 304 с.
5. Molina R. and Mairena A., Mundo y formas del cante flamenco, Madrid, 1963.

ЖАНР БАЛЛАДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ НАРИМАНА САБИТОВА

Старикова В.И.

доцент кафедры музыкальных инструментов
и музыкально-компьютерных технологий,
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы,
Россия, г. Уфа

Платонова С.М.

профессор кафедры истории музыки канд. искусствоведения,
Уфимская государственная академия искусств имени З. Исмагилова,
Россия, г. Уфа

Шамсутдинова Р.Р.

студентка кафедры музыкальных инструментов
и музыкально-компьютерных технологий,
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы,
Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются фортепианные сочинения башкирского композитора старшего поколения Н.Г. Сабитова, акцентируются баллады для фортепиано, рассматриваются черты стиля, образный строй, основные средства музыкальной выразительности. Учитывается особое отношение композитора к национальному музыкальному фольклору – стилизация, отсутствие в изучаемых пьесах прямого цитирования.

Ключевые слова: Н.Г. Сабитов, баллады для фортепиано, озон-кюй, стилизация.

Рассмотрение произведений Н.Г. Сабитова, созданных в жанре баллады, невозможно без предварительной обрисовки общей картины состояния фортепианной музыки в республике. История становления башкирской фортепианной музыки началась в первые десятилетия XX века. Эта область творчества отражает главные черты как всей истории формирования национального композиторского языка и стиля, с его неповторимым в своем колорите образным и эмоциональным миром, так и индивидуального стиля конкретного автора. Одним из первых профессиональных композиторов Башкирии, получивших образование в Московской консерватории им. П.И. Чайковского является Нариман Гилязетдинович Сабитов (1925–1971) – заслуженный деятель искусств Республики Башкортостан (Башкирской автономной советской социалистической республики). Он вошел в культуру как маститый башкирский композитор и дирижер, общественный деятель, представитель поколения композиторов 1950–1960-х годов.

Н.Г. Сабитов много работал над изучением музыкального наследия башкирского народа. Затем он использовал народные песни в своих произведениях как крупного плана – концертах для скрипки, симфонической поэме, балетах, так и миниатюрах. Народная песня обогащается новыми красками – гармоническими, тембровыми, фактурными, она становится как бы «словами» самого композитора, и тогда он начинает говорить языком народа. О фортепианном творчестве Н.Г. Сабитова можно уверенно сказать как об особом явлении в башкирской музыкальной культуре. Критерием для этой оценки является ярко индивидуальный, самобытный стиль, органично сочетающий в себе национальные традиции с признаками европейской профессиональной композиторской школы.

Н.Г. Сабитов одним из первых в Башкирии обратился к таким жанрам инструментальной музыки, как прелюдия, баллада, сонатина и концерт. Им также написаны «Детский альбом», серия «Наигрышей», циклы прелюдий, много ярких и характерных самостоятельных пьес для репертуара детских музыкальных школ. Во всех названных жанрах он достиг настоящего художественного совершенства.

Предшествовала и окружала создание баллад в творчестве Н.Г. Сабитова работа в жанре фортепианной прелюдии. Обращение композитора к прелюдии совпало со всеобщим интересом к этому жанру в советской музыке 1950-х – 1960-х годов, когда циклы прелюдий создают Д.Д. Шостакович, Д.Б. Кабалевский, К.А. Караев. Интерес Н.Г. Сабитова к данной области инструментальной музыки был не случаен, так как прелюдия, в истоках своих связанная со свободным прелюдированием и импровизационностью, могла осуществить единение восточной и европейской культур. Важно, что такой подход Н.Г. Сабитова к фортепианному творчеству определил дальнейшее развитие жанра миниатюры в республике.

Творчество Н.Г. Сабитова характеризуется особенной активностью, исходящей из позитивного восприятия жизни. Это явственно заметно и в пьесах-балладах. В образном плане могут возникнуть параллели с сочинениями этого композитора в других жанрах. Среди них – «Героическая поэма» для симфонического оркестра; «Бессмертие» – кантата для солистов, хора и симфонического оркестра, проникнутых идеями революционного романтизма. Теми же настроениями пронизаны и его инструментальные сочинения, например, вариациях для фортепиано, прелюдиях для фортепиано, Балладе си минор.

Фортепианный цикл «Три баллады для фортепиано» воплощает чрезвычайно яркий, отчётливый образ. Можно сказать, что это образ солдата-героя. Названный цикл получил широкую известность в послевоенные годы. Тема героической борьбы раскрывается здесь наиболее сильно. Автор следует повествовательно-драматической трактовке жанра. Здесь можно усмотреть традицию европейской романтической музыки – например, баллад И. Брамса, Ф. Шопена.

Драматургия пьес основана на сопоставлении образных сфер героики и лирики. Как правило, кульминация достигается наиболее высокой степенью

интенсивности развития главного образа героя. При этом выявляются самые мужественные и героические черты. Цикл отличают достаточно плотная фактура. Театральность и некая пафосность звучания позволяют провести параллели с балетами Н.Г. Сабитова, такими как «Гульназира», «Страна Айгуль» и «Люблю тебя, жизнь». Объединяющим принципом для всех пьес служат сравнительно небольшой диапазон музыкальных тем, обильное использование крупной аккордовой техники, в сочетании с принципом подголосочной полифонии. Особой апофеозностью отличаются коды баллад, утверждающие силу и духовную красоту героев-защитников Отечества.

Баллада си минор написана в сложной трехчастной форме. Из фольклорных истоков следует особо выделить влияние самого яркого, своеобразного песенного стиля озон-кюй – протяжная песня. Медленная первая тема, как отмечает Н.Ф. Гарипова, созвучна историческим и эпическим народным напевам. Исследователь называет два образца протяжных песен (озон-кюй) – «Салават», «Кахым-туря» и один инструментальный, менее орнаментированный наигрыш «Буранбай» [3, с. 65-66]. Небольшой диапазон, мелодии, ясный затактовый импульс начала фразы говорят об отчётливом влиянии фольклорного материала на оригинальную тему Н.Г. Сабитова.

Поскольку Н.Г. Сабитов посвятил много сил изучению башкирского фольклора, то его использование во многих сочинениях выступает в форме цитирования (что было характерно для периода 1950–1960-х годов). Однако в балладах применяется скорее не прямое цитирование, а аллюзии, работа в стиле народных фольклорных образцов, то есть стилизация. В таких случаях народная песня не вводится как таковая, а обогащается ритмическими, тембровыми, фактурными преобразованиями, новыми для нее оркестровыми приемами. Она расцветается благородной тонкой гармонией, что помогает выявить ее образное богатство.

В то же время, Н.Г. Сабитов привносит в музыкальный тематизм баллады черты академических традиций. Композитор великолепно владеет полифонической техникой. В теме сочетаются три пласта. Хроматизированные подголоски среднего голоса вырастают из органного пункта звука «ля» малой октавы. Нижний пласт можно трактовать как воплощение образа набата. Ещё одна линия в басу – гибкая пластичная мелодия – формирует романтический стиль сочинения. Он дополняется широкими интервальными шагами фигураций, а также их волнообразным рисунком.

Автор стремился раскрыть многосторонность характера своего героя. Если тема первой части несет оттенок мужественности, углубленности, сдержанности, то тема средней части представляет лирическую сторону образа.

На примере Баллады си минор можно сделать некоторые обобщения. Как в этом сочинении, так и в других балладах заметно стремление композитора существенно обогатить фактурные средства музыкальной выразительности в башкирской фортепианной музыке. Основой для этого служит богатое образное мышление автора.

Следует еще раз подчеркнуть, что эмоциональный тонус фортепианных произведений Н.Г. Сабитова отличается особой жизненной силой, оптимизмом. В любом жанре фортепианного искусства в центре внимания композитора стоит образ сильного духом, волевого человека.

Н.Г. Сабитов – талантливый композитор, умеющий чутко вслушиваться в тенденции, предлагаемые самим временем, и поэтому его творчество открыто для переосмысления в иных исторических условиях.

Список литературы

1. Ахмадеева Г. Нариман Сабитов // Композиторы и музыковеды Башкортостана: очерки жизни и творчества. Уфа: Китап, 2002. С. 177-182.
2. Бикчентаев А.Г. Нариман Сабитов. Уфа: Башкнигоиздат, 1975. 30 с.
3. Гарипова Н.Ф. Башкирская фортепианная музыка. Уфа: Гилем, 2008. 384 с.
4. Платонова С.М., Воробьева Е.Л. Основные этапы и тенденции развития фортепианной миниатюры // Фортепианная музыка композиторов Башкортостана: тез. докл науч.-прак. конф. Первого фестиваля музыки композиторов Башкортостана. Уфа, 1997. С. 13-15.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОСОБАЛТОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ

Шахов В.А.

доцент кафедры философии и культурологии, канд. культурологии,
доцент, Калининградский государственный технический университет,
Россия, г. Калининград

В статье исследуются процессы национально-культурной идентичности вмещающего социума особой территории Российской Федерации с чертами социокультурного локуса со всеми вытекающими последствиями социального, экономического и геополитического характера.

Ключевые слова: культура, национально-культурная идентичность, этнокультурные технологии, поликультурность, субкультурный локус, рособалты.

Актуальность настоящего исследования обусловлена феноменальной спецификой формирования национально-культурной общности в Калининградской области, находящейся в регионе со сложной историей и этнической структурой, не имеющих аналогов в других регионах России. Культурное пространство эксклава складывалось под влиянием сложных исторических, геополитических, социально-экономических и демографических факторов. Население края не автохтонно, не имеет исторических корней, в значительной части лишено живой культурной традиции, при этом многообразно по этническому составу и социальному статусу. Эксклав находится под культурным, более того – ментальным воздействием Запада. В этих условиях исследование культуры чрезвычайно сложно. Еще сложнее создавать практические рекомендации по становлению национально-культурной идентичности

у подрастающего поколения, особенно в условиях, когда специалисты не обладают достаточным уровнем этнокультурных знаний. Именно поэтому избранный аспект этой проблематики был бы сложен для описания процессов в других регионах. Низкий уровень теоретико-методологического осмысления национально-культурной идентичности российского «острова» юго-восточной Балтики в системе культурологических знаний приводит к отсутствию системы ее формирования. Отсюда очевидно, что формирование национально-культурной идентичности населения Калининградской области имеет стратегическое направление в реализации государственной политики. Проведение академического анализа методов исследования культуры этого субкультурного локуса особенно важно для разработки рекомендаций по культурологической деятельности.

Советская культурология постулировала, что национальная культура в эпоху развитого социализма якобы перестала определять сущность нации, национальное становилось феноменом несущественным, если не вредным. В результате в советские годы на практическом уровне проблемы этнокультуры почти не изучались. В постсоветском обществе культурная ситуация первоначально была переориентирована на прозападные аксиологические установки, что поставило, в частности, регион юго-восточной Балтии перед проблемой выбора между интеграцией в западноевропейскую культуру на минимализированном уровне или сознательным усвоением традиционных ценностей российской культуры. С переходом к гражданскому обществу значение культуры, как правило, усиливается. Гражданское общество, хотя это формально и отрицается международным правом, состоит из этнокультурных элементов. “Прикрытие” социальной культурой общегосударственных ценностей и институций упрощает функционирование государственных и социальных механизмов. Это важнейший тест социального здоровья общества [2].

Регионализация культуры – тенденция, характеризующаяся далеко идущими социальными последствиями. Глобальные этнокультурные системы, становятся все более важным инструментом для сближения людей, урегулирования местных проблем и поддержки экономики.

Регион Российского эксклава юго-восточной Балтии является не только аванпостом русской цивилизации на Западе, но с XIII века служит связующим звеном российской и западноевропейской культуры. Культурные факторы важны не менее географических, ресурсных, политико-институционных, что особо четко проявляется в российском эксклаве. Ценностное ядро русской ментальности и культуры в области подвергается опасности девиации по механизму минимализации как исходной – русской – культуры, так и в части заимствованных фрагментов [3, 4]. И это опасность не только для сохранения русской культуры, но и для сохранения российской государственности в регионе.

При выборе модели развития региона, надо отказаться от постулата исторического детерминизма, по которому все проблемы духа, общества, вырастают единообразно из эволюции общемировой экономики. Не только участие в экономических блоках, но культура, в конечном счете, является опре-

деляющим фактором в региональных интеграционных процессах. Собственно говоря, близкую систему взглядов определил еще в начале прошлого века философ культуры П.-М. Бицилли, сказав, что у культуры есть свой прогресс, особого рода – без закономерности, без прямолинейности, без необходимости сознательного осуществления сознательно поставленных целей, – состоящей в накоплении результатов духовного опыта, в обогащении запаса духовных стимулов и творческих возможностей. Культура по своей природе трагична. И поэтому ей не свойственно протекать безмятежно, идиллистически, без препон и опасностей: тогда ей грозит самая страшная и неодолимая опасность – быть незаметно, исподволь засосанной цивилизацией [1].

Важно отметить, что взаимодействие и взаимопроникновение культур, приводящее к государственному единству, осуществляется через культурные контакты. Культурная традиция включает как этнокультуру и ритуал, так и культуру цивилизационную [5].

Рособалты – очень специфический подэтнос, с высокой степенью денационализации. Впрочем, сентенцию о денационализации можно отнести ко всем россиянам, где бы они ни жили, ибо по состоянию на 1989 г. около трети из них предпочитали самоопределяться в категории советский человек, т.е. членами политического сообщества, а не этнической общности.

В этой связи приобретает особую актуальность проблема создания адекватной рефлексивной модели управления культурными процессами в эксклаве и изучение культурологических аспектов социального и индивидуального бытия. Особо оправданно обращение к возможностям генетического и компаративного анализа, ибо необходимо разработать пути возможных преобразований в управлении культурными процессами в этом специфическом регионе с учетом перспективных социальных целей и имеющихся ресурсов. Перед населением Калининградской области, изначально поставленном в условия жизни с прерванной этнокультурной традицией и ныне отторгнутых от России даже географически, возник комплекс этнических, демографических и культурологических проблем, переросших в политические и экономические. Даже поверхностный анализ показывает, что наиболее эффективный способ их решения лежит в области оптимизации социокультурной деятельности.

Список литературы

1. Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996.
2. Захаров А.А. Федерализм и глобализация // ж. Полис № 6 (71), 2002. С. 116-126.
3. Сергеева О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // Общественные науки и современность. РАН № 5, 2002. С. 104 – 114.
4. Смородинская Н. Калининградский эксклав: перспектива трансформации в «пилотный регион». М.: Ин-т экономики РАН, 2001. С. 36.
5. Холодковский К.Г. Факторы, влияющие на развитие толерантности // Публичная сфера и культура толерантности. М.: «Эксперт», 2002.